Алена Брава

ДАРАВАННЕ
ПРОЩЕНИЕ
VERGEBUNG

АПОВЕСЦЬ

Мінск
«Выдавецкі дом «Звязда»
2013

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Беи)-44
Б87

Брава, А. В.
Б87 Дараванне=Прощение=Vergebung : аповесць / Алена Брава ; пер. на ням. мову Андрэ Бёма. — Мінск : Выдавецкі дом «Звязда», 2013. — 208 с.
ISBN 978-985-7059-28-7.

Старажытнагрэчаскае слова «алетэйя» («ісціна») літаральна азначае «адсутнасць забыцця». Страціўшы памяць, непазбежна губляеш ісціну, – да такой высновы прыходзіць гераіня аповесці Алены Брава «Дараванне» беларуска Ларыса Вашкевіч, вымушаная даглядаць у Германіі Ганса Краўза – цяжкахворага бацьку свайго мужа. Аднойчы Ларыса, чыя сям'я пацярпела ад фашызму ў гады акупацыі Беларусі, даведваецца пра тое, што Ганс у гэты час служыў у вермахце, і не дзе-небудзь, а ў яе родных мясцінах. Рашэнне жанчыны адназначнае: пакінуць дом былога акупанта. Аднак ні муж, ні суайчынніца-эмігрантка, ні нават дарослая дачка не разумеюць яе.

Дык што прымушае Ларысу Вашкевіч не спаць уночы: выхадкі былога нямецкага салдата, які пакутуе на хваробу Альцгеймера і таму лічыць, што вайна яшчэ працягваецца? Гульня каляровых шкельцаў у калейдаскопе Мнемазіны? Ці «замацаванне афекту» гістарычнай памяці? Адказ на гэтыя пытанні дае аповесць, прызначаная для шырокага кола чытачоў.

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Беи)-44

ISBN 978-985-7059-28-7

Аповесць "Дараванне" ўпершыню пабачыла свет у часопісе „Маладосць" у 2011 годзе. Неўзабаве яна была надрукавана ў перакладзе на рускую мову ў расійскім літаратурна-мастацкім часопісе "Сибирские огни". Міжнародная Асацыяцыя пісьменнікаў-баталістаў і марыністаў (г. Масква) адзначыла аповесць літаратурнай прэміяй імя Канстанціна Сіманава.

Андрэ Бём, шчыры прыхільнік Беларусі, пераклаў „Дараванне" на нямецкую мову.

Выказваю ўдзячнасць маёй сястры Наталлі Бірнер, якая жыве ў ФРГ, — яна дапамагла мне лепш зразумець побыт і ўчынкі людзей, чыя ментальнасць значна адрозніваецца ад беларускай (але любоў і спагада аказваюцца

мацнейшымі за адрозненні – як
у выпадку з гераіняй аповесці);
рэдактару нямецкага тэксту
Галіне Скакун; дызайнеру кнігі
Руслану Найдзену.

Алена Брава

ДАРАВАННЕ

mit allen Unterlagen erscheine
um meiner Dienstpflicht nachz
und das Reich vor den Feind
verteidigen. Ja, 1944 hatte ma
damit begonnen, die Siebzehnjä
einzurichen. Mein Klassenkame
hatte den gleichen Befehl zwei
früher erhalten. Er ging nich
Kommandantur und wurde v
arbeitern des Reichssicherheit
Man besc

Маёй сястры Наталлі

Ганс знік апоўдні.

Перадусім яе «хэндзі» якраз зазваніў у самы нязручны момант — яна толькі што ўвайшла ў дом і, калі ласка, натрапіла на старога, які ўладкаваўся ў гасцёўні як нічога і не было: наліў ліманаду ў іржавую каструлю для садовых угнаенняў (дзе толькі адшукаў!), размачыў там кардонку з-пад яек і ўжо старанна жуе яе. Выцвілыя вочкі рэдкага блакіту, што тое эмалевае неба над вежамі старажытнага Кайзербурга, цурочак сліны сцякае па маршчыністым падбароддзі — давялося неадкладна апранаць гумовую пальчатку, каб выцягнуць у яго з рота кавалкі кардону, і на званок яна не адказала.

Мелодыя «Beethoven fantasy» хутка пачулася зноў; тэлефанавала яе суайчынніца Лада, родам з Віцебска, прапаноўвала паехаць на сеанс нейкай варажбіткі, нібыта ўнучкі сібірскага шамана, а верагодней за ўсё, чарговай аферысткі (бедныя немцы! панаехала ж *нас* на вашую галаву!): «Ты ж нарадзілася ў шэсцьдзясят шостым, табе кроў з носу патрэбна, у цябе лёс закрыты, дзве шасцёркі на канцы!» — карацей, калі Ларыса, адклаўшы, нарэшце, мабільнік, вярнулася ў гасцёўню, каб

даць Гансу яго звычайную дозу мелперона, старога там ужо не было.

Зазірнула ў ягоны пакой, голы, нібыта халупа айчыннага алкаголіка, а не апартаменты баварскага пенсіянера, там было пуста, толькі старое люстэрка з'едліва, як ёй падалося, мігцела вышчарбленай амальгамай; але тут напаўадчыненыя ўваходныя дзверы з прымацаваным да іх з унутранага боку нябіткім люстэркам (па парадзе лекара і прымацавалі: маўляў, уласны адбітак адцягвае хворага ад намеру ўцячы з дому), уваходныя дзверы, якія Ларыса забылася замкнуць, усё растлумачылі. Пакуль яна размаўляла па тэлефоне, стары збег!

Кінулася на адзіную вуліцу вёскі; як быццам бы ідучы на шпацыр (галоўнае — не прыцягваць увагі, адразу ж данясуць у бальнічную касу, што «гэтая руская» дрэнна даглядае хворага), але ўсё ж дастаткова шпаркай хадой прайшлася міма прыватных парадызаў з пунсовымі ды залатымі цюльпанамі, шыкоўнымі нарцысамі, падобных да дарагіх магазінаў свяцільняў, дзе ўзялі дый запалілі ўсе лямпы адразу, вось толькі размешчаны яны па капрызе моднага дызайнера не ўверсе, а ўнізе. Суседкі старанна працавалі ў палісадніках; іх шыйныя хусткі, якія варушыліся ад ветру, нагадалі ёй узнімаючых галовы змей.

Старога на вуліцы не было.

Пакуль ішла назад, узгадвала ўчарашняе: вярнуўшыся з Эбенсфелда, знайшла Ганса ля люстэрка — стаяў, не запальваючы святла, худыя ногі ў перакручаных споднiках, майка нацягнута на швэдар (апранаўся сам), пух на цемені, нібыта

мох на камені-кругляшы, якіх багата ў наваколлі. Стаяў, утаропіўшыся ва ўласны адбітак. Што ён мог бачыць там, у цемры? Кранула за плячо — Ганс зірнуў на яе не пазнаючы і зноў звярнуўся да люстэрка, замшэлы правал рота манатонна прашамкаў: «Тут халодна… няма ежы… няма запалак… нікога няма…» — менавіта так яна зразумела сэнс ягонага мармытання. Перад ёю стаяў вар'ят, які перакрэсліў ужо рэальнасць яе існавання, і яна стомлена ўсміхнулася: мо яе насамрэч няма? Вось было б цудоўна! А праз хвіліну пачуліся хрыплыя гукі, як быццам бы скрыгоча заезджаная кружэлка, — гэта ён заспяваў: «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen...», нават правай рукой паспрабаваў камусьці ў люстэрку памахаць нібыта на развітанне, а потым выцягнуў гэтую руку перад сабой: «Sieg Heil!», але не ўтрымаў раўнавагі ды паваліўся б на падлогу кулём, калі б яна яго не падтрымала.

Яна тады адцягнула ўвагу хворага ад люстэрка, панадзіўшы яго цукровым пячэннем (безадмоўны сродак пераключэння рэальнасцей, які нязменна вяртае Ганса ў «тут-і-цяпер»), дапамагла ўкласціся ў ложак, скарміўшы яму разам з пячэннем двайную дозу мелперона. І задумалася — у які ўжо раз! — над тым, як вычварна блукае ў лабірынтах мінулага зацямнёная свядомасць. Для яе, зразумела, не адкрыццё, што няўхільнае сціранне ўсіх адбіткаў рэальнага свету — адметная рыса хваробы Ганса, у аснове якой працэс прагрэсіруючай гібелі нейронаў. Упершыню апісаны Альцгеймерам від бяспамяцтва даволі распаўсюджаны тут, у Германіі; паўгода таму па-

мёр іх сусед Паўль, такі ж прыдуркаваты стары, да таго ж апантаны жарсцю да бадзяжніцтва, яго брату-пенсіянеру даводзілася з ім нялёгка. Ральфу таксама хапіла б клопатаў з уласным бацькам, калі б не яна, Ларыса. Час ад часу паміраючыя нейроны Ганса, штуршкамі прарываючы плеўку бяспамяцтва — так рыба выкідваецца на бераг з атручанага вадаёма, — выносяць на паверхню тыя ці іншыя нябіткія аскепкі. «Зіг Хайль…» Ну, а ты чаго хацела — каб ён зацягнуў «Вставай, страна огромная»?

Пра тое, як усё пачыналася, яна ведае па расповедах Ральфа. Калі Ральф Краўз, другі яе законны муж, прывёз сюды яе са Светкай, якую вырашыў удачарыць, Гансаў маразм ужо пышна квітнеў, драпежна распростваючы свае пялёсткі колеру змяркання, воўчай ягады. Яшчэ пяць год таму, казаў Ральф, Ганс быў дабрадушным старым з белым пухам на цемені ды па-дзіцячы ясным позіркам за шкельцамі акуляраў. Увесь вольны час ён праводзіў у куратніку: развядзенне курэй было ягонай жарсцю. На сваім «фальксвагене» ездзіў у бліжэйшы горад, Эбенсфелд, дзе прадаваў яйкі нясушак знаёмым пенсіянеркам, з якімі бавіў ціхія вечары за кубкам кавы. Змярканне розуму пачалося досыць бяскрыўдна: стары стаў забываць дні нараджэння сваякоў і даты аплаты рахункаў. Увечары забываў, што ранкам стрыгся ў цырульні ці здаваў у лекара кроў на аналіз; бліжэйшыя дні нібыта хтосьці акуратна вымаў з ячэек, і лакуны памяці пусцелі. І пакуль Ральф апісваў ёй казусы, якія адбываліся з бацькам у банку ды ў супермаркеце, яна ўзгадала пра тое,

што старажытнагрэчаскае слова «алетэйя», то бок ісціна, літаральна азначае «адсутнасць забыцця». Страціўшы памяць, непазбежна губляеш ісціну. Прыкладам, той, хто пакутуе на хваробу Альцгеймера, імгненна забывае, што было ўчора, затое падзеі, якія адбываліся паўвека таму, паўстаюць перад ім як ніколі ярка. Ён не можа больш напісаць ані слоўка, нават калі быў першым вучнем у школе, не ўсведамляе, калі да яго звяртаюцца, перастае пазнаваць знаёмыя твары; тканка быцця, што складаецца са звычак, расплятаецца, як прагнілы гамак, і чалавек правальваецца ў пустэчу. У фінале адбываецца распад усіх навыкаў, застаюцца адно прымітыўныя рэфлексы. Усё гэта растлумачыў ім псіхіятр, на прыём да якога яны з Ральфам вазілі Ганса; і яшчэ ёй запомнілася, што розныя праявы той хваробы носяць нечакана прыгожыя грэчаскія назвы: агнозія, афазія, апраксія — тры сястры, тры антыподы Мнемазіны.

Ральф заўважыў дзівацтвы ў паводзінах бацькі, калі той раптам забыў рэцэпт соусу, які гатаваў ужо гадоў сорак да нядзельных страў, — гатаваў на старой электраплітцы, бо новая пліта, занадта «наварочаная», з панэлямі пукатых кнопак, якую Ральф купіў у крэдыт, у свае сорак пяць запланаваўшы, нарэшце, ажаніцца (тое, што нявесты яшчэ не было ў наяўнасці, яго не бянтэжыла), аказалася для старога занадта складанай. Потым высветлілася, што Ганс запамятаваў, як робіцца кава; аднойчы ён вырашыў закіпяціць на электраплітцы малако ў пластыкавым кубку — пах ва ўсім доме стаяў яшчэ той, але сам стары яго не адчуваў: якраз перад тым у яго раптоўна

знік нюх. Калі ж ён стаў ездзіць па цэнтры дарогі, не прытрымліваючыся правай паласы і не рэагуючы на сігналы кіроўцаў, а потым пакінуў у Эбенсфелдзе «фальксваген» адкрытым насцеж і рушыў дадому пешшу, яго давялося адлучыць і ад машыны. Менавіта тады пачалася Вялікая Эпоха Ключоў: Ганс пераварочваў усё ў пошуках ключоў ад «фальксвагена», хаваў звязку ад уваходных дзвярэй і паштовай скрыні, пры гэтым, зразумела, імгненна забываючы, куды; цяпер ужо ключы пачынаў шукаць Ральф, і той пошукавы сверб, нібыта заразная бацыла, адразу ж перадаваўся кожнаму, хто ўваходзіў у дом. Ганс па дваццаць разоў на дні спускаўся ў гараж, каб паторгаць за ручку дзверцы машыны, але адным ранкам паглядзеў на свой «фальксваген» з адцягненай цікаўнасцю натураліста, нібыта гэта — адноўлены для Мюнхенскага музея прыродазнаўства шкілет брантазаўра. Пра існаванне агрэгата, што рэгулюе ступень абагравання дома газам, агрэгата, які сам жа і ўстанаўліваў чвэрць стагоддзя таму, ён неяк вельмі хутка забыўся, а вось пра печ і дровы помніў доўга, і паліў так, што ў доме стаяла сапраўдная Сахара. Гэта, натуральна, злавала Ральфа: яму нарыхтоўваць дровы. Калі раней Ганс штодня чытаў мясцовую газету, то цяпер праглядваў толькі калонку з некралогамі, а ў хуткім часе ўжо і не разумеў, навошта патрэбны той шматок паперы з жучкамі-літаркамі. А ў васьмідзясяты дзень свайго нараджэння (Ларыса якраз аформіла ў бальнічнай касе штомесячную дапамогу па доглядзе — цяпер яна лічылася афіцыйнай Kránkenpflegerin хворага,

то бок сядзелкай) вельмі здзівіў суседку Аліцыю, якая зайшла на кубачак кавы, на яе ветлівае: «Колькі табе споўнілася, Ганс?» урачыста адказаўшы: «Сямнаццаць!» «Дык табе вядома, як павярнуць час назад, Ганс!» — пляснула рукамі суседка, але ён, ужо забыўшыся пра яе, прагна жаваў пірог, спечаны новай сядзелкай, — што-што, а апетыт у яго заўжды быў выдатны, нават булачкі для сняданку яна пачала хаваць, бо ўсё, неабачліва выкладзенае на стол, ён з'ядаў уночы, а раніцай забываў і патрабаваў яшчэ.

Аліцыя! Магчыма, Ганс накіраваўся да яе — па інэрцыі памяці, як у тыя гады, калі днямі прападаў у куратніку, а яйкі нясушак прадаваў суседцы па сходнай цане? Яна кінулася праз жывую агароджу да дома, паспела нават пазваніць у дзверы, калі ўзгадала (не, усё ж такі догляд за вар'ятам уплывае і на яе розум), што Аліцыя ўчора вылецела ў Вашынгтон на пахаванне адзінага сына, грамадзяніна ЗША, які падарваўся на міне ў Іраку. І калі ў дзверы высунуўся заспаны, але нават у такім выглядзе нязменна хітраваты твар Ота: «Што здарылася? Патрэбна дапамога?» — яна ўжо зразумела, што Ганса тут няма, але на ўсякі выпадак спытала, нават па прапанове гаспадара разам з ім абышла дом ззаду і зазірнула ў сад. Ота лічыў неабходным рабіць сур'ёзны твар, напэўна, з-за Майка (а сам пры гэтым так і шнарыў вачыма па яе грудзях, нагах); зрэшты, было абсалютна відавочна, што яму пляваць на гэтага Майка, які так і не здолеў дараваць маці разводу з ягоным бацькам-амерыканцам, а калі Аліцыя вярнулася ў Германію, дзе ў другі раз па-

бралася шлюбам, назаўжды спыніў зносіны з ёю. Аб жыцці сына Аліцыя даведвалася праз прыватнае дэтэктыўнае агенцтва (якому, дарэчы, плаціла немалыя грошы): стаў ваенным псіхолагам, мяняў месцы службы, адправіўся ў Ірак, між іншым, добраахвотна, і недарэчная яго смерць мусіць пячы бессардэчную маці гарачым жалезам пажыццёва — вядома, з пункта гледжання нябожчыка (стоп, ці можа ў нябожчыка быць пункт гледжання?). Але яна, жонка Ральфа і сядзелка Ганса, даўно пасвячоная суседкай ва ўсе яе таямніцы, — яна дык ведала, аб чым насамрэч плакала Аліцыя за тры гадзіны да адлёту самалёта: хітраваты Ота ў час камандзіроўкі ў Прагу зблытаўся з маладзенькай чэшскай прастытуткай (якая ўзяла яго тым, што галасавала ля дарогі ў ботах-панчохах і доўгім норкавым футры на голае цела) і, па чутках, нават прыжыў з ёю дзіцёнка. Сына Аліцыя не бачыла пятнаццаць год — ці магла яна, калі ўдумацца, шчыра плакаць па незнаёмым барадатым мужчыне, які анітрохі не нагадваў дванаццацігадовага хлопчыка, пакінутага ёю ў Амерыцы? Гады ідуць, і нічыя смерць ужо нічога не ў стане даказаць.

Як і нічыё жыццё. Яе, Ларысы Вашкевіч-Краўз, у тым ліку. Ды ці было яно ў яе, жыццё? Зразумела, было, досыць беспрасветнае, як на яе думку. Толькі вось у яе роднай краіне, дзе прызвычаіліся да звышвопыту болю, а чалавечая пакута вымяралася такімі маштабнымі катаклізмамі, як вайна, рэпрэсіі, Чарнобыль, яе асобна ўзятае няшчасце нікога не ўражвала дый увогуле мала што значыла. Школа ў райцэнтры, крыклівыя

лозунгі ды яйкападобныя гіпсавыя галовы правадыроў — ад гэтага фантастычнага існавання мозг абараняўся абсалютна рэальнай стратай зроку: так запацявала ў ванным пакоі люстэрка, варта было ўключыць занадта гарачую ваду, і ў ім нельга было нічога ўбачыць, хіба што намаляваць на вільготнай паверхні фігуру з трох пальцаў. Або плакатны профіль трох стваральнікаў «вялікага вучэння» — трохгаловай істоты, няйнакш, якая глядзела з усіх школьных падручнікаў і размнажалася, пэўна, простым дзяленнем: толькі такім малазатратным чынам можна было напладзіць столькі выродлівых блізнюкоў. «Ты павінна насіць акуляры і сядзець на першай парце!» — яна і сядзела за той першай партай у нязграбных акулярах з чорнай апраўай, дзяўчынка Дай-Спісаць, але зрок усё роўна працягваў падаць… Ну а што там далей было, га? Ды вядома што: вну, метры друкаванага тэксту, якія можна было разаслаць накшталт «дарожкі», — ага, дыван-самалёт, які транспартаваў іх, старанных зубрылак навуковага (быццам бы) камунізму ў краіну, якой насамрэч, натуральна, не існавала, а існавала іншае: вечная галеча, мокрыя ногі, абгорнутыя газетай (дзякуй, маці навучыла) усё з тымі ж красамоўна канстатуючымі факт усеагульнага і поўнага працвітання тэкстамі — мокрыя ногі ў працякаючых, яшчэ матчыных, ботах… Давучылася-такі да дыплома і пакойчыка ў інтэрнаце; у дадатак — мацюканне суседзяў-пралетараў за сценкай, а потым і шлюб, і хуткае развітанне з ілюзіяй, што ўсё ў яе зараз будзе «як у людзей». Зрок між тым зніжацца працягваў, нібыта яе вынаходлівы мозг імкнуўся хут-

чэй размыць карцінкі, што яму паказвалі, — каб выжыць самому, не абрынуцца ў істэрыку з рэзаннем вен (як суседка па інтэрнаце) альбо банальны псіхоз.

А карцінкі былі адны і тыя ж, звыклыя, як штамп у пашпарце, як запаскуджаны павільёнчык пад акном з надпісам «Піва-Воды»: муж, які «патрыятычна» прапівае заробак разам з алкашамі менавіта з роднага завода; хваробы, яе і Светчыны, забруджаныя лазарэты з няўлоўным унутрыбальнічным стафілакокам, што прытаіўся накшталт лох-нескага монстра, самадурства люмпенаў ад медыцыны з іх жывёльным чуццём на чужую безабароннасць: неапахмеленыя санітаркі з аднолькавымі «ліхтарамі» на сінюшных фізіяноміях расчынялі насцеж дзверы адзінага на ўвесь паверх сарціра са зламанай зашчапкай, не звяртаючы ўвагі на тое, ці ёсць хто ўнутры. Смерць маці ад інсульту, перадусім — яе гніенне жыўцом у перапоўненым калідоры, дзе інтымнасць растаптана, няма ўжо ні мужчын, ні жанчын, адно бясполыя істоты, як перад печчу крэматорыя. Муж між тым дапіўся ўжо да таго, што прайграўся блатным (тады, у сярэдзіне дзевяностых, крымінальнікі пачуваліся досыць вольна), і змрочнага выгляду бугаі ў наколках моўчкі вынеслі з кватэры маці тэлевізар, мэблю, яе і Светчыны рэчы. І, нарэшце, фінал — муж, які павесіўся на дзязе на трубе батарэі ацяплення ў іх пустой, хоць у футбол гуляй, аднапакаёвай кватэры.

Вось тады, пасля другіх за год хаўтураў, лежачы начамі без сну, Ларыса і зразумела, што

страта зроку выратоўвала яе ад страты розуму: яе «я» інстынктыўна хавалася ў кокан слепаты, каб *не бачыць*, а жыццё гвалтоўна расплюшчвала ёй вочы — не, адразала павекі! — і вось яна цяпер успрымае свет аголенай сятчаткай, як, напэўна, успрымалі Сонца будыйскія містыкі, якія самі рабілі над сабой тую бязлітасную аперацыю, каб сон не адцягваў іх ад пошукаў Абсалюту. Але містыкі, трэба аддаць ім належнае, рабілі гэта якраз дзеля таго, каб стаць відушчымі; яна ж, атрымліваецца, стала *сляпой па ўласным жаданні* — вось дык адкрыццё! — і нават доўга, надта доўга закрывала вочы рукамі, каб захаваць свае ілюзіі. Аднак жыццё, як кат, што прымушае глядзець на пакуты роднай істоты, аддзірала яе рукі ад яе ж органаў зроку — зусім не са шкоднасці, не са скрупулёзнага садызму, не з жадання заперці яе ў псіхушку з дыягназам «эндагенная дэпрэсія», а каб, наадварот, выратаваць. А можа, увогуле і не дзеля яе, трыццацітрохгадовай наіўнай дурышчы з тыповым комплексам шматпакутніцы-гаротніцы яно, жыццё, выкладвалася (каму мы, адпрацаваны біяматэрыял, цікавыя?), а, як водзіцца ў прыроды, пра «падрастаючае пакаленне» клапацілася. І, праз некалькі год знайшоўшы ў дачкі спадчынную міяпію, яна не стала чакаць горшага і па парадзе ўвішнай сяброўкі, ні на што асабліва не спадзеючыся, адправіла сваю анкету ў шлюбнае агенцтва. «Мы падбяром вам заможнага (замежнага!) мужа», — вось і падабралі, і на што ёй, уласна кажучы, скардзіцца? Калі ж яна даведалася, што Ральф, клапоцячыся

пра здароўе, робіць ранішнія прабежкі і *ўвогуле* не ўжывае алкаголю, гэты адзіны аргумент паставіў кропку на ўсіх яе ваганнях.

Аднойчы — было гэта неўзабаве пасля прыезду ў Германію — яна адправілася ў краму за парашком для ручнога мыцця бялізны. На паліцах стаялі дзясяткі пакункаў, слоікаў, бутляў любога памеру, колеру, кансістэнцыі ды паху, эпатуючы яркасцю фарбаў і характарыстыкамі змесціва, але ўсе, абсалютна ўсе прызначаліся для аўтаматычных пральных машын! Зразумела, была такая машынка і ў Ральфа, але… ураджэнка краіны, дзе прачкі ў недалёкім мінулым займаліся ў асноўным тым, што кіравалі дзяржавай, а таму клапаціцца пра чысціню бялізны не было каму, яна не ўмела карыстацца цуда-аўтаматам, баялася зламаць… І зламала-такі адразу, калі, нарэшце, адважылася пакласці туды сваю бялізну, да якой сама прымяняла дыпламатычны эўфемізм «са стажам», — было не да смеху, калі машына выплюнула шматкі, а металічная костка ад гарсэта трапіла ў барабан, і дзікі скрыгат, які раздаўся пасля гэтага, прымусіў нават Ральфа вывернуць кубак з гарачай гарбатай сабе на калені. Ларыса ніколі не забудзе твар майстра, які быў неадкладна выкліканы, гэтага ад нараджэння цывілізаванага нямецкага майстра, якому і ў галаву не прыйшло б падкоўваць блыху, затое свае прамыя абавязкі ён прывык выконваць з веданнем справы, — трымаючы ў руцэ выцягнуты з барабана пакамечаны абломак, ён ветліва і разам з тым разгублена пытаўся: «Што гэта можа быць?!» Вось тады яна і ўсвядоміла, што глыбіня бездані,

якая раздзяляе — нават у дробязях, і ў першую чаргу менавіта ў дробязях! — дзве цывілізацыі, якія ўмудрыліся паралельна суіснаваць на рубяжы тысячагоддзяў на еўразійскім кантыненце, зводзіць да нуля любую магчымасць узаемаразумення. Ну што тут зробіш: ні ў яе маці, фабрычнай рабочай, ні ў яе самой ніколі не было пральнай машыны-аўтамата, таму і прыйшла яна ў краму па звычайны парашок… Прадавец, якому баязліва выказала сваю просьбу, вылупіў на яе вочы і развёў рукамі.

Выйшаўшы з крамы на брукаваную вуліцу — камяні пад нагамі былі такія чыстыя ды гладкія, як быццам бы іх вымылі найдалікатнейшым дзіцячым шампунем, — яна села на лаўку насупраць велічэзнага куста руж, якія глядзелі навокал з годнасцю каранаваных асоб, — кветкі на ўбогіх клумбах яе правінцыйнага гарадка прасякнуты страхам, што іх патопчуць, вырвуць з коранем, ліквідуюць як клас, і таму намагаюцца выглядаць драбнейшымі, непрыкметнейшымі, прыніжана сціснуцца ў камяк, як і людзі ў тым горадзе, — нават кветкі разумеюць, дзе ім выпала нарадзіцца! Хіба яе маці не магла пражыць зусім іншае жыццё? Паўдня яна тады праплакала аб маці, змардаванай катаржным бытам, і вырашыла, што дзеля Светкі, так, толькі дзеля дачкі яна, Ларыса Вашкевіч, з яе такім няўдалым (д’ябал ведае чаму!) жаночым лёсам будзе цярпець маразматычныя выхадкі Ганса, не больш страшныя, чым бяскрыўдныя нумары дзіцячага ранішніка ў спецгрупе для даўнаў, у параўнанні з тым, што яна спазнала дома.

Зрэшты, бывалі ў Ганса і моманты яснасці, калі хвароба раптам пераставала навальвацца на яго мозг, як мядзведзь на бабу, што заблукала ў маліннiку (між іншым, іх суседка Аліцыя, адукаваная еўрапейка, дагэтуль лічыць, што на радзіме Ларысы, у Расіі [«Я з Беларусі», — звыкла папраўляе яна Аліцыю] мядзведзі разгульваюць проста па вуліцах разам з абутымі ў лапці абарыгенамі). Тады Ганс шчыра радаваўся яе прысутнасці ў доме і нават рабіў маленькія падарункі: прачнуўшыся раніцай, яна знаходзіла на тумбачцы сарамліва пакладзены з краю букецік маргарытак, або загорнутую ў танюткую духмяную паперу брошку, або залацістую круглую бляшанку з надпісам «Danish Butter Cookies», бляшанку, якая сама па сабе з'яўлялася шэдэўрам, а ўжо разнастайнае cookies, то бок печыва, якое ў ёй ляжала, па выглядзе і смаку ўвогуле, на яе думку, не прызначалася для простых смяротных. Ён хваліў прыгатаваны ёю абед, распытваў пра дом, мясціны, дзе нарадзілася. Аднойчы назваў яе Зосяй… «Ганс, чаму Зося?» Ён не пачуў або прыкінуўся, што не чуе, а потым спытаў, ці бывала яна ў… і назваў невялікі беларускі горад. Зразумела, бывала, адказала яна, там жыла яе бабуля. «О, бабуля!» А ці ведае яна такое месца за горадам, там ваенны аэрадром, а побач лес і яр… Зразумела, ведае. Аэрадрома даўно няма, там цяпер пабудавалі санаторый для ветэранаў вайны. «О, санаторый? Для ветэранаў?» — як быццам бы здзівіўся Ганс, і яна пацвердзіла: так, санаторый. І дадала, узгадаўшы: там побач мемарыял. На гэтым месцы ў час вайны былі расстраляны яўрэі,

шмат яўрэяў, восем або дзесяць тысяч… і асяклася. Тут ён заплюшчыў вочы, паказваючы, што размова скончана, а праз хвіліну зацягнуў хрыплым фальцэтам: «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…»[1] Зразумеўшы сэнс, яна вырашыла, што ён спрабуе ўзгадаць адну з песень, якія спявалі нямецкія салдаты на мінулай вайне, але пацвердзіць дакладнасць яе здагадкі не мог цяпер ніхто.

Раптоўная думка аб тым, што Ганс, магчыма, насамрэч вярнуўся дадому і хаваецца цяпер у куце за дровамі, прымусіла яе хутка ўзбегчы на ганак, зазірнуць у рабочую каморку, дзе захоўваюцца дровы, знаходзяцца печ і газавы агрэгат… Неўзабаве пасля размовы пра беларускі горад у яго і ПАЧАЛОСЯ. Стары прызвычаіўся ўночы перацягваць дровы з каморкі ў свой ложак. Але каб толькі дровы: не запальваючы святла, у поўнай цемры перасоўваў мэблю, вытрэсваў скрыні з тумбачак, выкідваў адзенне з шафы, здзіраў бялізну з ложкаў — свайго і нябожчыцы Эльзы, перакульваў крэслы, расчыняў наўсцяж вокны, так што ўсе гаршчкі Ральфа з геранямі аказваліся на падлозе. Рабіў усё моўчкі, агрэсіўна адштурхоўваючы яе заспакойваючыя рукі. Іншым разам,

[1] «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…» *(ням.)* — «У імя Айца, Сына і Святога Духа… Амінь… Бывайце… Бывайце… Заўтра ў 9 гадзін пойдзем мы дамоў, дамоў, да маёй маці…»

учыніўшы вэрхал, клаўся спаць, а раніцай — ну проста нявіннік! — абураўся, што Ральф і суседка нібыта змовіліся і ўтварылі ў яго пакоі гэты «унорднунг» (*нойе орднунг, новы парадак* — выбурбольвала аднекуль з патрывожанай памяці, яна нават здзіўлялася сама сабе: трэба ж, для колькіх яшчэ пакаленняў нямецкая мова застанецца звязанай з тым акупацыйным neu Ordnung'ам?). Налілі вады ў яго ложак, працягваў свае бязглуздыя абвінавачанні Ганс, і было бессэнсоўна тлумачыць, што гэта ён пакутуе на нетрыманне. Аднойчы, убачыўшы ў акно суседку, паведаміў той, што «ў наступны раз» заявіць на яе ў паліцыю. Давялося прыбраць з яго пакоя ўсё лішняе, ператварыўшы той у нешта накшталт карцара або палаты для звар'яцелых, разабраць і вынесці ложак Эльзы, схаваць абрусы, пакрывалы, адмовіцца нават ад настольнай лямпы ў металічным корпусе, якую хворы з невытлумачальным раздражненнем рэгулярна кідаў на падлогу. «Вось акупант праклят   ы», — напаўголасу лаялася яна, урэшце, без злосці, падбіраючы лямпу. Выкруцілі і ручку з аконнай рамы, але тое было пазней; а тады, у адну з тых вар'яцкіх начэй, стаміўшыся назіраць, як ён гародзіць клад дроў на падушцы, яна падышла, кранула за плячо: «Ганс, што ты робіш?» Але ён нават вухам не павёў, верагодна, таму, што ў дадатак да ўсяго быў амаль глухім, а карыстацца слыхавым апаратам не хацеў: той чамусьці вывальваўся з вуха і бесперапынна звінеў, і для таго каб стары чуў, ёй прыйшлося б увесь час прытрымліваць апарат — занятак, ад якога яна ў рэшце рэшт адмовілася. Таму сваё пытанне

ёй давялося паўтарыць некалькі разоў: «Што ты робіш?» Палец з паточаным грыбком пазногцем тыцнуў у люстэрка: «Яны наступаюць!» — «Хто, Ганс?» — «Рускія! Іх шмат! Трэба схавацца…» — «Гэта ж люстэрка, Ганс, а ў ім проста нашы адбіткі!» Але тлумачыць яму тое было ўсё адно, што пляваць супраць ветру.

Аднойчы ён уразіў яе тым, што ў час навальніцы, пачуўшы грукат грому, забіўся ў кут рабочай каморкі, накрыўся з галавой плеценым кашом для бялізны, і калі яна прыйшла па яго, спрабаваў і яе пасадзіць пад кош, выкрыкваючы пры гэтым поўную бязглуздзіцу. Зазірнуўшы ў размоўнік, яна не знайшла нічога падобнага, і толькі ўвечары Ральф, які ўсё ж чытаў сёе-тое пра вайну, растлумачыў, што сталінскім арганам нямецкія салдаты называлі савецкія рэактыўныя ўстаноўкі, — яна, якая таксама сёе-тое чытала і мела па гісторыі, а як жа, пяцёрку, здагадалася, што гутарка ідзе пра знакамітыя «кацюшы». Вось так яна, сядзелка, вучылася разумець свайго хворага…

Менавіта тады ён пачаў размаўляць з люстэркам у сваім пакоі — на астатнія чамусьці не рэагаваў. Днём, узняўшыся па лесвіцы на другі паверх і не знайшоўшы яе там (хаця яна сядзела тут жа, з вязаннем альбо кнігай), ён адпраўляўся да сябе, да старога трумо з вышчарбленымі шкельцамі, і неўзабаве адтуль ужо даносіліся рыпучыя гукі заезджанай кружэлкі. Прынамсі, у Ганса з'явіўся субяседнік, жартаваў Ральф, дый яна напачатку была задаволеная, што хворы не чапляецца да яе з размовамі. Ганс жа настойліва намагаўся запрасіць «старога з люстэрка» за абедзенны

стол, употай адносіў «яму» то шклянку ліманаду, то яблык, а аднойчы абяззбройваюча выклаў на трумо ўсё капеечнае змесціва свайго кашалька. Вось тады да яе і дайшло: ён канчаткова страціў уяўленне пра ўласны ўзрост.

А неўзабаве — гэты дзень Ларыса памятае выдатна — яна заспела хворага, калі ён расказваў люстэрку пра вайну: Ганс — салдат, маладзенькі радавы, казаў ён пра сябе чамусьці ў трэцяй асобе, толькі паспеў прыбыць у рэйхскамісарыят Остланд, як пачалося адступленне, гэта сапраўднае Hölle, менавіта — пекла, ён увесь час моліцца, каб яго паранілі, бо хоча да мамы... А калі ён, перакручваючы, вымавіў назву з дзяцінства знаёмага ёй горада, яна не магла больш падманваць сябе: менавіта так усё і было — невыпадкова ён тады распытваў яе, і пра аэрадром дакладна ведаў… Унутры ў яе нібыта штосьці абарвалася. У той жа вечар яна прыступіла з роспытамі да Ральфа і атрымала адказ: так, неахвотна прызнаўся муж, бацьку забралі ў вермахт у маі сорак чацвёртага і накіравалі на Усход, не хацеў казаць табе раней, бо ведаў, што гэта будзе для цябе крыху непрыемна. «Крыху непрыемна?!» — паўтарыла яна. «Не варта драматызаваць, зразумей, ішла вайна. Бацька ўсяго два месяцы праслужыў у тылавым гарнізоне дзесьці недалёка ад Мінска, потым быў цяжка паранены пры адступленні, і вайна для яго скончылася. Ты занадта ўражлівая, усе твае праблемы — ад камуністычнага выхавання!» Некалькі начэй пасля гэтага яна ляжала без сну, і патрабавальнае гуканне старога, гучнае, як баявая труба, выдатна чутнае нават на другім па-

версе, гуканне, якое разносілася звычайна каля чатырох, апярэджваючы ўсе ранішнія гукі вёскі, заспявала яе з мокрым ад слёз тварам.

Крыўлянне Ганса перад люстэркам больш не здавалася ёй забаўным. А ў хуткім часе і Ральф перастаў усміхацца: калі ўдзень «стары з люстэрка» бачыўся Гансу міралюбным, дык уночы трансфармаваўся ў ворага, і хворы ставіў на вушы ўвесь дом. Спрабаваў задрапіраваць нядаўняга «сябра» палатняным абрусам, які здзіраў са стала ў гасцёўні (пры гэтым увесь посуд аказваўся на падлозе); барыкадзіраваў праход да люстэрка перакуленымі крэсламі, кашамі з бялізнай, але часцей за ўсё прыцягваў усё тыя ж дровы з рабочай каморкі. Вось тут і надышоў час урэзаць новыя замкі ў кухні ды гасцёўні — ключы ад большасці пакояў былі даўно згубленыя, — але дзверы ў каморку, прахадную ў прыбіральню, замкнуць было нельга.

…«Цішэй! Ступай асцярожна! — Ганс хапае яе за руку, ледзь не выкручваючы запясце. — Каб не нарвацца на міны! Бачыш сляды?» — «Ганс, адпусці руку! Мне балюча!» — «Глядзі ж! — ён цягне яе да акна (жалюзі з боку вуліцы спушчаны, у шкле — яго і яе адбіткі: стары ў піжаме з ускалмачаным рэдкім пухам на цемені ды хударлявая дзяўчына з даўгімі светла-русымі валасамі, начное акно скрадвае ўзрост — яе, але не яго). — Яны там, там! О, ды ў іх кулямёт! Падай на зямлю! Шнэле! Зараз пачнуць страляць!» — «Ганс, спыніся!» — «Фельдфебель загадаў мне капаць акоп… Ведаеш, як было цяжка? У зямлі тут адны карані! Але я справіўся!» Ды ўжо ж, справіўся: праход

да акна надзейна забарыкадзіраваны крэсламі з гасцёўні, двума матрацамі — усё перакулена і ссунута на сярэдзіну пакоя. Хворы раптам садзіцца на падлогу, яго настрой мяняецца. Па твары цякуць слёзы: «Я не хачу ваяваць! Я нікога не забіваў! Давай уцячом адсюль разам…» Ледзь удаецца яго заспакоіць і ўкласці на канапе ў гасцёўні. Ральф напаўголасу лаецца: усё гэта яму надакучыла. Праз паўгадзіны зноў грукат, ляпанне дзвярэй; на гэты раз Ральф нават не выходзіць са спальні. Яна знаходзіць хворага ў ложку: ён «схаваўся» — нацягнуў на галаву прасціну. Ягоны твар, у размытых плямах старэчай пігментацыі, як размазаныя па талерцы грэцкія крупы, ажно ззяе ад усведамлення добра зробленай справы; ён жадае, каб яго пахвалілі, пагладзілі па рэдкім пуху на цемені, які зараз стаіць дуба. «Хутка пачнецца бамбёжка! — запрашае ён яе падзяліць радасць. — Але я выкапаў надзейнае ўкрыццё! Русішэ штука нас не дастане!» На ложак навалена адзенне, зверху грувасціцца каток для прасавання бялізны, які з часоў Эльзы ржавее ў кладоўцы (а ён цяжэрны!), дровы… «Ганс, якое укрыццё?! Вайна даўно скончылася!» — «Га? Скончылася?»

Толькі тады Ральфа па-сапраўднаму і зачапіла: будуючы ўночы свае «ўкрыцці», Ганс усюды запальваў святло — а за электрычнасць трэба плаціць! Яшчэ б, Ральф нават калядныя паштоўкі купляе летам, калі яны каштуюць усяго еўра, а не чатыры, як у снежні. «Трэба падлічыць страты! Баюся, у рэшце рэшт танней будзе здаць яго ў дом састарэлых!» Менавіта — здаць. Гэта было якраз тое, аб чым Ларыса цяпер марыла. Бо не

жадала даглядаць былога нямецкага салдата, які ваяваў у яе дома. І яшчэ таму, што хацела, нарэшце, упэўніцца: іх з Ральфам шлюб — усё ж такі не суцэльная бухгалтэрыя. Бо ў хвіліны дэпрэсіі лічыла, што Ральф забяспечвае ёй дах над галавой і статус знаходжання ў краіне выключна з-за таго, што яна эканоміць ягоныя грошы, даглядаючы Ганса. Як высветлілася, ажаніўшыся з ёю, Ральф зрабіў дальнабачны крок: мець жонку-беларуску танней, чым плаціць хатняй работніцы і сядзелцы; прыкладам, сядзелка з Прыбалтыкі запатрабуе ад трохсот еўра (а з такім няпростым пацыентам — у паўтара разы больш). Аддаць жа Ганса ў дом састарэлых занадта дорага: давялося б развітацца з пенсіяй старога ды часткай уласнага прыбытку. Такім чынам, усё ж такі як жанчына яна жадала атрымаць доказ таго, што іх саюз з Ральфам трымаецца не на вар'яцтве Ганса ў якасці адзінага фундамента.

Але куды, хацела б яна ведаць, падзеўся зараз гэты «фундамент»?

Ад таго, што недарэчнае сённяшняе здарэнне пачалося са званка Лады, Ларыса не прыдумала нічога лепшага, як набраць яе нумар, загадзя раздражняючыся ад манеры Лады размаўляць — роблена-лянiва пазяхаючы, расцягваючы ненатуральна чырвоны рот (устойлівая айчынная звычка: мясцовыя не ўжываюць касметыку), — але ў слухаўцы прагучала «часова недаступна». Ага, Лада адправілася да той быццам бы ўнучкі сібірскага шамана і, вядома, адключыла мабільнік! Адразу ж ёй успомнілася другая гутарка з Ладай, пасля паездкі ў Кульмбах, у замак Пласенбург, дзе

ім пашчасціла наведаць буйнейшы ў свеце музей алавяных фігур. Стаміўшыся ад аднастайнасці батальных сцэн, ад усіх гэтых старажытных кельтаў, рымскіх легіянераў, тэўтонскіх рыцараў, англійскіх мушкецёраў, вікінгаў, напалеонаўскіх гвардзейцаў ды іншых стрыечных братоў стойкага алавянага інваліда, яна запрасіла Ладу ў кафэ і пасля глытка «Чыба майлд» нечакана для сябе выклала тое, што мучыла: «Ганс ваяваў у Беларусі, уяўляеш?!» — «Ну дык і што з таго? — шчыра здзівілася Лада, натуральная бландзінка з зялёнымі вачыма, апранутая па-айчыннаму, то бок з выпакутаванай стараннасцю: блузка са стразамі, туфлі на высачэнных абцасах, кідкі макіяж, — ніякая, між іншым, не Лада, а ўсяго толькі Людка, якая з дапамогай цёткі, што працуе ў абласным загсе, памяняла адну літару імені, каб адразу зрабіцца вабна-таямнічай. — Дык гэта ж чорт ведае калі было!» — «Ён бачыць сябе салдатам, увесь час трызніць пра вайну!» — «А цябе тое хвалюе?» — перасмыкнула плечыкам Лада.

Людзе-Ладзе — удваенне, у якім Ларысе чуецца «людаедства» (і яшчэ: «пралюбадзейства»), — Людзе-Ладзе ўсяго трыццаць. Дзесяць год раздзяляюць іх — бездань, праз якую немагчыма перакінуць мост. Усё ж яна тады прызналася суайчынніцы, што калі Ральф не здасць старога ў багадзельню, яна сыдзе, кіне ўсё да д'ябла, здыме кватэру, знойдзе іншую працу альбо ўвогуле вернецца дамоў — але як пакінуць тут Светку? Як быццам бы яна, Ларыса, не разумее, што за выбіральнасцю яе ўнутранага зроку, за хітрыкамі Мнемазіны, якая паварочвае калей-

даскоп з каляровымі шкельцамі такім чынам, што перад вачыма заўжды аказваюцца самыя змрочныя, хаваецца туга па радзіме! «У цябе ў самой дах паехаў, — спакойна канстатавала Лада, адпраўляючы ў рот кавалачак вішнёвага дэсерту. — Табе дзяржава плаціць за тое, што маразматыка даглядаеш?» — «Дык і што з таго?» — «Колькі?» — «Дзвесце ў месяц». — «Мала. Падавай на другую ступень па доглядзе, раз ён у цябе такія фінты выдае. Калі ён уночы зноў усё разграміць або перад люстэркам «Хайль Гітлер» зробіць, хуценька хапай фотаапарат і здымай, потым адняесеш у бальнічную касу: так і так, паглядзіце, шаноўнае спадарства, што наш пацыент вырабляе. Можаш і на маральны ўрон спаслацца, гэта таксама добра прадаецца. Маўляў, ты беларуска, цябе ўсё гэта нервуе. У немцаў комплекс віны з-за той вайны, яны гатовыя ўсім на свеце кампенсацыю плаціць. Будзеш атрымліваць чатырыста еўра — вядома, не шыкоўна, але…» — «Ды справа не ў грошах…» — «А ў чым?»

Разумеючы ўжо, што дарэмна завяла тую размову, яна — хутчэй, не Ладзе, а самой сабе — паспрабавала растлумачыць: калі яе бабуля з трыма дзецьмі хавалася ў балоце, па пояс у ледзяной жыжцы, а паліцаі з айнзацгрупы і нямецкія салдаты, папярэдне пусціўшы ў вёску чырвонага пеўня, прачэсвалі лес, метр за метрам, і ў кожнага салдата на поясе вісеў кацялок (бабуля потым усё жыццё не магла чуць рытмічнае звяканне лыжкі аб металічны посуд), малодшы з дзяцей раптам заплакаў, і яна сунула яму ў рот смочку; але дзіцё-

нак працягваў пішчаць, а яна ўсё пхала і пхала яму ў рот грудзі, пакуль той не замаўчаў канчаткова, як высветлілася — задыхнуўся. «Затое мой бацька і ягоны брат дзякуючы гэтым пустым, без малака грудзям, што аказаліся ўсё ж дастаткова важкімі, каб абарваць дыханне двухмесячнай істоты, засталіся жывыя. Дакументы бацькі згарэлі ў хаце ў час той аблавы, а метрыкі памёрлага немаўляці цудам захаваліся. Жывы пражыў жыццё па дакументах мёртвага. У маім імені па бацьку — імя нябожчыка, які не мог мець дзяцей, бо сам памёр ва ўзросце малечы. І цяпер, калі кармлю ды пераапранаю Ганса, я ўвесь час думаю: а раптам ён быў у тым лесе?» — «Ты гэта што — сур'ёзна? Зусім ад'ехала? — Лада глядзела на яе не разумеючы. — Пры чым тут твая бабуля? Я ўвогуле не ўрубаюся, якога хрэна загружаеш. Калі ўжо надумала кінуць Ральфа, так і скажы. Згодна з табой, бабла ў яго малавата… — Лада нахілілася да яе і панізіла голас: — Я тут з адным немчуронкам з Гановера ў Сеціве пазнаёмілася, кру-у-утызна! Пэўна, звалю я ад Эдвіна, але пакуль што — маўчок. Ужо дамовіліся з Германам разам кватэру пяціпакаёвую здымаць. Але ж я разумная — сваю частку кватэры буду аплачваць сама, каб не страціць аліменты, хе-хе, ад былога мужа! — Лада адкінулася на спінку крэсла, выцягнула ментолавую цыгарэтку. — Люблю марыць… эх, калі б раптам падваліла куча бабак… я б купіла сабе домік на грэчаскім востраве… А ты?» — «Я аплаціла б вучобу дачкі ва ўніверсітэце і… паставіла на месцы той спаленай вёскі камень…»

Узгадаўшы выраз прыгожага тварыка Лады пасля тых яе, Ларысы, слоў — суайчынніца глядзела на яе з грэблівым спачуваннем, як на прыдуркаватую, — яна адкінула мабільнік убок. Ну давай жа, напруж розум, дзе можа быць стары, дзе? Пальцы дробна трымцелі. Пэўна, давядзецца, як ні круці, звяртацца ў паліцыю, хоць тутэйшая паліцыя выклікае ў яе проста-такі генетычны страх. Раптам яна ўзгадала, што сёння — дзявятага мая, і адразу ж убачыла ў паштовай скрыні мясцовы часопіс на рускай мове: часопіс, які выдаваўся былымі аўтахтонамі СССР, прыходзіў з нямецкай дакладнасцю на дзявяты дзень месяца. Спачатку механічна, а потым з цікавасцю прынялася шукаць на старонках матэрыялы, прысвечаныя той вайне. Прагартаўшы хутка ўвесь дабраякасны глянец, зазірнула ў рубрыку «Май шмат год таму: хроніка месяца» (не можа быць! хаця б тут, адным радком!), адшукала сённяшнюю дату і з узрастаючым здзіўленнем прачытала, што 9 мая 1964 года на вяршыні амерыканскага хітпараду апынуўся «вялікі Луі Армстранг з песняй «Hello, Dolly». У гэты дзень, з пункта гледжання рэдакцыі эмігранцкага часопіса, у свеце не адбылося больш НІЧОГА, вартага ўпамінання. Але ж вось нават карэнныя немчуракі на тую падзею не забыліся, бо цярпліва трываюць на гэтай цудоўнай зямлі спадароў эмігрантаў, абароненых, нібыта даспехамі, добра фінансуемым статусам ахвяр фашызму…

Яна перагарнула старонку. Далей была надрукавана гісторыя нашага суайчынніка, шчодра

праілюстраваная ягонымі фотаздымкамі ў стылі «ню». «24-гадовы Аляксандр у выніку 35 аперацый, зробленых на працягу двух гадоў,ператварыўся ў Аляксандру, зрабіўшы поўную змену полу! Цяпер 9 мая, дзень свайго канчатковага «цудоўнага ператварэння», Шура святкуе як дзень народзінаў. Аляксандра паўстала супраць прыроды — і перамагла!» Ніжэй распавядалася пра тое, як на пару з іншым транссексуалам «рабяты-дзяўчаты» зараблялі грошы на аперацыю: тарыф на секс-паслугі быў немалы — 500 еўра ў гадзіну. «Не дзіўна, што кліентамі Аляксандра з'яўляліся людзі вядомыя: палітыкі, адвакаты, тэлезоркі». З надрукаванага вынікала, што цяпер той Шурык-Шура дамагаецца разумення з боку грамадства да такіх, як ён, вязняў «душэўнага гета».

Вось такі цяпер змест у паняцця «гета»… Дый дзякуй богу, што толькі такі! Час ідзе, і нават самы страшны боль пакрываецца скарынкай забыцця. Тут толькі яна заўважыла, што вымаўляе тыя словы ўголас, даводзіць іх свайму адбітку ў люстэрку — ну чыста як Ганс! — і села на ложак, закрыўшы твар рукамі. Што ж зробіш, калі ўсякае новае пакаленне імкнецца пазбавіцца ад памяці пра мінулае, як ад старой рухлядзі, вось як яны з Ральфам вынеслі ў кладоўку няўклюдны, пасляваенны яшчэ каток для прасавання бялізны. Асабістая памяць, якая ёсць, па сутнасці, набор вопытаў, у маладых пустая, як незапоўнены лазерны дыск. Наколькі больш прадуктыўна чалавек пражываў бы сваё жыццё, калі б нараджаўся by default — менавіта па змоўчанні! — з запісанымі ў розуме гатовымі

копіямі файлаў з рэсурсу калектыўнай памяці. Калі б гэта было магчыма, чалавецтву хапіла б усяго адной вайны, якая стала б апошняй. На жаль, ніхто не можа пакарыстацца чужой памяццю. І не хоча. Нядаўна яна даведалася пра тое, што праз шэсць дзясяткаў год пасля Халакоста жыхары баварскага горада Дахау выступаюць за закрыццё мемарыяла, створанага на месцы былога нацысцкага канцлагера. А дамы, што размяшчаюцца ў непасрэднай блізкасці ад труб крэматорыя, што ў час вайны дымілі днём і ноччу, лічацца зараз першакласнай нерухомасцю, бо прылягаюць да ціхіх зялёных раёнаў. І тыя, хто жыве ў тых дамах, не пакутуюць ад начных жахаў. Дый сам горад Дахау ў мясцовай прэсе ўпамінаецца ў асноўным дзякуючы тамтэйшаму бардэлю, дзе працуюць асабліва спачувальныя прастытуткі: пасля адмены дзяржаўнай датацыі пенсіянерам на Каляды жрыцы кахання ўручылі насельнікам дома састарэлых «Friedrich Meinzolt» па 25 еўра, паведамілі газеты. А яна, па ўсёй верагоднасці, насамрэч пакутуе на клінічную ўразлівасць… Як сказала Светка: «Маці, гісторыя поўная жахаў, узяць хоць старажытных ацтэкаў — вырывалі сэрца ў жывых палонных, каб прынесці яго ў ахвяру, гэта пакруцей Маўтхаўзэна. Між іншым, сэрца яны называлі каштоўным кактусавым плодам Арла, а паміраючага ў страшных пакутах палоннага — Арлíным Чалавекам. І ўвогуле ў цябе замацаванне афекту». — «А ў цябе?» — хацела яна спытаць, маючы на ўвазе вядома што, але стрымалася, заўжды баялася пакрыўдзіць дачку (вырасла, лічы, без бацькі),

якая, дарэчы, досыць удала ўпісалася ў тутэйшае жыццё: скончыла моўныя курсы, знайшла працу афіцыянткі, паступіла ва ўніверсітэт на псіхолага, — усё сама, малайчынка! — зняла кватэру ўдваіх з перасяленцам з Казахстана. А як яна радавалася поспехам дачкі — ды дзеля гэтага гатова была трываць і не такое, што там выхадкі старога маразматыка ды дробязнасць Ральфа, скосыя позіркі суседзяў і тупасць эмігрантаў. Праз паўгода высветлілася, што Светчын Генрых, як тут кажуць, *швуль*…[2] І тое яшчэ паўбяды, а няшчасце ў тым, што дзяўчынка ўсё роўна кахае гэтага тыпуса і працягвае жыць з ім. І яна, маці, не можа анічога ёй параіць, бо на актуальную тэму «Як будаваць сямейнае жыццё з гомасексуалістам» ім не чыталі лекцый ні ў школе, ні ва ўніверсітэце.

Зрэшты, дачка і не пытаецца ў яе парады, досыць самастойна падводзячы канцэптуальны баланс — псіхалагіня, а як жа ж! — пад сваю (яго) праблему: «Зразумей, пасля той вайны ў нямецкіх і нашых мужчын няма энергіі, неабходнай для пранікнення ў чужое цела, яны надта выкладаліся, бо гэта адное і тое ж — пенісам ці штыком, забіць ці зачаць, адна і тая ж энергія, толькі са зваротным знакам…» — «Ну канечне, твой Генрых навајаваўся, усе грудзі ў медалях…» — «Справа не ў ім асабіста! Мужчыны расхацелі займацца сексам. Вазьмі бацьку: ён аддаваў перавагу алкаголю, бо энергетычна гэта менш затратны спосаб дасягнуць нірваны». — «Пакінь у спакоі прах свайго

[2] Швуль (ад ням. разм. *Schwul*) — гей.

бацькі…» — «Не, ты даслухай! Затое жанчыны назапасілі шмат энергіі, і куды ім яе дзець?» — «А я адкуль ведаю?» — «Выходзяць замуж за папуасаў, азіятаў, афраамерыканцаў, мангола-кітайцаў, бо тыя іх трахаюць!» — «Не смей лаяцца пры маці! Гэта толькі нашы выходзяць — таму што дурніцы. Немкі ні за якіх папуасаў не выходзяць». — «Затое немкі купляюць штучныя чэлесы маркі «Індыйскі слон» і мужчын-лялек, ты зайдзі ў сэкс-шоп…» — «Дык што, ты цяпер будзеш спаць з «Індыйскім сланом» да канца жыцця?» Дачка не размаўляла з ёй тыдзень, і прабачэння прасіла, вядома ж, яна, хоць і мела рацыю ў той спрэчцы: ну і пакаленне — ва ўсім гатовыя абвінаваціць вайну!

Божачкі, яна сядзіць тут над блазенскім часопісам, а Ганс, магчыма, валяецца дзе-небудзь на трасе з размажджэранай галавой! Трымцячымі рукамі яна набрала нумар Светкі, і дачка, дзякуй богу, адгукнулася адразу ж. Яе, Ларысу, заўжды заспакойвала Светчына развважлівасць; і цяпер дзяўчынка, імгненна зразумеўшы сітуацыю, сказала: «Маці, не калаціся. Развважай лагічна. Ён уяўляе сябе маладым, так? Што ён тады рабіў? У сэнсе, пасля вайны?» — «Ажаніўся, гадаваў дзяцей». — «А пасля?» — «Пахаваў жонку. Пабудаваў дом для Анэлізэ». — «Вось і схадзі да Анэлізэ, можа, ён там». — «Няўжо ты думаеш, што Анэлізэ не прывяла б яго сама?» — «Хіба ты не ведаеш Анэлізэ?» — спытала Светка і мела вох якую рацыю.

Анэлізэ, старэйшая сястра Ральфа — як, зрэшты, і малодшая, Барбара, — даўно не падтрымлівалі з бацькам і братам ніякіх адносін, на-

ват не віталіся. Сварка ў сям'і пачалася з падзелу маёмасці паміж бацькам і паўналетнімі дзецьмі; разгарэлася сапраўдная вайна за дом, у якім жыў цяпер Ральф, і хаця сёстры былі замужам і мелі ўласныя дамы, яны запатрабавалі, каб Ральф і Ганс выплацілі ім іхнюю частку. Анэлізэ яшчэ і адхапіла палову ўчастка, дзе стаіць яе новы, пабудаваны з дапамогай Ганса дом, таму цяпер яны суседзі. Пры падпісанні дамовы прадбачлівыя сёстры ўвялі пункт, што за бацьку адказвае Ральф і нясе ўсе выдаткі, у тым ліку лячэнне, знаходжанне ў доме састарэлых, пахаванне і догляд за магілай. У дакуменце дакладна прапісаны межы сыноўняй любові: Ральф прадастаўляе бацьку гарачае харчаванне адзін раз на дзень. Спецыяльным пунктам агаворана, хто менавіта высаджвае кветкі на магіле маці: гэта прадпісвалася рабіць Ральфу, а калі кветкі раптам уздумаецца пасадзіць сёстрам, ён абавязаны аплаціць гэтую паслугу. Цяпер кветкі на магіле (а таксама іх кампазіцыі, прыкладам, на Вялікдзень) садзіць яна, жонка Ральфа. Анэлізэ, хатняя гаспадыня, наведвае бацьку адзін раз у год — на дзень яго нараджэння. Прыносіць пачак пячэння. Ва ўсе астатнія дні яна, пазбаўляючыся ад залішняе вагі, ходзіць на праменад, наразаючы кругі вакол вёскі, пры гэтым як мінімум тройчы праходзіць паўз бацькоўскі дом, але ніводнага разу не зайшла праведаць старога. А бяздзетная Барбара, якая жыве ў Эбенсфелдзе, удачарыла дзяўчынку з Румыніі, актыўна займаецца дабрачыннасцю: кіруе грамадскай арганізацыяй, якая збірае адзенне для сірот з былых

сацыялістычных краін, раздае інтэрв’ю газетам. Свайго бацьку яна не наведвае нават у дзень нараджэння.

Ларыса перабегла праз двор і ўжо зусім была сабралася пастукаць да Анэлізэ, але своечасова спынілася: тая можа напісаць скаргу, і тады за нядобрасумленны догляд хворага яе, бяспраўную, па сутнасці, эмігрантку, хоць і жонку нямецкага грамадзяніна, што пабралася з ім шлюбам у законным да апошняга вітража мясцовым Ратхаўсе, могуць пазбавіць і тых 200 еўра, якія яна атрымлівае як сядзелка. І яна зрабіла выгляд, што проста разглядвае дрэўца магноліі з буйнымі ружовымі кветкамі — натуральна, дарагушчае (не, калі Ганс завітаў бы сюды, дык хутчэй памёр бы на ганку, чым трапіў у дом!), — а потым зноў пабегла па вуліцы, але апамяталася: машына! Старэнькі «фальксваген» Ганса завёўся імгненна і нібыта завіляў радасным дымком, як сабака хвастом, — сабака, што выпраўляецца на пошукі гаспадара. Нібыта адчуваў, за якой такой патрэбай яго выганяюць зараз з гаража. Павольна — а сэрца калацілася — яна пакаціла звыклым шляхам, які пераадольвала рэгулярна па суботах і нядзелях: у гэтыя дні працавала пасудамыйкай у адным з рэстаранаў Эбенсфелда (па выхадных Ральф сам у стане даглядаць свайго бацьку). Дарэчы, яе напарніцы па кухні — расіянка з дыпломам філолага ды ўкраінка, якая ў сваёй краіне была журналісткай, такая вось гуманітарная кампанія; разам яны абмяркоўваюць стыль Макса Фрыша і эстэтыку Пруста, не забываючы пры гэтым да

бляску начышчаць грыль-патэльні мыйным сродкам. Тут, у баварскай глыбінцы (хоць і не менш, чым вялікія гарады, цывілізаванай ды дагледжанай — даўно і трывала), знайсці калі-небудзь працу па спецыяльнасці шанцаў няма ні ў адной з іх — вось дзяўчаты і адводзяць душу ў інтэлектуальных размовах. А што ім яшчэ застаецца: іхнія мужы, яна можа галаву даць на адрэз, і блізка не ведаюць, хто такі Макс Фрыш.

Квітнеючыя элізіумы палісаднікаў засталіся ззаду. Яна ехала цяпер уздоўж поля, на краі якога расло незвычайнае раскідзістае дрэва, якое так уразіла яе калісьці: плоская крона нібыта распадалася на дзве часткі й нагадвала гіганцкага трапяткога матыля, які вось-вось узляціць, а магутны ствол утвараў нешта накшталт сядзення. Потым, калі падышла бліжэй, яна зразумела, што кроне прыдадзена патрэбная форма нажніцамі майстра. Дрэвы тут злоўленыя ў палон цывілізацыяй — мажліва, таму яны не выпраменьваюць святла; там, у старым парку яе дзяцінства, засталося ззянне, якое бачыла, бадай, толькі яна адна з крыклівага галаваногага лагернага натоўпу: пад купалам далоняў, якія яна складвала над някідкімі суквеццямі крываўніка, нараджалася нешта цёплае, ружова-залатое… Яна прапусціла паварот і рэзка затармазіла, успамін адляцеў успуджаным матылём. Ля таго дагледжанага (але ці шчаслівага?) дрэва яны са Светкай любілі адпачываць, калі гулялі па ваколіцах. Калі Ганс яшчэ не патрабаваў штохвіліннай яе прысутнасці…

Хто ведае, можа, стары зноў вырашыў, што яго хочуць адправіць на фронт, і схаваўся? Каля

месяца таму, вярнуўшыся з Эбенсфелда, яна ўбачыла Ганса, які бегаў па доме з пенай на вуснах і пашыранымі ад жаху зрэнкамі, у кашулі палыннага колеру з дзвюма нагруднымі кішэнямі ды шырокім поясам, якая адразу ж нагадала ёй форму салдат вермахта. «Гарольд сказаў, што я павінен ісці на вайну! Ён прымусіў мяне апрануць Uniform! Казаў, калі я не пайду, маю маму адправяць у Дахау! А я не хачу на вайну! Не хачу!! Я бачыў Vernichtungskrieg![3] Што будзе з маёй мамай?!» І настойваў на сваім так пераканаўча, што яны з Ральфам, здаецца, таксама крыху крануўшыся розумам, патэлефанавалі Гарольду, пекару з суседняга гарадка, які па пятніцах прывозіў ім булачкі ды печыва (была якраз пятніца) і, пераадольваючы няёмкасць, спыталі наконт кашулі, — вядома, усё аказалася трызненнем хворага. Пазней Ральф прыгадаў, што гэтая кашуля колеру «фельдграу» была калісьці рабочым адзеннем Ганса; дзе ён умудрыўся адшукаць яе праз дзясяткі год, так і засталося таямніцай. Яна тады дала старому заспакаяльнае і прыбрала кашулю з вачэй — ён адразу ж забыўся пра яе і прыняўся засяроджана інспектаваць шафы ды шуфлядкі на кухні: калі не «ваяваў», дык шукаў салодкае, перакопваючы ўсе даступныя яму месцы. (Тую кашулю яна потым ледзь паспела выхапіць з гуманітарнага каша, куды, не доўга думаючы, кінуў яе Ральф, — гэтыя кашы, прызначаныя для збору старых рэчаў, дабрачынныя арганізацыі ставяць проста

[3] Vernichtungskrieg *(ням.)* — расавая вайна.

пад дзверы. На кожным кашы маецца акуратная бірка з назвай краіны. На гэтым было напісана «Weiβrussland». Рэчы будуць перададзены ў беларускія дамы састарэлых, растлумачылі ёй, і Ларыса, міжволі ўявіўшы ў кашулі былога салдата вермахта свайго дзеда, які пабываў у акупацыі — і даўно памёр, але хіба ў гэтым справа? — пайшла раскладаць агонь у печы, каб спаліць чортаву анучу.)

Што яшчэ ёй запомнілася з таго дня? Бліжэй да ночы дзеянне лекаў скончылася, і Ганса зноў апанавала бяспамяцтва: ён разварочваў ложак, штохвілінна адчыняў жалюзі на вокнах, хаваўся ад людзей-адбіткаў. Размаўляў з люстэркам — плынь малазразумелай лагарэі не сканчалася да рання: з-за таблетак дзень у хворага пераблытаўся з ноччу. Задрамаўшы а шостай гадзіне, праз некаторы час яна пачула крык і, спусціўшыся, убачыла яго ў калідоры: ён трымаўся рукамі за галаву і стагнаў. «Што здарылася, Ганс?» Ён прачнуўся ў цемры і вырашыў, што замкнёны ў пуні, поўнай трупаў: «Некаторыя былі скалечаныя… я не ведаў, як адтуль выйсці… за што іх расстралялі?! За што?!» Яе закалацілі дрыжыкі, а ён стаяў, пагрозліва паказваючы кулак свайму адбітку ў люстэрку: «Пачакай, вырадак, Ганс знойдзе, дзе ты хаваешся…» Ларыса адвяла старога ў ложак (прачнуўшыся раніцай, ён, як заўсёды, нічога не памятаў) і, накапаўшы ў чарку карвалолу, сказала сабе, што далей так працягвацца не можа, бо хутка і яна, як яе падапечны, з'едзе з глузду.

Ушчэнт выматаная ўсім гэтым, яна ўгаварыла Ральфа заказаць спецыяльны ложак з высокімі

бартамі — суперложак, забяспечаны механізмам, каб прыўзнімаць пацыента для кармлення, і драўлянай рашоткай, выбрацца з-за якой хворы самастойна не здолее. «Усяго за пяць еўра!» — задаволена паціраў рукі Ральф да той хвіліны, калі даведаўся: пасля смерці Ганса ложак будзе перададзены другому хвораму, і таму ў выпадку паломкі Ральфу прадпісваецца ўплаціць поўны кошт гэтага тэхнічнага цуда — больш за тысячу еўра. У тую ж ноч Ганс прадэманстраваў сваё грэбаванне законамі эканоміі: гвалтоўна пакладзены ў ложак, ён так торгаў драўляныя перакладзіны, што яны не вытрымалі. Ложак, дальні сваяк катафалка, прызначаны для спакойных хворых; яго пашкоджанне не прадугледжана медыцынскай страхоўкай. Зранку Ральф не ў сабе ад раздражнення сеў рамантаваць ложак, а Ганс, які ўжо забыўся на ўсё, што адбылося ноччу, з дзіцячай усмешкай шчасця аплятаў Гарольдавы булачкі з марцыпанам і распяваў сваё «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen...» У Ларысы ж дадалося клопатаў: уночы вартаваць той механічны цуд. Моцы ў старога было яшчэ дастаткова, гемаглабін выдатны, сэрца здаровае; калі б ён зноў стаў псаваць уласнасць бальнічнай касы, ёй давялося б клікаць на дапамогу Ральфа. Вось яна і сядзела ля хворага, а каб не заснуць, раздумвала над тым, хто ахоўвае ўладанні Мнемазіны, якія яны, вартавыя яе межаў, і чаму ніводнае пакаленне не жадае пакарыстацца крэдытам — беспрацэнтным! — з банка агульначалавечай памяці…

Зрэшты, ці можа чалавек пакарыстацца чужой памяццю? Рытм жыцця паскараецца, усе досведы імгненна робяцца састарэлымі; кожны з людзей самотны, нібыта рукавіца, згубленая ў снезе, мы хапаемся, як за абломкі ільдзін, за высновы аўтараў кніг, але яны ўжо не спатрэбяцца нам, бо свету, у якім жылі тыя, больш не існуе. Суцэльныя пласты рэальнасці адколваюцца ад нашага берага і касяком адыходзяць у нішто. Аднойчы, калі яна ўсё ж такі задрамала на сваім пасту, ёй прымроілася: Мнемазіна, чамусьці ў кароткай джынсавай спаднічцы, з татуіроўкай на сцягне, нібыта якая-небудзь дзяўчынка з дыскатэкі Эбенсфелда, куды Ральф дагэтуль ходзіць паслухаць музыку, танцуе з люстэркам, нібыта на подыуме, на астраўку сушы, які катастрафічна змяншаецца, а ўнізе струменіцца Лета. Люстэрка тытаніды і зімовая вада Леты адлюстроўваюцца адно ў адным, памяць сцірае забыццё, забыццё змывае памяць… І сон быў такі жывы ды яркі, што яна, прачнуўшыся, доўга чамусьці не магла супакоіцца.

Леваруч паказаліся могілкі. Магчыма, хворага пацягнула на магілу жонкі? Зрэшты, асаблівага кахання да Эльзы яна ў Ганса не заўважала, стары нават ніколі не ўзгадваў яе. Прыпаркавала машыну і пайшла па дагледжанай сцяжынцы паміж мармуровых помнікаў, па тутэйшым звычаі пазбаўленых партрэтаў. Яшчэ год таму, адпраўляючыся высаджваць кветкі на магіле Эльзы, ахвотна брала з сабой старога; ён дапамагаў несці пакунак з зямлёй, а потым моўчкі стаяў побач, пакуль яна, у строгай адпаведнасці з сезона-

мі года, клапатліва ўладкоўвала на новым месцы жыхарства браткі ды нарцысы — вясной, чырвоную бегонію — летам, верас — восенню, галінкі хвоі — зімой. Мёртвыя непатрабавальныя. Яна і Эльза — аднагодкі, калі можна так казаць пра нябожчыцу: калі маці Ральфа патанула, плаваючы ў возеры, ёй было столькі ж год, колькі цяпер жонцы Ральфа. Ларысу нават радавала, што ў гэтых мясцінах у яе з'явілася *свая* магілка, якую можна даглядаць. У яе, іншаземкі, няма шанцаў абзавесціся тут такім вось элегантным помнікам: за месца на могілках трэба плаціць. Ходзіш ты ў кірху ці не, зрабі ласку пажыццёва выкладваць грошы царкве за тое, што табе калі-небудзь будзе забяспечаны пропуск у горад мёртвых (і ў рай па сумяшчальніцтве). Затое тут тваё тленнае цела не гніе ў наспех скалочанай труне ў сценах хрушчоўкі, дзе і без таго дваім не разысціся, а прыбітыя горам сваякі не носяцца на злом галавы ў пошуках грошай на гарэлку, каб улагодзіць процьму родзічаў і калег. За нябожчыка з задавальненнем бярэцца фірма, якая клапоціцца пра добрапрыстойную ўтылізацыю: цела пасля ўсіх неабходных маніпуляцый дастаўляюць на могілкі, аплачваюць кавярню, куды ахвотныя могуць пайсці пасля пахавання: гарачая кава, сандвічы з сырам і каўбасой — сціплая ежа, якая дазваляе ўмацаваць цялесную абалонку, але не дае забыцца на яе тленнасць, у адрозненне ад тых азіяцкіх па празмернасці ўзаконенага абжорства, з дзікунскімі ўзліваннямі баляваннняў, якія прынята ладзіць на яе радзіме ў такіх вось сумных вы-

падках, прычым колькасць страў і пітва расцэньваецца ўдзельнікамі як прама прапарцыянальная ступені смутку гаспадароў…

На магіле Эльзы Ганса не было. Яна раптам адчула, як стамілася за гэты моташны дзень, і прысела ля помніка, аглядаючы абсаджаныя нізкім стрыжаным ядлоўцам суседнія пліты. Кожная магіла — маленькі дагледжаны садзік з абавязковымі кустамі руж, ліхтарыкамі ды лампадкамі, з белымі фігуркамі анёлаў. Як гэта не падобна да месцаў спачыну яе родных! Нават неба над тутэйшым некропалем эмалева-блакітнае, як на старажытных мазаіках у Эрмітажы Байройта; там, дзе пахавана яе маці, неба амаль заўжды дажджлівае, гнілое, яно давіць на плечы і спараджае ў жыхарах правінцыйнага гарадка сератанінавы голад і дэпрэсію, традыцыйны айчынны зыход з якой вядомы: п’янства. Але тутэйшая вытанчанасць не кожнаму па кішэні. Для Ганса месца побач з жонкай даўно аплачана; руплівая нямецкая зямля, патрабуючы выканання дамовы, прасела вунь з аднаго боку магілы — там, дзе мусіць стаяць труна. Выплаты за месца пад ласкавым баварскім сонцам працягваюцца і пасля смерці: па новым законе сваякі нябожчыка аплачваюць арэнду зямлі на трыццаць год уперад, а не на дваццаць, як было раней, бо ў сучаснай экалогіі з-за змяненняў мікрафлоры глебы труп за такі кароткі тэрмін не паспявае згніць — і гэта падлічана з той халоднай дакладнасцю, ад якой у яе, Ларысы, пры ўсёй яе нянавісці да айчыннага бязладдзя, проста мароз па скуры. Адразу ж

бярэцца плата за дэмантаж помніка: калі праз трыццаць год родзічы раптам уздумаюць нахабна змяніць месца жыхарства, не папярэдзіўшы царкву (чаго, зразумела, ніколі не здараецца), той не давядзецца адшукваць іх. Сёлета Ральф атрымаў ветлівы ліст-напамінак, што аплачаны час скончыўся і трэба альбо плаціць далей, альбо знішчыць помнік маці ды прадаставіць месца больш заможным нябожчыкам: за 5 гадоў 100 еўра, за 10 — 200 еўра і г. д. Так што, спадары турысты, падарожнікі за цудам, калі вы ўбачыце ў «брацкай магіле», то бок у звальнай яме, якая маецца на ўскрайку некаторых еўрапейскіх могілак, скінутыя туды экскаватарам косткі — *нічые*, дык ведайце: гэта костачкі рускіх, беларускіх, украінскіх жанчын, якія адважна кінуліся са сваёй пахмурнай радзімы на пошукі гламурнага шчасця або ўсяго толькі сытага жыцця…

Яна вярнулася ў вёску і прыпаркавала машыну ля ганка. Што ж, напэўна, не застаецца нічога іншага, як тэлефанаваць у паліцыю. Калі Паўль, які жыў па суседстве, знік у ноч на Хэлоўін (яна гэта дакладна запомніла, бо дзеці ў касцюмах вядзьмарак стукаліся ў дамы, збіралі ў мех ласункі), справа таксама скончылася паліцыяй. Ноччу выпаў першы снег, а раніцай паліцэйскія знайшлі скачанелы труп Паўля. Увечары яго брат, таксама досыць пажылы спадар, замкнуў дзверы і лёг спаць; хто мог уявіць, што хворы вылезе праз французскае акно! Гэтыя вар'яты часам такія хітрыя і вынаходлівыя, калі хочуць выслізнуць з хаты, узяць хаця б сённяшняе здарэнне з Ган-

сам. Зрэшты, Паўля шукаць доўга не прыйшлося: на краі вёскі стаяў пусты дом ягоных бацькоў. Праз вядомы яму лаз уцякач пралез унутр і заснуў на сваім ложку, дзе спаў у юнацтве, — пэўна, як і Ганс, уявіў сябе падлеткам, — а тэмпература на вуліцы між тым знізілася да мінус васьмі. Тым ранкам, занятая, як і ўся вёска, мітуснёй вакол сумнай падзеі (паліцыянты заходзілі ў дом, задавалі пытанні), Ларыса не адразу ўсвядоміла нязвыклую цішыню: Ганс чамусьці не крычаў, гукаючы яе. Дзверы пакоя паддаліся з цяжкасцю: стары ляжаў ля парога непрытомны. У паўзмроку (жалюзі былі зачыненыя) ёй удалося разглядзець рану на ілбе і парваную мочку вуха. Ральф паспеў з'ехаць на працу, і ёй прыйшлося бегчы за Аліцыяй і Ота; утрох яны паднялі Ганса, паклалі на ложак. Аліцыя толькі вохкала, разглядаючы плямы крыві на светлым (калісьці) дывановым пакрыцці, якое, між іншым, узяло б зараз прыз на бьенале авангардыстаў: у абстракцыянісцкіх разводах мачы і крыві, з разнастайнымі адценнямі плямаў таксама фізіялагічнага паходжання — ну проста бяры ды выстаўляй у галерэі сучаснага мастацтва. Ад страты крыві стары тады абяссілеў настолькі, што ляжаў ціха, нават драўляная рашотка ложка не абуджала ў ім звычайнай агрэсіі.

Можа, і зараз Ганс ляжыць дзе-небудзь, разбіўшы галаву аб камяні, сцякаючы крывёю? А мо, што не лепш, прагаладаўся, пачаў жаваць якоенебудзь вулічнае смецце і, канечне, паспеў ім падавіцца: ежу хапае прагна, а пра тое, што трэба перажоўваць, забывае. Нядаўна падавіўся кавал-

кам мяса, не мог дыхаць і быў ужо непрытомны; верталёт — тутэйшая хуткая дапамога — ляцеў з Эбенсфелда, чакалі ўсяго хвілін сем, верталёт прызямліўся за вёскай, і ўрачы беглі праз поле бягом — спартыўнага выгляду маладыя мужчыны з сумкамі, напічканымі апаратурай, трыста метраў прабеглі й нават не запыхаліся (ёй адразу ж успомніліся працуючыя ў неадложцы яе гарадка квактухі з камодападобнымі постацямі — як яны нетаропка вывальваюцца з раздзяўбанага РАФа). Стары ляжаў на баку і хрыпеў; горла яму прачысцілі, але ў лякарню ўсё-ткі забралі — баяліся пнеўманіі. Калі ж яны з Ральфам наведалі яго праз дзень, Ганс іх не пазнаў і нёс поўную лухту, бо пры ягонай хваробе любая перамена абстаноўкі толькі згушчае туман у галаве.

Дарэчы, там, у лякарні, ён быў прывязаны да ложка спецыяльным поясам, каб не ўставаў, — своечасовая мера, улічваючы хаця б і сённяшняе здарэнне. Усё яму трэба кудысьці ісці, спатыкаецца аб парогі-прыступкі, падае і ляжыць бервяно бервяном, увесь у сіняках-кровападцёках, а ўсё роўна, варта паставіць на ногі, зноў пускаецца шкандыбаць, нібыта дзіцянё, якое вучыцца хадзіць... І сённяшні яго дэмарш трэба было, вядома, прадбачыць, аднойчы ён ужо зрабіў падобнае, хаця менавіта тады ніхто гэтага і не чакаў. Перадусім яна, даведзеная няспаннем амаль да галюцынацый, па парадзе ўрача павялічыла хвораму дозу мелперону; як высветлілася потым, доза была для гіпапатама, не меней. Ганс неахвотна прадзіраў вочы апоўдні, расслаблена ля-

жаў у ложку гадзінамі; карміць трэба было толькі адзін раз, сняданак і вячэра прападалі. На навакольны свет амаль не рэагаваў, драмаў і днём на канапе ў гасцёўні, а пасля месяца такіх доз зусім аслабеў: ногі раз'язджаліся, што ў таго нованароджанага цяляці, колькі разоў падаў — Ларыса і не лічыла, амаль не еў і спраўляў патрэбы, натуральна, пад сябе. Выглядаў ён так дрэнна, што яна забіла трывогу і выклікала ўрача ўзяць кроў на аналіз. Яго даб'е найменшая прастуда, сказаў урач, лейкацыты ўпалі ніжэй няма куды; тады яна скончыла даваць тыя пілюлі, хутала яго ў шалікі ды цёплыя вязаныя кофты, як калісьці Светку пасля чарговай ангіны, і міжволі шкадавала, а ён зрабіўся пакорлівым і бездапаможным, пазіраў на яе выцвілымі згусткамі эмалі ды шаптаў сваё «данке шён». Неўзабаве крыху акрыяў, але быў яшчэ кволы і пастаянна падаў — а падаў жудасна: аднойчы так грымнуўся ўсім целам на спіну, што яна думала — усё, канец, але абышлося. Страшны, як гогалеўскі мярцвяк, увесь у барвовых і чорных плямах (сінякі з-за дрэннага кровазвароту не сыходзілі), ён увесь час ірваўся кудысьці бегчы, зноў падаў і разбіваўся ў кроў. І яна змучылася канчаткова, бо падняць яго адна не магла: цяжкі, як мех з мукой, і, як мех жа, бездапаможны, сам ён аніколькі ёй не дапамагаў. Потым ужо здагадалася крэсла падстаўляць, каб ён мог рукамі ўхапіцца, а яна ў гэты час яго прыўзнімала, так і перасоўваліся па дому двухспіннай істотай з крэслам у галавах.

А пазней ён адужаў ужо настолькі, што ўсё

намагаўся выслізнуць на вуліцу, вось тады і адбыўся той выпадак, генеральная, так бы мовіць, рэпетыцыя сённяшняга. З яе дапамогай ён уставаў, дапаўзаў да сваёй канапкі ў гасцёўні, там яна яго пакідала, а сама завіхалася па гаспадарцы, абсалютна ўпэўненая ў тым, што ён занадта слабы, каб куды-небудзь ісці. Пралічылася. Яна прыбіралася на другім паверсе, Ральф адправіўся ў лес па дровы і забыў замкнуць дзверы; была ранняя вясна, пачынала цямнець. Тады Ганс, згубіўшы па дарозе чаравік, здолеў дайсці да канца вёскі, дзе зваліўся ў калюжыну на абочыне, ну а падняцца самастойна, зразумела, не мог. Па гэтым чаравіку, што валяўся пасярод вуліцы, Ларыса яго і знайшла, а з дапамогай шаноўнага спадара, што праязджаў міма, паставіла на ногі; дарэчы, ёй каштавала немалых высілкаў расціснуць пальцы яго правай рукі, у якой ён трымаў кол, верагодна, вырваны з чыёйсьці агароджы. Усё гэта яна расказала тады ўрачу ў лякарні, не забыўшы дадаць, што ў іх пабывалі судовыя медыкі ды адвакат, якія пацвердзілі неабходнасць апякунства над Гансам; у выніку Ральфу выдалі пашпарт апекуна і таўсценны даведнік. Між іншым, да гэтага Ральф і яна не мелі права перашкаджаць старому выходзіць з дому, а таксама чытаць пошту, якая прыходзіла на яго імя: нічога не паробіш — правы чалавека! Але пасля ўступлення ў сілу рашэння суда ніхто не абавязаны больш звяртаць увагу на дзівацтвы хворага. Ці можна цяпер і дома, а не толькі ў лякарні, прывязваць Ганса поясам да ложка, пацікавілася яна. Так, адказала доктар-

ка, цяпер можна. І паспяшайцеся, калі вы па-ранейшаму жадаеце аддаць яго ў дом састарэлых, там яшчэ засталіся свабодныя месцы. Можаце спачатку ўладкаваць яго часова, праўда, кароткатэрміновае знаходжанне каштуе даражэй, заўважыла медычка.

А ёй, Ларысе, пасля тых слоў доктаркі ўспомніўся яшчэ адзін «унук сібірскага шамана», псіхолаг з эмігрантаў, паслухаць якога яе запрасілі ў жаночы крызісны цэнтр, і яна з цікаўнасці схадзіла. Пажылы мужчына падкрэслена еўрапейскага выгляду — у модным швэдары, з маладзёжным вожыкам сівых валасоў, — усміхаючыся на ўсе трыццаць два ненатуральна белыя зубы, філасофстваваў пра тое, што паміраць — гэта смешна. І яна, хаця і не зразумела, што ў тым смешнага, падзівілася альтэрнатыўнасці падыходу. Мы яшчэ не прынялі канчатковага рашэння, сказаў Ральф. Я разумею, адказала ўрач, гэта нялёгка, але, у рэшце рэшт, давядзецца змірыцца. Пакутуючых на хваробу Альцгеймера ў Германіі ўсё болей, а маладым трэба жыць і працаваць.

Усвядоміўшы справядлівасць тых слоў урача, яна адчула, як сціснула сэрца ад нервовага напружання і страху за Ганса, дзесьці цяпер паміраючага (што зусім не смешна), і ў гэты момант раздалося раздражняючае папісканне мабільніка. Яна пачула жаночы голас, які гаварыў панямецку з дзікунскім акцэнтам, хутчэй за ўсё усходнеславянскім: «Гэта не ёсць фраў Краўз? Я ехай мая машына і знаходзіць тут у брудзе ляжаць дзядуля з запіскай вашага тэлефона на

карман…» — і закрычала па-руску: «Да, это мой, вы где?! Я уже еду!»

* * *

Давай-ка, дружа, здымай швэдар, цяпер кашулю, вось так, Ганс у нас малайчына, цяпер штаны і шкарпэткі, хадзем мыцца, Гансік, ну давай жа, чаго ты ўпіраешся, дурненькі, зараз будзеш у нас жаніх хоць куды, заўтра цябе чакаюць у адным цудоўным месцы, там знойдзеш сабе сімпатычную бабулю з манікюрам і прычоскай ад моднага парыкмахера, тут усе фраў ў семдзесят год яшчэ ў гольф гуляюць, вось прыступка, асцярожна, не бойся, я трымаю цябе, цяпер па адной назе ў ванну, цішэй, не паслізніся. Усё гэта яна гаворыць старому па-беларуску, даўно засвоіла манеру размаўляць з хворым на роднай мове. Яна дагэтуль не можа з дакладнасцю сказаць, ці разумее яе Ганс; ён не выяўляе ні здзіўлення, ні раздражнення, а паслухмяна садзіцца за стол, варта ёй паклікаць: «Ганс, абедаць!» — і сам пачынае распранацца, як толькі яна скамандуе: «Мыцца!» Цяпер, Гансушка, па адной назе асцярожна на падлогу, ды не спяшайся ты, гора маё, паспееш злопаць сваё печыва, і да чаго ж, божухна, можа дайсці чалавек. Ну паглядзі ж на сябе, эх, калі б ты хоць памятаў, дзе зарабіў вось гэта ўпрыгожанне!

На сцягне Ганса цямнее вялізны лілова-чорны сінячышча — вынік адзінокай прагулкі.

Прыляцеўшы ўмомант на месца, дзе ён ляжаў на зямлі (усяго некалькіх метраў не дайшоў да глыбокага яра), — там яго знайшла нечаканая выратавальніца, якая аказалася этнічнай немкай з Сібіры, — Ларыса звярнула ўвагу на тое, што ў правай руцэ Ганс моцна сціскае драўляную калодку для абутку. Ну раскажы, навошта табе тыя палкі, калодкі? Навошта выламваеш перакладзіны з ложка? Куды ўвесь час уцякаеш? Чым табе дрэнна дома, з намі? Пачакай, вось заўтра адвязём цябе туды, адкуль так проста не збяжыш… Яна нацягвае на жоўтую зношаную скуру трусы-памперсы (цяпер ужо і днём: пасля тыдня ў лякарні Ганс канчаткова забыў, дзе ў доме прыбіральня, і вось зараз, у сувязі з павелічэннем нагрузкі па доглядзе хворага, ёй напэўна далі б другую групу, у якой адмовілі раней). Апранае старому шкарпэткі, споднікі, спартыўныя штаны (ад штроксавых, якія насіў да лякарні і якіх прыкупілі некалькі пар новых — дарагія, заразы, — ад штроксавых давялося адмовіцца: ён развучыўся спраўляцца з маланкай і гузікам, так і выходзіў з клазета з расшпіленым прарэхам, добра яшчэ, калі зморшчаны адростак не вывальваўся пры гэтым вонкі), кашулю, швэдар — ну вось і справіліся. Ральф пагаліў бацьку, а яе знаёмая з Эбенсфелда падстрыгла яму пазногці спецыяльнай машынкай: з-за шматгадовага грыбка нажніцы іх не бяруць. І, агледзеўшы пасвяжэлага і быццам бы нават памаладзелага Ганса, яна прынялася збіраць яго рэчы.

Тыдзень таму яны з Ральфам прынялі рашэнне змясціць хворага ў дом састарэлых — пасля

падзей 9 мая гэта паўстала з усёй незваротнасцю. Пакуль што на дваццаць адзін дзень: тэрмін яе штогадовага адпачынку з захаваннем аплаты, які прадастаўляе нямецкая дзяржава таму, хто даглядае цяжкахворага. А потым, калі адпачынак скончыцца, хутчэй за ўсё, яны назаўжды аформяць старога ў багадзельню. «Вось бачыш, як добра, што табе не далі другую групу па доглядзе, з ёй і аплата ва ўстанове вышэй!» — задаволена казаў Ральф, і яна ў які ўжо раз падзівілася таму, як лёгка яны знаходзяць падставы для шчасця: зэканоміў 100 еўра — вось табе і свята! А Ральф так разышоўся, што павёў яе ў кавярню і нават заказаў шампанскае — зразумела, тое, што пад гэтым разумеюць яе суайчыннікі, бо сапраўднае шампанскае (Champagner) робіцца толькі ў Шампані ды каштуе шалёных грошай, усё астатняе — віно ігрыстае, тут яго называюць Sekt; па няведанні яна калісьці казала немцам, што ў Беларусі п’юць па святах Champagner, і ў тых вочы на лоб лезлі ад здзіўлення ды жаху перад дурным марнатраўствам людзей, якія не грэбуюць чужым паношаным адзеннем. І калі яна выпіла свой бакал Sekt’a, Ральф паведаміў, што заўтра ніяк не можа адпрасіцца з працы, тэрміновы заказ, таму везці Ганса ў багадзельню давядзецца ёй.

…Дом састарэлых — Pflegeheim або Seniorenheim, як ён тут называецца, аточаны англійскім газонам с падстрыжанымі ў выглядзе правільных конусаў кустамі. Жывая агароджа таксама падстрыжана нібы па лінейцы, ля ган-

ка разбіты клумбы. Розы ў такім месцы здаюцца штучнымі: раскошнымі ды бяздушнымі. У фае таксама шмат кветак, ёсць нават дэкаратыўная пальма ў вазоне, засунутая ў вугал, як бедная сваячка. Іх з Гансам сустракае дзяжурны ўрач, і можна не сумнявацца ў тым, што ён шчыра рады іх бачыць: за кароткатэрміновае знаходжанне старога ва ўстанове Ральф заплаціць каля дзвюх тысяч еўра (палавіну з іх кампенсуе страхоўка). Пры медыцынскім аглядзе Ганс паводзіць сябе як паінька: на пытанні адказвае разумна, увесь ажно свеціцца добразычлівасцю ды прыязнасцю (дакладна так было, калі прыходзіў сямейны ўрач), і яна зноў здзіўляецца двум розным абліччам хворага: дзённаму і начному. «Які прыемны пажылы спадар!» — гаворыць урач, афармляючы паперы (ага, цікава, што ты запяеш, калі ён апоўначы пачне акопы капаць?), і ўрачыста паведамляе, што яны з Ральфам нарэшце прынялі правільнае рашэнне. Вы і так надта доўга цярпелі, большасць не вытрымлівае і года, увогуле, гэта пытанне часу і нерваў. У суправаджэнні лекара Ларыса праходзіць па этажах Pflegeheim’а. У холе мноства жывых кветак — як у сапраўднай пахавальнай канторы; сярод кветак сядзяць і прагульваюцца тутэйшыя насельнікі, некаторыя ў інвалідных калясках, самі падобныя да акультураных вечназялёных кусцікаў у вазонах. Тут жывуць звычайныя адзінокія людзі, тлумачыць урач, кожны мае асобны пакойчык, можна прывезці ўласную мэблю, можна карыстацца казённай; хто жадае,

сам гатуе ежу на агульнай кухні, але большасць аддаюць перавагу ўжо прыгатаваным стравам або заказваюць іх згодна меню ў рэстаране. Божа мой, заказваюць у рэстаране! Нашаму дык трэба паднесці да рота шклянку і гвалтам уліць змесціва ці хаця б прасачыць, каб выпіў: у такіх, як Ганс, вельмі хутка наступае абязводжванне (няўжо яна сказала — «нашаму»?) Тут на адну медсястру дзесяць пацыентаў, паціскае плячыма ўрач, абед па чвэрці гадзіны на кожнага, калі хворы не спраўляецца, арганізуем штучнае харчаванне. Дык што, Ганса намераны карміць тут унутрывеннымі растворамі? І ці будзе хто-небудзь дзяжурыць ля яго па начах? Справа вось у чым, гер доктар: ён баіцца заставацца адзін у цемры. Яму здаецца, што вайна ўсё яшчэ працягваецца. Вы разумееце? Яго пагналі сямнаццацігадовым у акупацыйную зону (ці яна гэта гаворыць?). Ну што ж, павялічым дозу мелперону, ветліва-раўнадушна кажа ўрач. Але ён і так прымае тры таблеткі штодня, больш не вытрымае печань! Урач глядзіць на яе са здзіўленнем. Рана ці позна гэта ўсё роўна здарыцца, фрау Краўз.

І сапраўды: ёй дык што за справа да гэтага старога, былога нямецкага ваяра? Ці не яна яшчэ нядаўна хацела кінуць мужа, каб ніколі больш не бачыць Ганса бегаючым па доме ў мілітарысцкай кашулі, не чуць яго «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen…»? Яна ж марыла здаць яго ў багадзельню! Няўжо яна даравала яму, былому акупанту? Насустрач Ларысе лядашчы стары

старанна круціць рукамі колы інваліднай каляскі. Бачна, што намаганне даецца яму з цяжкасцю: маршчыністая скура на шыі боўтаецца, як пустыя трыбухі, на руках успухлі жылы, па падбароддзі сцякае цурок сліны… Можа, дарэмна яны з Ральфам паспяшаліся? Трэба было для пачатку паспрабаваць прывязваць Ганса на ноч да ложка поясам. Бо яны ж купілі пояс, прызначаны спецыяльна для такіх хворых. Паварочвацца з боку на бок ён зможа, нават сесці, калі вельмі пастараецца, але ўстаць — ні ў якім выпадку, сказаў уладальнік магазіна. Можна, дарэчы, зрабіць і так, каб хворы ляжаў і не мог варухнуцца, пояс прадугледжвае і гэтую магчымасць. Крычаць, вядома, пояс яму не перашкодзіць, але на гэты выпадак у нас ёсць цудоўныя бярушы — зразумела, не для яго, а для вас, ці жадаеце зірнуць? Не, не трэба, сказала яна тады, а ўяўленне (яе клінічна абвостраная ўразлівасць) адразу ж намалявала ёй гэты пояс як прадукт удасканалення традыцыйных прылад катавання. Хвароба Альцгеймера зараз вельмі распаўсюджана, уздыхнуў уладальнік магазіна, мае бацькі — абодва, і маці маёй жонкі таксама… зразумела, усе яны ў дамах састарэлых, іх там добра даглядаюць.

Узгадаўшы тую размову (вось, немцы аддаюць сваіх блізкіх, а ён табе хто?), яна крыху супакоілася і ўпэўнена ўвайшла ў маленькі пакойчык з драўляным ложкам і стракатымі фіранкамі на вокнах. Цяпер гэта будзе Гансаў пакой. Магчыма, апошні ў яго жыцці. Іншага ён не ўбачыць. Яна ўзяла старога за руку і павяла, і ён паслухмяна пацягнуўся следам, шоргаючы

тапкамі. Перад дзвярыма спыніўся, зірнуў на яе запытальна, а яна, схаваўшы збянтэжанасць, усміхнулася яму падбадзёрваюча — навошта ж палохаць хворага? Ну вось, Гансік. Уладкоўвайся, адчувай сябе як дома. Тут ты будзеш цяпер жыць. Тут добра. Цябе будуць даглядаць. Бачыш, які прыгожы краявід за акном? Ты зможаш любавацца кветкамі, вось толькі за агароджу выходзіць табе нельга. Ніякіх далёкіх прагулак! Мы з Ральфам будзем часта цябе наведваць. Не сумуй! І яна абняла і пацалавала старога ў вялую прахалодную шчаку — упершыню за час іх жыцця пад адным дахам. І адчула на губах вільготны след. Дзіўна: сляза Ганса не была салёнай. Яна ўвогуле не мела смаку, як дыстыляваная вада. Пакінуўшы хворага пад наглядам медсястры, якая ўжо сюсюкала з новым жыхаром, як з дзіцёнкам, Ларыса выйшла з пакоя, міжволі адзначыўшы, што ў ім няма люстэрка, так што размаўляць Гансу не будзе з кім. У дзвярах азірнулася, каб яшчэ раз усміхнуцца і памахаць яму рукой.

— Не пакідай мяне! — раптам сказаў Ганс, абсалютна разумна гледзячы на яе, і ад яго позірку адчуўшы ў горле камяк (ну ты даеш! каго шкадуеш?), яна збегла ўніз па лесвіцы, села ў машыну і ўключыла матор, каб сагрэцца. А потым зразумела, што калоціць яе не ад холаду, а ад адчування віны — канечне ж, абсалютна недарэчнага.

Дом набіты нязвыклай цішынёй, як ватай. Цішыня абкладае думкі, нібыта яе мозг — крохкая

ёлачная цацка, надзейна ўпакаваная да наступных Калядаў. У яе чарапную каробку напхалі мяккай задушлівай ваты. Гансава таблетка мелперону, якую яна выпіла гадзіну таму, каб заснуць, зрабіла вату цяжкай, набухлай вільгаццю. Як ён там? Учора скардзіўся на галаўны боль. Пакармілі яго або ўвагналі ў вену раствор? Напэўна, ляжыць мокры, прышпілены поясам да ложка, і кліча яе, ён жа не разумее, дзе знаходзіцца… Або разумее? Ці дайшло да яго, што яго пакінулі паміраць? Чаму ён плакаў? А яна, аказваецца, паспела прывязацца да гэтага нямоглага, абсалютна чужога ёй старога. А калі — гэтая думка прымусіла яе сесці на ложку — калі ён перахітрыў персанал і збег?

Светлячок электроннага табло паказваў дзве гадзіны з чвэрцю; не запальваючы святла, яна знайшла пантофлі, нацягнула джынсы і швэдар і, сама не ведаючы навошта, спусцілася ў пакой хворага — пэўна, каб прыбраць там. Але прыбіраць, уласна кажучы, не было патрэбы: люстэрка стаяла на сваім месцы, ложак быў акуратна засцелены ёю яшчэ ўчора. І яна прынялася сцягваць з падушкі навалачку, здымаць прасціну, каб сёння ж усё перамыць, рэзкім рухам ссунула матрас… На падлогу ўпаў сшытак у скураным пераплёце. Яна адкрыла вокладку з залатым гатычным цісненнем і пачала чытаць, з цяжкасцю разбіраючы почырк.

«***12 снежня 2003 года.***

Сёння так і не змог успомніць, як завуць прадаўшчыцу з мясной лаўкі, а я ж шмат гадоў тут пастаянны кліент. Затое пражытае калісьці ў

той краіне паміж Польшчай і Расіяй усё часцей прыходзіць у снах і бачыцца так яскрава, як быццам бы адбылося ўчора. Вось і хачу ўсё запісаць, пакуль мая памяць не здрадзіла мне канчаткова.

Мне было 17 год, калі я атрымаў позву з'явіцца ў ваенную камендатуру з усімі дакументамі для праходжання службы па абароне Рэйха ад ворагаў. Так, у сорак чацвёртым пачалі ўжо прызываць сямнаццацігадовых. Мой аднакласнік Эрхард атрымаў такую ж позву двума месяцамі раней. Ён не пайшоў у камендатуру і быў затрыманы супрацоўнікамі службы Імперскай бяспекі. Яго абвінавацілі ў здрадзе Рэйху. Больш Эрхарда ніхто не бачыў. Зніклі таксама ягоныя бацькі. Я вельмі любіў сваю маці, таму пайшоў у камендатуру.

Падрыхтоўка да фронту не была доўгай. Бянтэжыла, што нават страляць я як след не ўмеў: патронаў на стрэльбы амаль не давалі. Затое маршыраваў выдатна. Фельдфебель, які выдаваў мне форму, уздыхаў: «Надышоў час, калі ў войска прымаюць такіх, як ты, недаробкаў».

12 мая 1944 года я прыбыў у мотапяхотную дывізію, дыслацыраваную ў рэйхскамісарыяце Остланд. Ехаў туды ў асветленым свечкамі вагоне, электрычнасці не было. Мае новыя сябры добра ігралі на губным гармоніку. Вывучыў песню «Вахта на Рэйне»…»

Яна села на ложак Ганса, бо не толькі мазгі, але і ногі раптам зрабіліся ватныя. Стала чытаць далей.

«***5 марта 2004 года***.

Мой сын Ральф нарэшце ажаніўся. Прывёз жанчыну з той самай краіны. Калі я ўбачыў яе, аслу-

пянеў: яна проста неверагодна падобная да Зосі! Цяпер успаміны наведваюць мяне амаль кожную ноч. Спазмы сціскаюць горла, не даюць дыхаць. Зося, першае і адзінае маё каханне...

…Які страшны тут лес! Чорны, пахмурны. Мне расказалі: восенню 1941-га на гэтым месцы, у двух кіламетрах ад бліжэйшага горада, за ваенным аэрадромам расстрэльвалі яўрэяў. Пра гэта мне паведаміў радавы Фішар, даўні ўдзельнік Vernichtungskrieg. Як гэта адбывалася? Яўрэяў дастаўлялі з гета на машынах і пешшу. Ля краю ямы яны мусілі распранацца. Усяго там ляжалі некалькі тысяч «расава непрымальных». Паўгода таму яр раскапалі, трупы спалілі. Фюрэр праявіў незразумелую слабасць, лічыць Фішар, прымусіўшы іх корпацца «у гэтым смярдзючым дзярме», так ён выказаўся: смурод над раскапаным могільнікам стаяў страшэнны. Трупы палілі па начах на вялізных вогнішчах. Калі яўрэяў знішчылі па загадзе фюрэра, пытаўся я сам у сябе, дык чаму ліквідацыя могільніка адбывалася ўночы? Ці значыць гэта, што мы — злачынцы? Але задаваць такія пытанні ўголас недапушчальна…»

Адчыніла акно — ёй раптам перастала хапаць паветра. Наступны запіс быў зроблены іншымі чарніламі, почырк яшчэ менш разборлівы.

*«**19 верасня 2004 года**.*

І вось я вяртаюся ў свой гарнізон, раскватараваны ў вёсцы за два дзясяткі кіламетраў ад горада. Вяртаюся да Зосі. «Я кахаю цябе», — сказаў я ёй. Завучыў гэтую фразу на яе роднай, вельмі

прыгожай мове. Яна нічога не адказала. У яе вялізныя веі ды шэрыя вочы. Даўгія светлыя валасы. Яна лёгка чырванее. Яе ногі ў драпінах, бо ходзіць яна звычайна без абутку. На правай лытцы вялізная радзімка. Усё гэта кранае мяне да слёз. «Я хачу ажаніцца з табой». Пахістала галавой і адвярнулася. «Варум ніхт? Вайна хутка скончыцца. Тут будзе Рэйх». Увайшла яе маці з маленькім Зосіным братам на руках, і я замаўчаў».

Многія з напісаных сказаў былі закрэслены, і таму на наступнай старонцы тэкст удалося разабраць толькі часткова:

«…у лесе мне паказалі сляды партызанскага лагера: папялішчы, крэпасці з бярвення. Раніцай бачыў у вёсцы павешанага партызана. На грудзях у яго дошчачка з надпісам: «Я забіваў нямецкіх салдат». Навошта мы прыйшлі на гэтую зямлю? Каб забіваць і быць забітымі?

У лесе за вёскай знайшлі труп радавога Фішара. Да грудзей прымацаваны шматок паперы, на якім яго рукою напісана: «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…»… «Яны хочуць заўтра ў дзевяць? Што ж, цудоўна! Заўтра сюды прыбудзе паліцэйскі батальён, каб адправіць іх да прабабуляў дакладна па графіку!» — пачуў я праз адчыненае акно камендатуры.

Заўтра ў дзевяць гадзін вёска мусіць быць ліквідавана. З усімі жыхарамі.

Не адразу знайшоў патрэбныя словы. «Заўтра тут будзе… айнзацгрупе». Зося зразу-

мела. Твар яе пабялеў. «Давай уцячом… разам… туды, дзе не ваююць… яшчэ засталіся такія краіны…» Пахістала галавой. «Варум?» — «Цябе заб’юць.» Я ўхапіўся за гэтыя словы: «Ты клапоцішся пра маё жыццё. Значыць, ты мяне ўсё ж такі кахаеш?» Зноў маўчанне ў адказ. Тады я знайшоў у кішэні запальнічку, паднёс язычок полымя да свайго левага пляча. Зося ўскрыкнула. «Я цябе ка-ха-ю, — паўтарыў я, зноў на яе мове, і не ўстрымаўся, застагнаў ад болю. — А ты?» Не прымаў агонь, пакуль яна не кіўнула як быццам бы сцвярджальна — усё так жа моўчкі, апусціўшы вочы.

Раніца. У вёсцы ніводнага жыхара. Ноччу ўсе сышлі. У лес. І Зося з імі. Камандзір айнзацгрупы рваў на сабе валасы ад злосці. Калі б ён ведаў, што гэта я іх папярэдзіў, мяне чакаў бы трыбунал».

Галава цяпер па-сапраўднаму балела — пэўна, ад снатворнага, ад намаганняў разабраць незнаёмы почырк на чужой мове. Далей у дзённіку была вырвана старонка, а на наступнай ішлі кароткія адрывістыя фразы, напісаныя каравымі літарамі:

«...людзі ляжалі ля пуні з расчыненымі насцеж дзвярыма... там, дзе іх расстралялі... так я ў апошні раз убачыў Зосю... і яе маці, і маленькага брата... вочы Зосі былі шырока адкрытыя... і абсалютна пустыя... як неба, якое ў іх адлюстроўвалася... чорнае ад дыму... напэўна, яна нават не паспела спалохацца... або што-небудзь успомніць... мне сказалі: тое заслуга паліцэйскага з мясцовых, ён ведаў, як прабрацца на востраў

у балоце, дзе жыхары вёскі звычайна хаваліся... потым я яго ўбачыў... увішны, з прылізанымі валасамі і маленькімі вусікамі, пукатымі вочкамі колеру рэдкае кавы... паліваў бензінам сцены пуні... ён і сёння стаіць перад вачыма... я пакляўся сабе, што высачу яго... я не мог пакараць іх усіх, сваіх і чужых… але я мог забіць аднаго…»

Яна кінулася ў спальню і затрэсла Ральфа за плячо: «Слухай, я зразумела, *каго* шукаў увесь час Ганс! Чаму ён уцякаў з дома... Твой бацька… давай забяром яго! Зараз жа! Я буду даглядаць яго сама!» Ральф, спрасонку вельмі падобны да бацькі, такі ж ускудлачаны, з памятым тварам, ледзь разляпіў павекі: «Навошта так спяшацца? Вечарам наведаем яго, о’кей?» — і зноў праваліўся ў сон. І яна, пастаяўшы хвіліну ля ложка, кінулася ў гараж. Стары «фальксваген» Ганса завёўся адразу. Яна паехала скрозь попельную імглу, насустрач дажджу, і раптам узгадала, што забыла ўставіць кантактныя лінзы, — ай, як гэта нядобра, улічваючы, што машыну яна водзіць усяго толькі два гады і кіроўца з яе пакуль няважны… Ну нічога, як-небудзь абыдзецца… Дождж ліў усё мацней і мацней, дворнікі не паспявалі за ім… паварот, зноў паварот, а цяпер уверх… асцярожна, не спяшайся… І раптам адчула, як задняе кола слізганула кудысьці ўбок, машыну пацягнула ўправа, да абрывістага схілу. Павольна, вельмі павольна, па сантыметру вываочваючы руль, яна вярнулася на шашу, пастаяла крыху і, аблізаўшы перасохлыя вусны, рушыла наперад.

…Насустрач ёй выкацілася рабацiністая і цемнавокая, падобная да каляднай булкі з разынкамі ды карыцай, медсястра. «Я прыехала да Ганса Краўза». — «Зараз час не для наведванняў, фрау Краўз. Вы можаце пабачыць спадара ўдзень, і ўрач павінен…» — «Я мушу ўпэўніцца, што з ім усё добра! Прапусціце мяне!» — «Руская эмацыянальнасць…» — «Я з Беларусі! Гэта не тое ж самае!» — «Прабачэнні…»

Па калідоры ўжо ішоў дзяжурны ўрач з маскай ветлівага здзіўлення на твары. Зараз ён выслухае яе і не стане пярэчыць. Удваіх яны паднімуцца да старога.

«Паедзем дамоў», — скажа яна Гансу, скажа на сваёй роднай мове.

ПРОЩЕНИЕ

19. September 2004.

Ich kehre also in meine

zurück, die in einem Do

fähr zwanzig Kilometer

Моей сестре Наталье

Ганс пропал около полудня.

Перед этим ее «хэнди» как раз зазвонил в самый неудобный момент — она только что вошла в дом и, нате вам, обнаружила старика, как ни в чем ни бывало расположившегося в гостиной: налил лимонаду в ржавую кастрюлю для садовых удобрений (где только разыскал!), размочил там коробку из-под яиц и уже старательно жует ее. Выцветшие глазки жидкой голубизны, как эмалевое небо над башнями старинного Кайзербурга, струйка слюны стекает по морщинистому подбородку — пришлось немедленно натягивать резиновую перчатку, чтобы вытащить у него изо рта куски картона, и на вызов она не ответила.

Мелодия «Beethoven fantasy» вскоре раздалась снова; звонила ее соотечественница Лада, родом из Витебска, предлагала поехать на сеанс какой-то гадалки, якобы внучки сибирского шамана, а вероятнее всего, очередной аферистки (бедные немцы! понаехало ж *нас* на вашу голову!): «Ты ж родилась в шестьдесят шестом, тебе кровь из носу надо, у тебя судьба закрыта, две шестерки на конце!» И когда Лариса, отложив, на-

конец, мобильник, вернулась в гостиную, чтобы дать Гансу его обычную дозу мелперона, старика там уже не было.

Заглянула в его комнату, голую, словно конура отечественного алкоголика, а не апартаменты баварского пенсионера, там было пусто, лишь старинное трюмо издевательски, как ей показалось, мерцало выщербленной амальгамой; но тут полуоткрытая входная дверь с прикрепленным к ней с внутренней стороны небьющимся зеркалом (по совету врача и прикрепили: мол, собственное отражение отвлекает больного от намерения покинуть дом), входная дверь, которую Лариса забыла запереть, все и разъяснила. Пока она говорила по телефону, старик сбежал!

Бросилась на единственную улицу деревни; как бы прогуливаясь (главное — не привлекать внимания, живо донесут в больничную кассу, что «эта русская» плохо смотрит за больным), но все же достаточно быстрым шагом прошлась мимо частных парадизов с алыми и золотыми тюльпанами, роскошными нарциссами, похожих на дорогие магазины светильников, где взяли и зажгли все лампы сразу, вот только расположены они по прихоти модного дизайнера не вверху, а внизу. Соседки усердно работали в палисадниках; их развеваемые ветром шейные платки напомнили ей поднимающих головы змей.

Старика на улице не было.

Пока шла назад, вспоминала вчерашнее: вернувшись из Эбенсфелда, застала Ганса у старинного трюмо — стоял, не зажигая света, тощие ноги в перекрутившихся кальсонах, майка напя-

лена на свитер (одевался сам), свалявшийся пух на темени, словно мох на камне-кругляше, каких полно в округе. Стоял, вперившись в собственное отражение. Что он мог видеть там в темноте? Тронула за плечо — Ганс посмотрел на нее неузнавающе и снова обратился к зеркалу, замшелый рот без всякого выражения прошамкал: «Здесь холодно... нет еды… нет спичек... никого нет», — именно так она поняла смысл его бормотания. Перед ней стоял безумец, который уже перечеркнул реальность ее существования, и она устало усмехнулась: может быть, ее в самом деле нет? Вот было бы замечательно! А через минуту раздались хриплые звуки, как будто скрежещет заезженная пластинка, — это он запел: «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen...», даже правой рукой попытался кому-то в зеркале помахать как бы на прощание, а затем вытянул эту руку перед собой: «Sieg Heil!», но не удержал равновесия и повалился бы на пол кулем, если бы она его не поддержала.

Она тогда отвлекла внимание больного от зеркала, поманив его сахарным печеньем (безотказное средство переключения реальностей, неизменно возвращающее Ганса в «здесь-и-теперь»), помогла улечься в постель, скормив ему вместе с печеньем двойную дозу мелперона. И задумалась — в который уже раз! — над тем, как прихотливо блуждает в лабиринтах прошлого помраченное сознание. Ей, конечно же, известно, что неуклонное стирание всех отпечатков реального мира характерно для болезни Ганса, в основе которой процесс прогрессирующей ги-

бели нейронов. Впервые описанный Альцгеймером вид слабоумия весьма распространен здесь, в Германии; полгода назад умер их сосед Пауль, такой же утративший память старик, к тому же одержимый страстью к бродяжничеству, его брату-пенсионеру приходилось с ним нелегко. Ральфу тоже хватило бы хлопот с собственным отцом, если бы не она, Лариса. Время от времени погибающие нейроны Ганса, толчками прорывающие плотную пленку беспамятства — так рыба выбрасывается на берег из отравленного водоема, — выносят на поверхность те или иные небьющиеся осколки. «Зиг Хайль…» Ну — а ты чего хотела — чтобы он затянул «Вставай, страна огромная»?..

О том, как все начиналось, она знает по рассказам Ральфа. Когда Ральф Крауз, второй по счету законный ее супруг, привез сюда ее со Светкой, которую решил удочерить, Гансов маразм уже цвел пышным цветом, хищно расправляя свои лепестки цвета сумерек, волчьей ягоды. Еще пять лет назад, говорил Ральф, Ганс был добродушным старичком с белым пухом на темени и младенчески ясным взглядом за стеклами очков. Все свободное время он проводил в курятнике: разведение кур было его страстью. На своем «фольксвагене» ездил в ближайший город, Эбенсфелд, где продавал яйца несушек знакомым пенсионеркам, с которыми коротал тихие вечера за чашкой кофе. Сумерки разума начались вполне безобидно: старик стал забывать дни рождения родственников и даты оплаты счетов. К вечеру забывал о том, что утром стригся

в парикмахерской или сдавал у врача кровь на анализ; ближайшие дни словно кто-то аккуратно вынимал из ячеек, и лакуны памяти пустели. И пока Ральф описывал ей казусы, происходившие с отцом в банке и в супермаркете, она вспомнила о том, что древнегреческое слово «алетейя», то есть истина, буквально означает «отсутствие забвения». Утратив память, неизбежно теряешь истину. К примеру, больной хворью Альцгеймера мгновенно забывает то, что было вчера, зато события, которые произошли полвека назад, предстают перед ним как никогда ярко. Он теряет способность складывать буквы в слова, даже если был первым учеником в школе, не осознает, когда к нему обращаются, перестает узнавать знакомые лица; ткань бытия, состоящая из привычек, расплетается, как прогнивший гамак, и человек проваливается в пустоту. В финале происходит распад всех навыков, остаются лишь примитивные рефлексы. Все это разъяснил им психиатр, на прием к которому они с Ральфом возили Ганса; и еще ей запомнилось, что разные проявления этой болезни носят неожиданно красивые греческие названия: агнозия, афазия, апраксия — три сестры, три антипода Мнемозины.

Ральф заметил странности в поведении отца, когда тот вдруг забыл рецепт соуса, который готовил уже лет сорок к воскресным блюдам, — готовил на старой электроплитке, потому что новая плита, слишком «навороченная», с панелями выпуклых кнопок, которую Ральф купил в кредит, в свои сорок пять запланировав, наконец,

жениться (то, что невесты еще не было в наличии, его не смущало), оказалась для старика слишком сложной. Потом обнаружилось, что Ганс запамятовал, как делается кофе; однажды он решил вскипятить на электроплитке молоко в пластмассовой чашке — запах во всем доме стоял еще тот, но старик его не чувствовал: как раз перед этим у него внезапно пропало обоняние. Когда же он стал ездить по центру дороги, не придерживаясь правой полосы и не реагируя на сигналы водителей, а потом оставил в Эбенсфелде «фольксваген» открытым настежь и отправился домой пешком, его пришлось отлучить и от машины. Именно тогда началась Великая Эпоха Ключей: Ганс переворачивал все в поисках ключей от «фольксвагена», прятал связку от входной двери и почтового ящика, при этом, разумеется, тут же забывая, куда; теперь уже ключи принимался искать Ральф, и этот поисковый зуд, как заразная бацилла, немедленно передавался любому, кто входил в дом. Ганс по двадцать раз на дню спускался в гараж, чтобы подергать за ручку дверцу машины, но одним утром посмотрел на свой «фольксваген» с отстраненным любопытством натуралиста, как будто это — воссозданный для Мюнхенского музея природоведения скелет бронтозавра. О существовании агрегата, регулирующего степень обогрева дома газом, агрегата, который сам же и устанавливал четверть века назад, он как-то очень быстро забыл, а вот про печь и дрова помнил долго, и топил так, что в доме стояла настоящая Сахара. Это, естественно, злило Ральфа: ему заготавливать дрова. Если

раньше Ганс ежедневно читал местную газету, то теперь просматривал только колонку с некрологами, а вскоре уже и не понимал, для чего нужен этот кусок бумаги с жучками-буковками. А в восьмидесятый день своего рождения (Лариса как раз оформила в больничной кассе ежемесячное пособие по уходу — теперь она считалась официальной Kránkenpflegerin больного, то есть сиделкой) огорошил пришедшую на кофе соседку Алицию, на ее вежливое: «Сколько тебе исполнилось, Ганс?» торжественно возвестив: «Семнадцать!» «Так тебе известно, как повернуть время вспять, Ганс!» — всплеснула руками соседка, но он, уже забыв о ней, жадно жевал пирог, испеченный новой сиделкой, — что-что, а аппетит у него всегда был отменный, даже булочки для завтрака она начала прятать, потому что все, неосмотрительно выложенное на стол, он съедал ночью, а утром забывал и требовал еще.

Алиция! Может быть, Ганс направился к ней — по инерции памяти, как в те годы, когда днями пропадал в курятнике, а яйца несушек продавал соседке по сходной цене? Она бросилась через живую изгородь к дому, успела даже позвонить в дверь, когда вспомнила (нет, все-таки уход за сумасшедшим влияет и на ее разум), что Алиция вчера вылетела в Вашингтон на похороны единственного сына, гражданина США, который подорвался на мине в Ираке. И когда в дверь высунулось заспанное, но даже в таком виде неизменно плутоватое лицо Отто: «Что случилось? Нужна помощь?» — она уже поняла, что Ганса здесь нет, но на всякий случай спроси-

ла, даже по предложению хозяина вместе с ним обошла дом сзади и заглянула в сад. Отто считал необходимым делать серьезное лицо, наверное, из-за Майка (а сам при этом так и шарил глазами по ее груди, ногам), хотя было совершенно очевидно, что ему плевать на этого Майка, который так и не смог простить матери развода с его отцом-американцем, а когда Алиция вернулась в Германию, где вторично вышла замуж, навсегда прекратил отношения с ней. Подробности о жизни сына Алиция узнавала через частное детективное агентство (которому, кстати, платила немалые деньги): стал военным психологом, менял места службы, отправился в Ирак, между прочим, добровольно, и нелепая его смерть должна жечь жестокосердную мать каленым железом пожизненно — естественно, с точки зрения покойного (стоп, может ли у покойного быть точка зрения?). Но она, супруга Ральфа и сиделка Ганса, давно посвященная соседкой во все ее тайны, уж она-то знала, о чем на самом деле рыдала Алиция за три часа до отлета самолета: плутоватый Отто во время командировки в Прагу спутался с молоденькой чешской проституткой (которая взяла его тем, что голосовала у дороги в длинной норковой шубе и сапогах-чулках на голое тело) и, по слухам, даже прижил с нею младенца. Сына Алиция не видела пятнадцать лет — могла ли она, если вдуматься, искренне плакать о незнакомом бородатом мужчине, который ничуть не был похож на двенадцатилетнего мальчика, оставленного ею в Америке? Годы идут, и ничья смерть уже ничего не в состоянии доказать.

Как и ничья жизнь. Ее, Ларисы Вашкевич-Крауз, в том числе. Да и была ли она у нее, жизнь? Разумеется, была, вполне беспросветная, как на ее взгляд. Только вот в ее родной стране, где привыкли к сверхопыту боли, а страдание измерялось такими масштабными катаклизмами, как война, репрессии, Чернобыль, ее отдельно взятое несчастье никого не впечатляло да и вообще мало что значило. Школа в райцентре, крикливые лозунги и яйцеподобные гипсовые головы вождей — от этого фантастического существования мозг защищался абсолютно реальной утратой зрения: так запотевало в ванной комнате зеркало, стоило включить слишком горячую воду, и в нем уже нельзя было ничего разглядеть, разве что изобразить на влажной поверхности фигуру из трех пальцев. Или плакатный профиль трех создателей «великого учения» — трехголового существа, которое смотрело из всех школьных учебников и размножалось, очевидно, простым делением: только таким малозатратным способом можно было наплодить столько уродливых близнецов. «Ты должна носить очки и сидеть на первой парте!» — она и сидела за первой партой в уродливых очках с черной оправой, девочка Дай-Списать, но зрение все равно продолжало падать... Ну а что там было дальше-то, а? Да известно что: вуз, метры печатного текста, которые можно было запросто расстелить наподобие дорожки, — ага, ковер-самолет, транспортировавший их, усердных зубрилок научного якобы коммунизма в страну, которой на самом деле не существовало, а существовало другое: вечная

нищета, мокрые ноги, обернутые газетой (спасибо, мать научила) все с теми же красноречиво констатирующими факт всеобщего и полного процветания текстами, — мокрые ноги в протекающих, еще материнских, сапогах… Доучилась-таки до диплома и до комнаты в общежитии; в качестве приложения — мат пролетарских соседей за стенкой, а потом и замужество, и скоропостижная кончина надежды, что все у нее теперь будет «как у людей». Зрение между тем снижаться продолжало, как будто ее изобретательный мозг старался поскорее размыть картинки, что ему показывали, — дабы выжить самому, не сорваться в истерику с резанием вен (как соседка по общежитию) или банальный психоз.

А картинки-то были одни и те же, привычные, как штамп в паспорте, как захезанный павильончик под окном с надписью «Пиво-Воды»: муж, «патриотично» пропивающий зарплату с алкашами с родного завода; болезни, Светкины и ее, загаженные лазареты с притаившимся наподобие лох-несского монстра неуловимым внутрибольничным стафилококком, произвол люмпенов от медицины с их животным чутьем на чужую беззащитность: неопохмеленные санитарки с одинаковыми «фонарями» на синюшных физиономиях распахивали настежь дверь единственного на весь этаж сортира со сломанной защелкой, не обращая внимания на то, есть ли кто внутри. Смерть матери от инсульта, перед этим — ее гниение заживо в переполненном коридоре, где интимность попрана, нет уже ни мужчин, ни женщин, лишь бесполые существа, как

перед печью крематория. Муж между тем допился уже до того, что проигрался блатным (тогда, в середине девяностых, уголовники чувствовали себя вольно), и мрачного вида бугаи в наколках молча вынесли из квартиры телевизор, мебель, ее и Светкины вещи. И, наконец, финал — муж, повесившийся посредством брючного ремня на трубе батареи отопления в их пустой, хоть в футбол играй, однокомнатной квартире.

Вот тогда, после вторых за год похорон, лежа ночами без сна, Лариса и поняла, что потеря зрения спасала ее от потери рассудка: ее «я» инстинктивно пряталось в кокон слепоты, чтобы *не видеть*, а жизнь насильно разверзала ей вежды, — нет, отрезала веки! — и вот она теперь воспринимает мир оголенной сетчаткой, как, наверное, воспринимали Солнце буддийские мистики, которые сами проделывали над собой эту изуверскую операцию, чтобы сон не отвлекал их от поисков Абсолюта. Но мистики, надо отдать им должное, делали это как раз для того, чтобы прозреть; она же, выходит, стала *слепой по собственному желанию* — ну и открытие! — и даже долго, очень долго прикрывала глаза руками, чтобы сохранить свои иллюзии. Но жизнь, как палач, заставляющий глядеть на пытки близкого существа, отдирала ее руки от ее же органов зрения — вовсе не из вредности, не из скрупулезного садизма, не из желания запереть ее в психбольницу с диагнозом «эндогенная депрессия», а чтобы, наоборот, спасти. А может, даже вовсе не ради нее, тридцатитрехлетней наивной дурищи с типичным национальным комплексом мно-

готерпеливицы она, жизнь, выкладывалась (кому мы, отработанный биоматериал, интересны-то?), а, как водится у природы, о «подрастающем поколении» заботилась. И, через несколько лет обнаружив у дочери наследственную миопию, она не стала ждать худшего и по совету ушлой подруги, ни на что особо не надеясь, отправила свою анкету в брачное агентство. «Мы подберем вам состоятельного иностранного супруга» — вот и подобрали, и на что ей, собственно говоря, жаловаться? А когда она узнала, что Ральф, заботясь о здоровье, совершает утренние пробежки и *вообще* не употребляет алкоголь, этот единственный аргумент поставил точку на всех ее сомнениях.

Однажды — было это вскоре после приезда в Германию — она отправилась в магазин за порошком для ручной стирки. На полках стояли десятки пакетов, коробок, бутылей, упаковок любого размера, цвета, консистенции и запаха, эпатирующих зрение яркостью красок и характеристиками содержимого, но все, абсолютно все предназначались для автоматических стиральных машин! Разумеется, была такая машинка и у Ральфа, но… уроженка страны, где прачки в недавнем прошлом в основном занимались тем, что управляли государством, а потому заботиться о чистоте белья было некому, она не умела пользоваться чудо-автоматом, боялась сломать... И сломала-таки в первый же раз, когда, наконец, отважилась положить туда свое белье, к которому сама применяла дипломатичный эвфемизм «со стажем», — было не до смеха, когда машина выплюнула ошметки, а металлическая

косточка от корсета попала в барабан, и раздавшийся вслед за этим дикий скрежет заставил даже Ральфа вывернуть чашку с горячим чаем себе на колени. Лариса никогда не забудет лицо мастера, который был неотложно вызван, этого от рождения цивилизованного немецкого мастера, которому и в голову бы не пришло подковывать блоху, зато свои прямые обязанности он привык выполнять со знанием дела, — держа в руке извлеченный из барабана обломок, он вежливо и вместе с тем потрясенно вопрошал: «Что это может быть?!» Вот в этот момент она и поняла, что глубина пропасти, разделяющей — даже в мелочах, и в первую очередь именно в мелочах! — две цивилизации, умудрившиеся параллельно сосуществовать на стыке тысячелетий на евразийском континенте, сводит к нулю любую возможность взаимопонимания. Ну что тут поделать: ни у ее матери, фабричной рабочей, ни у нее самой отроду не было стиральной машины-автомата, потому и пришла она в магазин за обычным порошком… Продавец, которому робко высказала свою просьбу, вытаращил на нее глаза и развел руками.

Выйдя из магазина на мощеную улицу — камни под ногами были такими чистыми и гладкими, словно их вымыли нежнейшим детским шампунем, — она села на скамейку напротив огромного куста роз, глядящих вокруг с достоинством коронованных особ, — цветы на жалких клумбах ее провинциального городка пропитаны страхом, что их истопчут, вырвут с корнем, уничтожат как класс, и от этого стараются казаться мельче,

незаметней, приниженно сжаться в комок, как и люди в том городе, — даже цветы понимают, где им выпало родиться! Разве ее мать не могла прожить совсем другую жизнь? Полдня она тогда проплакала о матери, замордованной каторжным бытом, и решила, что ради Светки, да, только ради дочери она, Лариса Вашкевич, с ее такой неудачной (черт знает, почему!) женской судьбой станет терпеть маразматические выходки Ганса, не более страшные, чем безобидные номера детсадовского утренника в спецгруппе для даунов, по сравнению с тем, что она испытала дома.

Впрочем, бывали у Ганса и моменты ясности, когда болезнь переставала наваливаться на его мозг, как медведь на заплутавшую в малиннике бабу (между прочим, их соседка Алиция, просвещенная европейка, до сих пор полагает, что на родине Ларисы, в России [«Я из Беларуси», — привычно поправляет она Алицию] медведи разгуливают прямо по улицам вместе с обутыми в лапти аборигенами). Тогда Ганс искренне радовался ее присутствию в доме и даже делал маленькие подарки: проснувшись утром, она находила на тумбочке стыдливо положенный с краю букетик маргариток, или завернутую в тончайшую душистую бумагу брошь, или золотистую круглую жестянку с надписью «Danish Butter Cookies», жестянку, которая сама по себе являлась шедевром, а уж лежавшее в ней разнообразнейшее cookies, то есть печенье, по виду и вкусу и вовсе, на ее взгляд, не предназначалось для простых смертных. Он

хвалил приготовленный ею обед, расспрашивал о доме, о местах, где родилась. Однажды назвал ее Зосей… «Ганс, почему Зося?» Он не расслышал или притворился, что не слышит, а затем спросил, бывала ли она в… и назвал небольшой белорусский город. Разумеется, бывала, ответила она, там жила ее бабушка. «О, бабушка!» А знает ли она такое место за городом, там военный аэродром, а рядом лес и овраг… Разумеется, знает. Аэродрома давно нет, там теперь построили санаторий для ветеранов войны. «О, санаторий? Для ветеранов?» — как будто бы удивился Ганс, и она подтвердила: да, санаторий. И добавила, вспомнив: там рядом мемориал. На этом месте во время войны были расстреляны евреи, много евреев, восемь или десять тысяч… и осеклась. Тут он закрыл глаза, показывая, что разговор окончен, а через минуту затянул хриплым фальцетом: «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…»[1] Поняв смысл, она решила, что он пытается вспомнить одну из песен, которые пели немецкие солдаты на минувшей войне, но подтвердить достоверность ее догадки не мог теперь никто.

---

[1] «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…» *(нем.)* — «Во имя Отца, Сына и Святого Духа... Аминь… До свидания... До свидания... Завтра в 9 часов пойдем мы домой, домой, к моей маме...»

Внезапная мысль о том, что Ганс, может быть, и в самом деле вернулся домой и прячется теперь в углу за дровами, заставила ее быстро взбежать на крыльцо, заглянуть в рабочую каморку, где хранятся дрова, находятся печь и газовый агрегат… Вскоре после разговора о белорусском городе у него и НАЧАЛОСЬ. Старик принялся по ночам перетаскивать дрова из каморки к себе в постель. Но если бы только дрова: не включая света, в полной темноте двигал мебель, вытряхивал ящики из тумбочек, выбрасывал одежду из шкафа, срывал белье с кроватей — своей и покойницы Эльзы, переворачивал стулья, распахивал настежь окна, так что все горшки Ральфа с геранями оказывались на полу. Делал все молча, агрессивно отталкивая ее успокаивающие руки. Иногда, проделав все это, ложился спать, а утром — сама невинность! — возмущался, что Ральф и соседка будто бы сговорились и учинили в его комнате этот «унорднунг» (*нойе орднунг, новый порядок* — выбрасывала ее растревоженная память, она даже удивлялась сама себе: надо же, для скольких еще поколений немецкий язык останется связанным с тем оккупационным neu Ordnung'ом?). Налили воды в его кровать, продолжал свои бредовые обвинения Ганс, и было бесполезно объяснять, что это он страдает недержанием. Однажды, увидев в окно соседку, объявил той, что «в следующий раз» заявит на нее в полицию. Пришлось убрать из его комнаты все лишнее, превратив ее в подобие карцера или палаты для буйнопомешанных, разобрать и унести кровать Эльзы, спрятать скатер-

ти, покрывала, отказаться даже от настольной лампы в металлическом корпусе, которую больной с необъяснимым раздражением регулярно швырял на пол. «Вот оккупант проклятый», — вполголоса ругалась она, впрочем, беззлобно, подбирая лампу. Выкрутили и ручку с оконной рамы, но это было уже позже; а тогда, в одну из безумных ночей, устав наблюдать, как он городит поленницу дров на подушке, она подошла, тронула за плечо: «Ганс, что ты делаешь?», но он даже ухом не повел, вероятно, потому, что в дополнение ко всему был почти глухим, а пользоваться слуховым аппаратом не хотел: тот почему-то вываливался из уха и постоянно звенел, и для того чтобы старик слышал, ей пришлось бы все время придерживать аппарат — занятие, от которого она в конце концов отказалась. Поэтому свой вопрос ей пришлось повторить несколько раз: «Что ты делаешь?» Палец с изъеденным грибком ногтем ткнул в зеркало: «Они наступают!» — «Кто, Ганс?» — «Русские! Их много! Нужно спрятаться…» — «Это же зеркало, Ганс, а в нем просто наши отражения!» Но объяснять ему это было все равно, что плевать против ветра.

А однажды он поразил ее тем, что во время грозы, услышав громовые раскаты, забился в угол каморки, накрылся с головой плетеной корзиной для белья, и когда она пришла за ним, пытался и ее усадить под корзину, выкрикивая при этом полную бессмыслицу. Перерыв разговорник, она не нашла ничего похожего, и только вечером Ральф, все же читавший кое-что о войне, объяснил, что сталинским органом немецкие солдаты

называли советские реактивные установки, — она, тоже кое-что читавшая и имевшая по истории, а как же, пятерку, догадалась, что речь идет о знаменитых «катюшах». Вот так она, сиделка, училась понимать своего больного…

Именно тогда он начал разговаривать с зеркалом у себя в комнате — на остальные почему-то не реагировал. Днем, поднявшись по лестнице на второй этаж и не найдя ее там (хотя она сидела тут же с вязанием или книгой), он отправлялся к себе, к старинному трюмо, и вскоре оттуда уже доносились скрипучие звуки заезженной пластинки. По крайней мере, у Ганса появился собеседник, шутил Ральф, да и она первое время была довольна, что больной не пристает к ней с разговорами. Ганс же настойчиво пытался пригласить «старика из зеркала» за обеденный стол, тайком относил «ему» то стакан лимонада, то яблоко, а однажды обезоруживающе выложил на трюмо все копеечное содержимое своего кошелька. Тогда-то до нее дошло: он окончательно утратил представление о собственном возрасте.

А вскоре — этот день Лариса помнит хорошо — она застала больного, рассказывающим зеркалу о войне: Ганс — солдат, молоденький рядовой, говорил он о себе почему-то в третьем лице, едва успел прибыть в рейхскомиссариат Остланд, как началось отступление, это настоящий Hölle, вот именно — ад, он все время молится, чтобы его ранили, потому что хочет к маме... А когда он, коверкая, произнес название с детства хорошо знакомого ей города, она не могла больше обманывать себя: да, все так

и было — не случайно он тогда расспрашивал ее, и про аэродром знал точно… Внутри у нее словно что-то оборвалось. В тот же вечер она приступила с расспросами к Ральфу и получила ответ: да, неохотно признался муж, отца забрали в вермахт в мае сорок четвертого и направили на Восток, я ничего не хотел говорить тебе раньше, потому что знал, что это будет тебе немного неприятно. «Немного неприятно?!» — повторила она. «Не стоит драматизировать, шла война. Отец всего два месяца прослужил в тыловом гарнизоне где-то недалеко от Минска, потом был тяжело ранен при отступлении, и война для него закончилась. Ты слишком впечатлительная, все твои проблемы — от коммунистического воспитания!» Несколько ночей после этого она лежала без сна, и требовательный зов старика, громкий, как боевая труба, отлично слышный даже на втором этаже, где она спала, зов, который раздавался обычно около четырех, опережая все утренние звуки деревни, заставал ее с мокрым от слез лицом.

Кривляние Ганса перед зеркалом больше не казалось ей забавным. А вскоре и Ральф перестал усмехаться: если днем «старик из зеркала» виделся Гансу миролюбивым, то по ночам трансформировался во врага, и больной ставил на уши весь дом. Пытался задрапировать недавнего «друга» полотняной скатертью, срывая ее со стола в гостиной (при этом вся посуда оказывалась на полу); баррикадировал проход к зеркалу перевернутыми стульями, корзинами с бельем, но чаще всего приволакивал все те же дрова из ра-

бочей каморки. Вот тут-то и пришло время врезать новые замки в кухне и гостиной — ключи от большинства комнат были давно утеряны, — но дверь в каморку, проходную в туалет, запереть было нельзя.

…«Тише! Ступай осторожно! — Ганс хватает ее за руку, едва не выкручивая запястье. — Чтобы не нарваться на мины! Видишь следы?!» — «Ганс, отпусти руку! Мне больно!» — «Смотри же! — он тащит ее к окну (жалюзи со стороны улицы спущены, в стекле — его и ее отражения: старик в пижаме с всклокоченным редким пухом на темени и стройная девушка с длинными светло-русыми волосами, ночное окно скрадывает возраст — ее, но не его). — Они там, там! О, да у них пулемет! Падай на землю! Шнеле! Сейчас начнут стрелять!» — «Ганс, прекрати!» — «Фельдфебель приказал мне рыть окоп... Знаешь, как было трудно? В земле здесь одни корни! Но я справился!» Да уж, справился: проход к окну надежно забаррикадирован креслами из гостиной, двумя матрасами — все перевернуто и сдвинуто на середину комнаты. Больной вдруг садится на пол, его настроение меняется. По лицу текут слезы: «Я не хочу воевать! Я никого не убивал! Давай сбежим отсюда вместе…» Старика едва удается успокоить и уложить на диване в гостиной. Ральф вполголоса ругается: все это ему надоело. Через полчаса снова грохот, хлопанье дверей; на этот раз Ральф даже не выходит из спальни. Она обнаруживает больного в постели: он «спрятался» — натянул на голову простыню. Его лицо, в размытых пятнах старческой пиг-

ментации, как размазанная по тарелке гречневая крупа, светится от сознания добротно сделанной работы; он хочет, чтобы его похвалили и погладили по редкому пуху на темени, который сейчас стоит дыбом. «Скоро начнется бомбежка! — приглашает он ее разделить радость. — Но я вырыл надежное укрытие! Русише штука нас не достанет!» На кровать навалена одежда, сверху громоздится каток для глажки белья, который со времен Эльзы ржавеет в кладовой (а он тяжеленный!), дрова... «Ганс, какое укрытие?! Война давно кончилась!» — «А? Кончилась?»

Только тогда Ральфа по-настоящему и пробрало: строя по ночам свои «укрытия», Ганс везде включал свет — а за электричество надо платить! Еще бы, Ральф даже новогодние открытки покупает летом, когда они стоят всего евро, а не четыре, как в декабре. «Нужно подсчитать расходы! Боюсь, в конце концов, дешевле будет сдать его в дом престарелых!» Вот именно — сдать. Это было как раз то, о чем Лариса теперь мечтала. Потому что не хотела ухаживать за бывшим немецким солдатом, воевавшим у нее дома. И еще потому, что хотела, наконец, убедиться: их с Ральфом брак — все же не сплошная бухгалтерия. Ибо в минуты депрессии полагала, что Ральф обеспечивает ей крышу над головой и статус пребывания в стране исключительно из-за того, что она экономит его деньги, присматривая за Гансом. Как выяснилось, женившись на ней, Ральф сделал дальновидный шаг: иметь жену-белоруску дешевле, чем платить домработнице и сиделке; скажем, сиделка из Прибалтики потре-

бует от трехсот евро (а с таким тяжелехоньким пациентом — раза в полтора больше). Отдать же Ганса в дом престарелых слишком накладно: пришлось бы расстаться с пенсией старика и частью собственного дохода. То есть как все-таки женщина она желала получить доказательство того, что их союз с Ральфом зиждется не на безумии Ганса в качестве единственного фундамента.

Но куда, хотела бы она знать, подевался сейчас этот «фундамент»?

От того, что нелепое сегодняшнее происшествие началось со звонка Лады, она не придумала ничего лучшего, как набрать ее номер, заранее раздражаясь от манеры Лады говорить — деланно-лениво позевывая, растягивая неестественно алый рот (стойкая отечественная привычка — местные не употребляют косметику), — но в трубке раздалось «временно недоступна». Ага, Лада ведь отправилась к той якобы внучке сибирского шамана и, конечно, выключила мобильник! Тут же ей вспомнился другой разговор с Ладой, после поездки в Кульмбах, в замок Плассенбург, где они сподобились посетить самый крупный в мире музей оловянных фигур. Устав от однообразия батальных сцен, от всех этих древних кельтов, римских легионеров, тевтонских рыцарей, английских мушкетеров, викингов, наполеоновских гвардейцев и прочих двоюродных братьев стойкого оловянного инвалида, она пригласила Ладу в кафе и после глотка «Чибо майлд» неожиданно выложила то, что мучило: «Ганс воевал в Беларуси, представляешь?!» — «Ну и что? — искренне удивилась Лада, натуральная блондинка

с зелеными глазами, одетая по-отечественному, то есть с вымученной тщательностью: блузка со стразами, туфли на шпильках, броский макияж, — никакая, между прочим, не Лада, а всего-навсего Людка, через работающую в областном загсе тетку поменявшая одну букву в имени, чтобы враз стать манящее-загадочной. — Так это же черт знает когда было!» — «Он видит себя солдатом, все время бредит про войну!» — «А тебя это волнует?» — передернула плечиком Лада.

Люде-Ладе — удвоение, в котором Ларисе почему-то слышится «людоедство» (и еще: «прелюбодеяние»), — Люде-Ладе всего тридцать. Десять лет разделяют их — пропасть, через которую невозможно перекинуть мост. Все же она тогда призналась соотечественнице, что если Ральф не сдаст старика в дом престарелых, она уйдет, бросит все к чертовой матери, снимет квартиру, найдет другую работу или вовсе уедет домой — но как оставить тут Светку? Как будто она, Лариса, не понимает, что за избирательностью ее внутреннего зрения, за лукавством Мнемозины, поворачивающей калейдоскоп с цветными стеклышками таким образом, что перед глазами всегда оказываются самые мрачные, прячется тоска по родине! «У тебя самой крыша поехала, — спокойно констатировала Лада, отправляя в рот кусочек вишневого десерта. — Тебе государство платит за то, что маразматика смотришь?» — «Ну и что с того?» — «Сколько?» — «Двести в месяц». — «Мало. Подавай на вторую степень по уходу, раз он у тебя такие финты выдает. Когда он ночью опять

все разгромит или перед зеркалом «Хайль Гитлер» сделает, быстренько хватай фотоаппарат и снимай, потом отнесешь в больничную кассу: так и так, посмотрите, господа хорошие, что наш пациент вытворяет. Можешь и на моральный ущерб сослаться, это тоже хорошо продается. Мол, ты белоруска, тебя все это травмирует. У немцев комплекс вины из-за той войны, они готовы всем на свете компенсацию платить. Будешь получать четыреста евро — конечно, не шикарно, но…» — «Да дело не в деньгах…» — «А в чем?»

Понимая уже, что напрасно затеяла этот разговор, она — скорее, не Ладе, а самой себе — попробовала объяснить: когда ее бабушка с тремя детьми пряталась в болоте, по пояс в ледяной жиже, а полицаи из айнзацгруппы и немецкие солдаты, предварительно пустив в деревню красного петуха, прочесывали лес, метр за метром, и у каждого солдата на поясе висел котелок (бабушка потом всю жизнь не могла слышать ритмичное звяканье ложки о металлическую посуду), самый младший из детей вдруг начал плакать, и она сунула ему грудь; но ребенок продолжал пищать, а она все пихала и пихала ему в рот грудь, пока тот не замолчал окончательно, как оказалось — задохнулся. «Зато мой отец и его брат благодаря этой пустой, без молока груди, оказавшейся все же достаточно увесистой, чтобы пресечь дыхание двухмесячного существа, остались живы. Документы отца сгорели в хате во время той облавы, а метрики умершего младенца чудом уцелели.

Живой прожил жизнь по документам мертвого. В моем отчестве — имя мертвеца, который не мог иметь детей, потому что сам умер в возрасте крохи. И теперь, когда кормлю и переодеваю Ганса, я все время думаю: а вдруг он был в том лесу?» — «Ты что это — серьезно? Совсем отъехала? — поразилась Лада. — При чем здесь твоя бабушка? Я вообще не пойму, какого хрена загружаешь. Если уж надумала уходить от Ральфа, так и скажи. Согласна с тобой, бабла у него маловато… — Лада наклонилась к ней и понизила голос: — Я тут с одним немчуренком из Ганновера в Сети познакомилась, кру-у-утизна! Видно, свалю я от Эдвина, но пока — молчок. Уже договорились с Германом на пару квартиру пятикомнатную снимать. Но я ж умная — свою часть квартиры буду оплачивать сама, чтобы не лишиться алиментов, хе-хе, от бывшего супруга! — Лада откинулась на спинку стула, вынула ментоловую сигаретку. — Люблю мечтать… эх, если бы вдруг подвалила куча бабок… я бы купила себе домик на греческом острове… А ты?» — «Я бы оплатила учебу в университете Светке и… поставила на месте той сожженной деревни камень…»

Вспомнив выражение красивого личика Лады после тех ее, Ларисы, слов — соотечественница смотрела на нее с брезгливым сочувствием, как на слабоумную, — она отбросила мобильник в сторону. Ну, давай же, напряги мозги, где может быть старик, где? Пальцы мелко дрожали. Придется, видно, как ни крути, обращаться в полицию, хоть здешняя полиция внушает

ей прямо-таки генетический страх. Вдруг она вспомнила, что сегодня — девятое мая, и сразу же увидела в почтовом ящике местный журнал на русском языке: журнал, издаваемый бывшими аутохтонами СССР, приходил с немецкой точностью на девятый день месяца. Сначала механически, а потом с любопытством принялась искать на страницах материалы, посвященные той войне. Пролистав наскоро весь добротный глянец, заглянула в рубрику «Май много лет назад: хроника месяца» (не может быть! хотя бы здесь, одной строкой!), отыскала сегодняшнее число и с возрастающим изумлением прочитала, что 9 мая 1964 года во главе американского хит-парада оказался «великий Луи Армстронг с песней «Hello, Dolly». И все… В этот день, с точки зрения редакции эмигрантского журнала, в мире не случилось больше НИЧЕГО, достойного упоминания. Но вот ведь даже коренные немцы о той дате не забыли, раз вежливо терпят на сей земле обетованной господ эмигрантов, облеченных, как в доспехи, в хорошо финансируемый статус «жертв фашизма»…

Она перевернула страницу. Далее была напечатана история нашего соотечественника, щедро проиллюстрированная его же фото в стиле «ню». «24-летний Александр в результате 35 операций, сделанных на протяжении двух лет, превратился в Александру, произведя полную смену пола! Теперь 9 мая, день своего окончательного «чудесного превращения», Шура празднует как день рождения. Александра восстала против природы — и победила!» Ниже следовал рассказ о

том, как на пару с другим транссексуалом «ребята-девчата» зарабатывали деньги на операцию: тариф на секс-услуги был немалый — 500 евро в час. «Не удивительно, что клиентами Александра являлись люди известные: политики, адвокаты, телеведущие». Из опубликованного следовало, что теперь Шурик-Шура добивается сочувствия со стороны окружающих к таким, как он, узникам «душевного гетто».

Вот такое нынче содержание у понятия «гетто»… Да и слава богу, что только такое! Время идет, и даже самая страшная боль покрывается коркой забвения. Тут только она заметила, что произносит эти слова вслух, говорит их своему отражению в зеркале — ну прямо как Ганс! — и села на кровать, закрыв лицо руками. Что ж поделаешь, если всякое новое поколение стремится избавиться от памяти о прошлом, как от старой рухляди, вот как они с Ральфом вынесли в кладовку неуклюжий, послевоенный еще каток для глажки белья. Личная память, которая есть, в сущности, набор опытов, у молодых пуста, как незаполненный лазерный диск. Насколько продуктивнее человек проживал бы свою жизнь, если бы рождался by default — вот именно, по умолчанию! — с записанными в мозгу копиями файлов из ресурса коллективной памяти. Будь это возможно, человечеству хватило бы одной-единственной войны, которая стала бы последней. Увы, никто не может воспользоваться чужой памятью. И не хочет. Недавно она узнала, что спустя шестьдесят лет после Холокоста жители баварского города Дахау выступа-

ют за закрытие мемориала, созданного на месте бывшего нацистского концлагеря. А дома, расположенные в непосредственной близости от труб крематория, дымивших во время войны днем и ночью, считаются сейчас первоклассной недвижимостью, поскольку прилегают к тихим зеленым районам. И живущих в тех домах не мучают ночные кошмары. Да и сам город Дахау в местной прессе упоминается в основном благодаря тамошнему борделю, где трудятся особенно сострадательные проститутки: после отмены государственной дотации пенсионерам на Рождество жрицы любви вручили обитателям дома престарелых «Friedrich Meinzolt» по 25 евро, сообщили газеты. А она, по-видимому, действительно страдает клинической впечатлительностью… Как сказала Светка: «Мать, история полна ужасов, взять хоть древних ацтеков — вырывали сердце у живых пленников, чтобы принести его в жертву, это покруче Маутхаузена! Между прочим, сердце они называли драгоценным кактусовым плодом Орла, а умирающего в страшных муках пленника — Орлиным Человеком. И вообще у тебя застревание аффекта». — «А у тебя?» — хотела она спросить, имея в виду известно что, но сдержалась, всегда боялась обидеть дочь (выросла, считай, без отца), которая, кстати, вполне удачно вписалась в здешнюю жизнь: закончила языковые курсы, нашла работу официантки, поступила в университет на психолога, — все сама, умница! — сняла квартиру вдвоем с переселенцем из Казахстана. А уж как она радовалась успехам дочери — да

ради этого готова была терпеть и не такое, что там выходки старого маразматика и мелочность Ральфа, косые взгляды соседей и тупость эмигрантов. Через полгода выяснилось, что Светкин Генрих, как здесь говорят, *швуль*…[2] И это еще полбеды, а несчастье в том, что девочка все равно любит этого типуса и продолжает жить с ним. И она, мать, не может ничего ей посоветовать, потому что на животрепещущую тему «Как строить семейную жизнь с гомосексуалистом» им не читали лекций ни в школе, ни в университете.

Впрочем, дочь и не спрашивает у нее совета, вполне самостоятельно подводя концептуальный базис — психологиня, а как же! — под свою (его) проблему: «Пойми, после той войны у немецких и наших мужчин нет энергии, необходимой для проникновения в чужое тело, они слишком выложились, ведь это одно и то же — пенисом или штыком, убить или зачать, одна и та же энергия, только с обратным знаком…» — «Ну да, твой Генрих навоевался, вся грудь в орденах…» — «Дело не в нем лично! Мужчины расхотели заниматься сексом. Возьми отца: сексу он предпочитал алкоголь, потому что энергетически это менее затратный способ достичь нирваны». — «Оставь в покое прах своего отца…» — «Нет, ты дослушай! Зато женщины накопили много энергии, и куда им ее девать?» — «А я почем знаю?» — «Выходят замуж за папуасов, азиатов, афроамериканцев, монголо-китайцев, потому

[2] Швуль (от нем. разг. *Schwul*) — гей.

что те их трахают!» — «Прекрати выражаться при матери! Это только наши выходят — потому что дуры. Немки ни за каких папуасов не выходят». — «Зато немки покупают искусственные члены марки «Индийский слон» и мужчин-кукол, ты зайди в секс-шоп…» — «Так что, ты теперь будешь спать с «Индийским слоном» до конца жизни?» Дочь не разговаривала с ней неделю, и прощения просила, конечно же, она, хоть и была в том споре права: ну и поколение — во всем готовы обвинить войну!

Боже мой, она сидит тут над глупым журналом, а Ганс, может быть, валяется сейчас где-нибудь на трассе с размозженной головой! Трясущимися руками она набрала номер Светки, и дочь, слава богу, ответила сразу же. Ее всегда успокаивала Светкина рассудительность. И сейчас девочка, мгновенно вникнув в ситуацию, сказала: «Мать, не дергайся. Рассуждай логически. Он представляет себя молодым, так? Что он тогда делал? В смысле, после войны?» — «Женился, растил детей». — «А потом?» — «Похоронил жену. Построил дом для Аннелизе». — «Вот и сходи к Аннелизе, может, он там». — «Неужели ты думаешь, что Аннелизе не привела бы его сама?» — «Но ты же знаешь Аннелизе», — заметила Светка, и это было ох как резонно.

Аннелизе, старшая сестра Ральфа — как, впрочем, и младшая, Барбара, — давно не поддерживали с отцом и братом никаких отношений, даже не здоровались. Раздор в семье начался с дележки имущества между совершеннолетними детьми и отцом; разгорелась настоящая война за

дом, в котором живет теперь Ральф, и хотя сестры были замужем и имели свои дома, они потребовали, чтоб Ральф и Ганс выплатили им их долю. Аннелизе еще и отхватила половину участка, где стоит ее новый, построенный с помощью Ганса дом, поэтому теперь они соседи. При подписании договора предусмотрительные сестры ввели пункт, что за Ганса отвечает Ральф и несет все расходы, в том числе лечение, пребывание в доме престарелых, похороны и уход за могилой. В документе четко прописаны пределы сыновней любви: Ральф предоставляет отцу горячее питание один раз в день. Специальным пунктом оговорено, кто именно высаживает цветы на могиле матери: это предписывалось делать Ральфу, а если цветы вдруг вздумается посадить сестрам, то он обязан оплатить эту услугу наличными. Теперь цветы на могиле (а иногда и целые композиции, например, на Пасху) высаживает она, жена Ральфа. Аннелизе, домохозяйка, навещает Ганса один раз в год — на день его рождения. Приносит пачку печенья. Во все остальные дни она, избавляясь от лишнего веса, ходит на променад, нарезая круги вокруг деревни, при этом как минимум трижды проходит мимо отцовского дома, но при этом ни разу не зашла проведать старика. А бездетная Барбара, живущая в Эбенсфелде, удочерила девочку из Румынии и усиленно занимается благотворительностью: руководит общественной организацией, собирающей одежду для сирот из бывших социалистических стран, раздает интервью газетам. Своего отца она не навещает даже в день рождения.

Она перебежала через двор и уже совсем было собралась постучаться к Аннелизе, но вовремя отдернула руку: та может написать жалобу, и тогда за плохой уход за больным ее, бесправную, в сущности, эмигрантку, хоть и жену немецкого гражданина, заключившую брак в законном до последнего витража местном Ратхаусе, могут лишить и тех 200 евро, которые она получает как сиделка. И она сделала вид, что просто разглядывает деревце магнолии с крупными розовыми цветами — естественно, дорогущее (нет, если бы Ганс забрел сюда, то скорее умер бы на крыльце, чем попал в дом!), — а потом вновь побежала по улице, но опомнилась: машина! Старенький «фольксваген» Ганса завелся мгновенно и как будто завилял радостным дымком, словно собака хвостом, — собака, отправляющаяся на поиски хозяина. Словно чувствовал, за какой такой надобностью его выгоняют сейчас из гаража. Медленно — а сердце колотилось — она покатила привычным путем, который преодолевала регулярно по субботам и воскресеньям: в эти дни подрабатывала посудомойкой в одном из ресторанов Эбенсфелда (по выходным Ральф сам в состоянии присматривать за своим отцом). Кстати, ее напарницы по кухне — россиянка с дипломом филолога и украинка, которая в своей стране была журналисткой, такая вот гуманитарная компания; вместе они обсуждают стиль Макса Фриша и эстетику Пруста, не забывая при этом до блеска натирать гриль-сковороды чистящим средством. Здесь, в баварской глубинке (хоть и не менее, чем большие города, цивилизованной

и ухоженной — давно и прочно), найти когда-нибудь работу по специальности шансов нет ни у одной из них — вот девочки и отводят душу в интеллектуальных беседах. А что им еще остается: их мужья, она может голову дать на отсечение, понятия не имеют, кто такой Макс Фриш.

Цветущие элизиумы палисадников остались сзади. Она ехала теперь вдоль поля, на краю которого росло необычное раскидистое дерево, так поразившее ее когда-то: плоская крона словно распадалась надвое и напоминала гигантскую трепещущую бабочку, которая вот-вот взлетит, а мощный ствол образовывал что-то вроде сиденья. Потом, подойдя поближе, она поняла, что кроне придана нужная форма искусными ножницами. Деревья здесь пойманы в плен цивилизацией — возможно, поэтому они не излучают света; там, в старом парке ее детства, осталось сияние, которое видела, наверное, лишь она одна из крикливой головоногой лагерной толпы: под куполом ладоней, которые она складывала над неброскими соцветиями тысячелистника, рождалось что-то теплое, розово-золотистое… Она пропустила поворот и резко затормозила, воспоминание отлетело вспугнутой бабочкой. Возле того ухоженного (вот только счастливого ли?) дерева они со Светкой любили отдыхать, когда прогуливались по окрестностям. Когда Ганс еще не требовал ее ежеминутного присутствия…

Кто знает, возможно, старик опять решил, что его хотят отправить на фронт, и спрятался? Около месяца назад, вернувшись из Эбенсфелда, она обнаружила его бегающим по дому

с пеной на губах и расширенными от ужаса зрачками, в рубашке полынного цвета, с двумя нагрудными карманами и широким поясом, напомнившей ей форму солдат вермахта. «Гарольд сказал, что я должен идти на войну! Он заставил меня надеть Uniform! Сказал, если я не пойду, мою маму отправят в Дахау! А я не хочу на войну! Не хочу!! Я видел Vernichtungskrieg![3] Что будет с моей мамой?!» И настаивал на своем так убедительно, что они с Ральфом, кажется, тоже слегка повредившись в уме, позвонили Гарольду, пекарю из соседнего городка, который по пятницам привозил им булочки и печенье (была как раз пятница), и, преодолевая неловкость, спросили о рубашке, — разумеется, все оказалось бредом больного. Позже Ральф вспомнил, что эта рубашка цвета «фельдграу» была когда-то рабочей одеждой Ганса; где он умудрился отыскать ее десятки лет спустя, так и осталось тайной. Она тогда дала старику успокоительное и убрала рубашку с глаз долой — он тут же забыл о ней и принялся сосредоточенно инспектировать шкафы и шкафчики на кухне: когда не «воевал», то искал сладкое, перерывая все доступные ему места. (Ту рубашку она потом едва успела выхватить из гуманитарной корзины, куда, не долго думая, бросил ее Ральф. Эти корзины, предназначенные для сбора старых вещей, благотворительные организации ставят прямо под дверь. На каждой корзине имеется аккуратная бирка

[3] Vernichtungskrieg *(нем.)* — расовая война.

с названием страны. На этой было написано «Weiβrussland». Вещи будут переданы в белорусские дома престарелых, разъяснили ей, и она, невольно представив в рубашке бывшего солдата Вермахта своего деда, побывавшего в оккупации, — и давно умершего, но разве в этом дело? — пошла раскладывать огонь в печи, чтобы сжечь чертову тряпку.)

Что еще ей запомнилось с того дня? К ночи действие лекарства закончилось, и Ганс опять впал в беспамятство: разворачивал постель, поминутно открывал жалюзи на окнах, прятался от людей-отражений. Разговаривал с зеркалом — поток малопонятной логореи не иссякал до утра: из-за таблеток день у больного перепутался с ночью. Задремав в шестом часу утра, через некоторое время она услышала крик и, спустившись, увидела его в коридоре: он держался руками за голову и стонал. «Что случилось, Ганс?» Он проснулся в темноте и решил, что заперт в сарае, полном трупов: «Некоторые были искалечены… я не знал, как оттуда выйти… За что их расстреляли? За что?!» Ее начало трясти, а он принялся грозить кулаком своему отражению в зеркале: «Подожди, выродок, Ганс найдет, где ты прячешься...» Лариса отвела старика в постель (проснувшись утром, он, как всегда, ничего не помнил) и, накапав в рюмку корвалола, сказала себе, что дальше так продолжаться не может, потому что скоро она, как и ее подопечный, повредится в уме.

Вконец измученная всем этим, она уговорила Ральфа заказать специальную кровать

с высокими бортами — суперкровать, снабженную механизмом, чтобы приподнимать пациента для кормления, и деревянной решеткой, выбраться из-за которой больной самостоятельно не сможет. «Всего за пять евро!» — удовлетворенно потирал руки Ральф, до той минуты, когда узнал: поскольку после смерти Ганса кровать будет передана другому больному, в случае поломки Ральфу предписывается оплатить полную стоимость этого чуда техники — более тысячи евро. В ту же ночь Ганс продемонстрировал свое пренебрежение законами экономии: насильно уложенный в кровать, он так дергал деревянные перекладины, что они не выдержали. Кровать, дальняя родственница катафалка, предназначена для спокойных больных; ее поломка не предусмотрена медицинской страховкой. Наутро Ральф вне себя от раздражения уселся чинить чудо-ложе, а Ганс, уже забывший обо всем, что случилось ночью, с младенческой улыбкой счастья уплетал Гарольдовы булочки с марципаном и распевал свое «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen...» У Ларисы же прибавилось забот: по ночам сторожить механическое изобретение. Сил у старика было хоть отбавляй, гемоглобин великолепный, сердце здоровое; если бы он снова вздумал портить собственность больничной кассы, ей пришлось бы звать на помощь Ральфа. Вот она и сидела у постели больного, а чтобы не заснуть, размышляла над тем, кто охраняет владения Мнемозины, каковы стражи ее границ и почему ни одно поколение не хочет вос-

пользоваться кредитом — беспроцентным! — из банка общечеловеческой памяти…

Впрочем, может ли человек воспользоваться чужой памятью? Ритм жизни ускоряется, все опыты мгновенно становятся устаревшими; каждый из людей одинок, словно рукавица, потерянная в снегу, мы хватаемся, как за обломки льдин, за выводы авторов книг, но они уже не пригодятся нам, потому что мира, в котором жили те, больше не существует. Целые пласты реальности откалываются от нашего берега и косяком отходят в ничто… Однажды ей, все-таки задремавшей на своем посту, приснилось: Мнемозина, почему-то в короткой джинсовой юбочке, с татуировкой на бедре, как какая-нибудь девчонка с дискотеки Эбенсфелда, куда Ральф до сих пор ходит послушать музыку, танцует с зеркалом на катастрофически тающем островке суши, словно на подиуме, а внизу струится Лета. Зеркало титаниды и зимняя вода Леты отражаются друг в друге, память стирает забвение, забвение смывает память… И сон был таким живым и ярким, что, проснувшись, она долго почему-то не могла успокоиться.

С левой стороны дороги показалось кладбище. Может быть, больного потянуло на могилу жены? Впрочем, особой любви к Эльзе она у Ганса не замечала, старик никогда не вспоминал о ней. Припарковала машину и пошла по ухоженной дорожке между мраморных надгробий, по здешнему обычаю лишенных портретов. Еще год назад, отправляясь сажать цветы на могиле Эльзы, она охотно брала с собой старика; он по-

могал нести пакет с землей, а потом молча стоял рядом, пока она, в строгом соответствии с сезонами года, заботливо устраивала на новом месте жительства анютины глазки и нарциссы — весной, красную бегонию — летом, вереск — осенью, веточки хвои — зимой. Мертвые неприхотливы. Она и Эльза — ровесницы, если можно так сказать о покойной: когда мать Ральфа утонула, плавая в озере, ей было столько же лет, сколько сейчас жене Ральфа. Пожалуй, Ларису даже радовало, что в этих краях у нее появилась *своя* могилка, за которой можно ухаживать. У нее, иностранки, нет шансов обзавестись здесь таким вот элегантным надгробьем: за место на кладбище надо платить. Ходишь ты в кирху или нет, изволь пожизненно выкладывать денежки церкви за то, что тебе когда-нибудь будет обеспечен пропуск в обитель мертвых (и в рай по совместительству). Зато здесь твое бренное тело не гниет в наскоро сколоченном гробу в стенах хрущевки, где и так-то двоим не развернуться, а раздавленные горем близкие не носятся сломя голову в поисках денег на водку, дабы ублажить ораву скорбящих родичей и коллег. За покойника берется фирма, которая заботится о благопристойной утилизации: тело после всех положенных манипуляций доставляют на кладбище, оплачивают кафе, куда желающие идут после похорон: горячий кофе, сандвичи с сыром и колбасой — скромная пища, позволяющая укрепить телесную оболочку, но не дающая забыть о ее бренности, в отличие от тех азиатских по чрезмерности узаконенного чревоугодия, с дикарскими возлияниями пиров,

которые принято устраивать на ее родине по таким вот поводам, причем обилие яств и пития на столах расценивается трапезничающими как прямо пропорциональное степени скорби устроителей…

На могиле Эльзы Ганса не оказалось. Она вдруг почувствовала, как устала за этот суматошный день, и присела около надгробья, обозревая обсаженные низким стриженым можжевельником соседние памятники. Каждая могила — маленький ухоженный садик с кустами роз, фонариками и лампадками, с белыми фигурками ангелов. Как не похоже это на места упокоения ее родных! Даже небо над здешним некрополем эмалево-голубое, как на старинных мозаиках в Эрмитаже Байройта; там, где похоронена ее мать, небо почти всегда дождливое, гнилое, оно давит на плечи и порождает в жителях провинциального городка серотониновый голод и депрессию, традиционный отечественный исход из которой — пьянство. Но здешнее изящество не каждому по карману. Для Ганса место рядом с женой давно оплачено; рачительная немецкая земля, требуя выполнения договора, просела с одной стороны могилы — там, где должен стоять гроб. Выплаты за место под ласковым баварским солнцем продолжаются и после смерти: по новому закону родственники покойного оплачивают аренду земли на тридцать лет вперед, а не на двадцать, как было раньше, потому что в современной экологии из-за изменений микрофлоры почвы труп за столь короткий срок не успевает разложиться — и это подсчитано

с той холодной дотошностью, от которой у нее, Ларисы, при всей ее ненависти к отечественному раздолбайству, просто мороз по коже. Сразу же берется плата за демонтаж памятника: если через тридцать лет родичи вдруг вздумают нагло поменять место жительства, не предупредив церковь (чего, разумеется, никогда не случается), той не придется разыскивать их. В этом году Ральф получил вежливое письмо-напоминание, что оплаченное время истекло и нужно либо платить дальше, либо убрать памятник матери и предоставить место более состоятельным умершим: за 5 лет 100 евро, за 10 — 200 евро и т. д. Так что, господа туристы, путешественники за чудом, если вы увидите в «братской могиле», то бишь свальной яме, которая имеется на краю некоторых европейских кладбищ, сброшенные туда экскаватором кости — *ничьи*, то знайте: это косточки русских, белорусских, украинских женщин, отважно ринувшихся со своей угрюмой родины на поиски гламурного счастья или всего лишь сытой жизни...

Она вернулась в деревню и припарковала машину у крыльца. Что ж, наверное, не остается ничего другого, как звонить в полицию. Когда Пауль, живший по соседству, пропал в ночь на Хэллоуин (она это точно запомнила, потому что дети в костюмах ведьм стучались в дома, собирали в мешок сласти), дело тоже кончилось полицией. Ночью выпал первый снег, — а на рассвете полицейские нашли окоченевший труп Пауля. Вечером его брат, тоже весьма преклонных лет, запер дверь и улегся спать. Кто мог

вообразить, что больной покинет дом через французское окно! Эти сумасшедшие порой так хитры и изобретательны, когда хотят ускользнуть, взять хоть сегодняшнее происшествие с Гансом. Впрочем, Пауля искать долго не пришлось: на краю деревни стоял пустой дом его родителей. Через известный ему лаз беглец пробрался внутрь и заснул на своей кровати, где спал в детстве, — видимо, как и Ганс, вообразил себя подростком, — а температура на улице между тем упала до минус восьми. В то утро, занятая, как и вся деревня, суетой вокруг печального события (полицейские заходили в дом, задавали вопросы), Лариса не сразу осознала необычную тишину: Ганс почему-то не кричал, призывая ее. Дверь комнаты поддалась с трудом: старик лежал у порога без сознания. В полумраке (жалюзи были закрыты) ей удалось рассмотреть ссадину на лбу и порванную мочку уха. Ральф успел уехать на работу, и ей пришлось бежать за Алицией и Отто; втроем они подняли Ганса, уложили в кровать. Алиция только охала, разглядывая пятна крови на светлом (когда-то) ковровом покрытии, которое, между прочим, взяло бы сейчас приз на бьеннале авангардистов: в абстракционистских разводах мочи и крови, с разнообразными оттенками пятен также физиологического происхождения — хоть прямо сейчас выставляй в галерее современного искусства. От потери крови старик тогда обессилел настолько, что лежал тихо, даже деревянная решетка кровати не пробуждала в нем обычной агрессии.

Может, и сейчас Ганс валяется где-нибудь, разбив голову о камень, истекая кровью? А может, что не лучше, проголодался и начал жевать какой-нибудь уличный мусор, которым, конечно же, успел подавиться: еду хватает жадно, а о том, что нужно пережевывать, забывает. Недавно подавился куском мяса, не мог дышать и был уже без сознания; вертолет — здешняя скорая помощь — летел из Эбенсфелда, ждали всего минут семь, вертолет приземлился за деревней, и врачи бежали через поле бегом — спортивного вида молодые мужчины с сумками, напичканными аппаратурой, триста метров пробежали и даже не запыхались (ей сразу же вспомнились работающие в неотложке ее городка клуши с комодообразными крупами — как они неторопливо вываливаются из раздолбанного РАФа). Старик лежал на боку и хрипел; горло ему прочистили, но в больницу все-таки забрали — опасались пневмонии. Когда же они с Ральфом навестили его через день, Ганс их не узнал и нес околесицу, потому что при его болезни любая перемена обстановки лишь сгущает туман в голове.

Кстати, там, в больнице, он был пристегнут к кровати специальным поясом, чтобы не вставал, — своевременная мера, учитывая хоть бы и сегодняшнее происшествие. Все-то ему надо куда-то идти, спотыкается о пороги-ступеньки, падает и лежит бревно бревном, весь в ушибах-кровоподтеках, а все равно, стоит поставить на ноги, опять пускается ковылять, точно ребенок, который учится ходить… И сегодняшний его де-

марш следовало, конечно, предвидеть, однажды он уже совершил подобное, хотя именно тогда-то никто этого и не ждал. Перед этим она, доведенная ночным бдением почти до галлюцинаций, по совету врача увеличила больному дозу мелперона. Как выяснилось потом, доза была для гиппопотама, не меньше. Ганс неохотно продирал глаза лишь к полудню, часами расслабленно валялся в постели; кормить надо было только один раз, завтрак и ужин пропадали. На окружающий мир не реагировал, дремал и днем на диванчике в гостиной, а после месяца таких доз совсем ослабел: ноги разъезжались, как у новорожденного теленка, сколько раз падал — Лариса и счет потеряла, есть почти перестал и ходил, естественно, под себя. Выглядел он так ужасно, что она забила тревогу и вызвала врача взять кровь на анализ. Его добьет малейшая простуда, сказал врач, лейкоциты упали ниже некуда; тогда она прекратила давать те пилюли, кутала его в шарфы и теплые вязаные кофты, как когда-то Светку после очередной ангины, и невольно жалела, а он сделался покорным и беспомощным, смотрел на нее выцветшими сгустками эмали и шептал свое «данке шён». Вскоре немного отошел, но был еще слаб и постоянно падал — а падал страшно: один раз так грохнулся всем телом на спину, что она думала — все, конец, но обошлось. Страшный, как гоголевский мертвец, весь в багровых и черных пятнах (синяки из-за плохого кровообращения не сходили), он все равно рвался куда-то бежать, опять падал и разбивался

в кровь. И она окончательно измучилась, потому что поднять его одна не могла: тяжелый, как куль с мукой, и, как куль же, беспомощный, сам он нисколько ей не помогал. Потом уж догадалась стул подставлять, чтобы он мог руками ухватиться, а она в это время его приподнимала, так и передвигались по дому двухспинным существом со стулом в головах.

А позже он окреп уже настолько, что все норовил выскользнуть на улицу, вот тогда-то и произошел тот случай, генеральная, так сказать, репетиция сегодняшнего. С ее помощью он вставал, доползал до своего диванчика в гостиной, там она его оставляла, а сама занималась домашними делами, совершенно уверенная в том, что он слишком слаб, чтобы куда-то идти. Просчиталась. Она убирала на втором этаже, Ральф отправился в лес за дровами и забыл запереть дверь; была ранняя весна, начинало темнеть. Тогда Ганс, потеряв по пути ботинок, сумел дойти до конца деревни, где свалился в лужу на обочине, ну а подняться самостоятельно, конечно, не мог. По этому ботинку, валявшемуся посреди улицы, Лариса его и нашла, а с помощью проезжавшего мимо любезного господина поставила на ноги; ей, кстати, стоило немалых трудов разжать пальцы его правой руки, в которой он сжимал кол, вероятно, вырванный из чьей-то изгороди. Все это она рассказала тогда врачу в больнице, не забыв добавить, что у них побывали судебные медики и адвокат, подтвердившие необходимость опекунства над Гансом; в итоге Ральфу выда-

ли паспорт опекуна и толстенный справочник. Между прочим, до этого Ральф и она не имели права препятствовать старику выходить из дома, а также читать почту, приходившую на его имя: ничего не поделаешь — права человека! Но после вступления в силу решения суда никто больше не обязан обращать внимание на причуды больного. Можно ли теперь и дома, а не только в больнице, пристегивать Ганса поясом к кровати, поинтересовалась она. Да, ответила врач, теперь можно. И поторопитесь, если вы по-прежнему хотите отдать его в дом престарелых, там еще остались свободные места. Можете сначала устроить его временно, правда, краткосрочное пребывание стоит дороже, заметила медичка.

А ей, Ларисе, после тех слов врачихи вспомнился еще один «внук сибирского шамана», психолог из эмигрантов, послушать которого ее пригласили в женский кризисный центр, и она из любопытства сходила. Пожилой мужчина подчеркнуто европейского вида — в модном свитере, с молодежным ежиком седых волос, — улыбаясь на все тридцать два ненатурально белых зуба, философствовал про то, что умирать — смешно. И она, хоть и не поняла, что в том смешного, подивилась альтернативности подхода. Мы еще не приняли окончательного решения, сказал Ральф. Я понимаю, ответила врач, это нелегко, но, в конце концов, придется смириться. Больных болезнью Альцгеймера все больше, а молодым нужно жить и работать. И учтите: дальше будет еще хуже.

Осознав сейчас справедливость тех слов врача, она почувствовала, как сжало сердце от нервного напряжения и страха за Ганса, где-то сейчас умирающего (что совсем не смешно), и в этот момент раздалось раздражающее пиликанье мобильника. Лариса услышала женский голос, говоривший по-немецки с дикарским акцентом, скорей всего восточнославянским: «Это не есть фрау Крауз? Я ехай моя машина и находить здесь в грязи валяться дедушка с запиской вашего телефона на карман…» — и закричала по-русски: «Да, это мой, вы где?! Я уже еду!»

* * *

Давай-ка, дружок, снимай свитер, теперь рубашку, вот так, Ганс у нас молодец, теперь брюки и носки, пойдем мыться, Гансик, ну давай же, чего ты упираешься, дурачок, сейчас будешь у нас жених хоть куда, завтра тебя ждут в одном чудесном месте, там найдешь себе симпатичную старушку с маникюром и прической от модного парикмахера, тут все фрау в семьдесят лет еще в гольф играют, здесь ступенька, осторожно, не бойся, я держу тебя, теперь по одной ноге в ванну, тише, не поскользнись. Все это она говорит старику по-белорусски, давно усвоила манеру разговаривать с больным на родном языке. Она до сих пор не может с точностью сказать, понимает ли ее Ганс; он не выражает ни удивления, ни раздражения, а послушно садится за стол, стоит

ей позвать: «Ганс, обедать!» — и сам начинает раздеваться, как только она скомандует: «Мыться!» Теперь, Гансушка, по одной ноге осторожно на пол, да не торопись ты, горе мое, успеешь слопать свое печенье, и до чего, господи, может дойти человек. Ну посмотри же на себя, эх, если бы ты хоть помнил, где заработал вот это украшение!

На бедре Ганса темнеет огромный лилово-черный синячище — следствие одинокой прогулки. Примчавшись туда, где он лежал на земле, всего нескольких метров не дойдя до глубокого оврага, — там его нашла нежданная спасительница, оказавшаяся этнической немкой из Сибири, — Лариса обратила внимание на то, что в правой руке Ганс крепко сжимает деревянную колодку для обуви. Ну расскажи, зачем тебе эти палки, колодки? Зачем выламываешь прутья из кровати? Куда все время уходишь? Чем тебе плохо дома, с нами? Погоди, вот завтра отвезем тебя туда, оттуда так просто не сбежишь… Она натягивает на желтую изношенную кожу трусы-памперсы (теперь уже и днем: проведя неделю в больнице, Ганс окончательно забыл, где в доме туалет, и вот сейчас-то, в связи с увеличением нагрузки по уходу за больным, ей наверняка бы дали вторую группу, в которой прежде отказали). Надевает старику носки, кальсоны, спортивные брюки (от штроксовых, которые носил до больницы и которых прикупили несколько пар новых — дорогие, заразы, — от штроксовых пришлось отказаться: он разучился справляться с молнией и пу-

говицей, так и выходил из клозета с расстегнутой ширинкой, хорошо еще, если сморщенный отросток не вываливался при этом наружу), рубашку, свитер — ну вот и справились. Ральф побрил отца, а ее знакомая из Эбенсфелда подстригла ему ногти специальной машинкой: из-за многолетнего грибка ножницы их не берут. И, оглядев посвежевшего и будто враз помолодевшего Ганса, она принялась собирать его вещи.

Неделю назад они с Ральфом приняли решение поместить больного в дом престарелых — после событий 9 мая это представилось со всей неотвратимостью. Пока что на двадцать один день: срок ее ежегодного отпуска с сохранением оплаты, который предоставляет немецкое государство ухаживающему за тяжелобольным. А потом, когда отпуск закончится, скорее всего, они навсегда оформят старика в богадельню. «Вот видишь, как хорошо, что тебе не дали вторую группу по уходу, с ней и оплата в заведении выше!» — удовлетворенно говорил Ральф, и она в который раз подивилась тому, как легко они умеют находить поводы для радости: сэкономил 100 евро — уже праздник! А Ральф так разошелся, что повел ее в кафе и даже заказал шампанское — разумеется, то, что под этим понимают ее соотечественники, ведь настоящее шампанское (Champagner) делается только в Шампани и стоит бешеных денег, все остальное — вино игристое, тут его называют Sekt; по незнанию она когда-то говорила немцам, что в Беларуси пьют по праздникам Champagner, и у тех глаза на лоб лезли от удивления и ужаса

перед дурным расточительством людей, которые не брезгуют чужой поношенной одеждой. И когда она выпила свой бокал Sekt’а, Ральф сообщил, что завтра никак не может отпроситься с работы, срочный заказ, и, стало быть, везти Ганса в богадельню придется ей.

…Дом престарелых — Pflegeheim или Seniorenheim, как он здесь называется, — окружен английским газоном с подстриженными в виде правильных конусов кустами. Живая изгородь тоже подстрижена словно по линейке, у крыльца разбиты клумбы. Розы в таком месте кажутся искусственными: роскошными и бесчувственными. В фойе тоже много цветов, есть даже декоративная пальма в кадке, задвинутая в угол, как бедная родственница. Их с Гансом встречает дежурный врач, и можно не сомневаться в том, что он искренне рад их видеть: за краткосрочное пребывание старика в заведении Ральф заплатит около двух тысяч евро (половину из них компенсирует страховка). При медицинском осмотре Ганс ведет себя как паинька: на вопросы отвечает разумно, весь светится доброжелательностью и учтивостью (точно так же бывало, когда приходил семейный врач), и она вновь поражается двум разным ликам больного — дневному и ночному. «Какой приятный пожилой господин!» — восклицает врач, оформляя бумаги (ага, интересно, что ты запоешь, когда он после полуночи начнет окопы рыть?), и торжественно объявляет, что они с Ральфом наконец-то приняли правильное решение. Вы

и так слишком долго терпели, большинство не выдерживает и года, это вопрос времени и нервов, говорит он. В сопровождении врача Лариса проходит по этажам Pflegeheim'а. В холле море живых цветов — как в самом настоящем похоронном бюро; среди цветов сидят и прогуливаются здешние обитатели, некоторые в инвалидных колясках, сами похожие на окультуренные вечнозеленые кустики в вазонах. Здесь живут обычные одинокие люди, объясняет врач, каждый имеет отдельную комнату, можно привезти собственную мебель, можно пользоваться казенной; кто желает, готовит для себя на общей кухне, но большинство предпочитает уже приготовленную еду или заказывают согласно меню в ресторане. Бог мой, заказывают в ресторане! Нашему-то надо поднести ко рту стакан и силой влить содержимое или хотя бы проследить, чтобы выпил: у таких, как Ганс, очень быстро наступает обезвоживание (неужели она сейчас сказала — «нашему»?). Здесь на одну медсестру десять пациентов, пожимает плечами врач, обед по четверти часа на каждого, если больной не справляется, организуем искусственное питание. Так что же, Ганса намерены кормить тут внутривенными растворами? И будет ли кто-нибудь дежурить возле него ночью? Видите ли, герр доктор, он боится оставаться один в темноте. Ему кажется, что война все еще продолжается. Вы понимаете? Его погнали семнадцатилетним в оккупационную зону (она ли это говорит?). Ну что ж, увеличим

дозу мелперона, вежливо-равнодушно говорит врач. Но он и так принимает три таблетки в сутки, больше не выдержит печень! Врач смотрит на нее с удивлением. Рано или поздно это все равно случится, фрау Krауз.

И в самом деле: ей-то что до этого старика, бывшего немецкого солдата? Не она ли еще недавно рвалась уйти от мужа, чтобы никогда больше не видеть Ганса бегающим по дому в милитаристской рубашке, не слышать его «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen…»? Она же мечтала сдать его в богадельню! Неужели она простила его, бывшего оккупанта? Навстречу ей тощий старик старательно вращает руками колеса инвалидной коляски. Заметно, что усилие дается ему с трудом: индюшачья кожа на шее болтается, как пустые потроха, на руках вспухли жилы, по подбородку стекает струйка слюны… Может, напрасно они с Ральфом поторопились? Следовало для начала попробовать пристегивать Ганса на ночь к кровати поясом. Ведь они же купили пояс, предназначенный специально для таких больных. Поворачиваться с боку на бок он сможет, даже сесть, если очень постарается, но встать — ни в коем случае, сказал владелец магазина. Можно, кстати, сделать и так, чтобы больной лежал и не мог пошевелиться, пояс предусматривает и эту возможность. Кричать, конечно, пояс ему не помешает, но на этот случай у нас есть превосходные беруши — разумеется, не для него, для вас, хотите, покажу? Нет, не надо, сказала она тогда, а воображение (ее клиничес-

ки обостренная впечатлительность) услужливо представило ей этот пояс как продукт усовершенствования традиционных орудий истязания. Болезнь Альцгеймера сейчас очень распространена, вздохнул владелец магазина, мои родители — оба, и мать моей жены… Разумеется, все они в домах престарелых, за ними там хорошо ухаживают.

Вспомнив этот разговор (вот, немцы отдают своих близких, а он тебе кто?), она немного успокоилась и уже уверенно шагнула в маленькую комнатку с деревянной кроватью и пестрыми занавесками на окнах. Отныне это будет комната Ганса. Возможно, последняя в его жизни. Другой он не увидит. И она взяла старика за руку и повела, и он послушно побрел следом, шаркая тапками. Перед дверью остановился, взглянул на нее вопросительно. И она, скрыв замешательство, улыбнулась ему ободряюще — зачем же пугать больного? Ну вот, Гансик. Располагайся, чувствуй себя как дома. Здесь ты будешь теперь жить. Здесь хорошо. За тобой будут смотреть. Видишь, какой красивый вид за окном? Ты сможешь любоваться цветами, вот только за ограду выходить тебе нельзя. Никаких дальних прогулок! Мы с Ральфом будем часто тебя навещать. Не скучай! И она обняла и поцеловала старика в вялую прохладную щеку — впервые за время их жизни под одной крышей. И почувствовала на губах влажный след. Странно: слеза Ганса не была соленой. Она вообще не имела вкуса. Как дистиллированная вода. Оставив больного

на попечении медсестры, которая уже сюсюкала с новым жильцом, как с ребенком, Лариса вышла из комнаты, невольно отметив, что в ней нет зеркала, так что разговаривать Гансу будет не с кем. В дверях обернулась, чтобы еще раз улыбнуться и помахать ему рукой.

— Не оставляй меня! — вдруг сказал Ганс, совершенно разумно глядя на нее, и от его взгляда ощутив в горле ком (ну ты даешь! кого жалеешь?), она сбежала вниз по лестнице, села в машину и включила мотор, чтобы согреться. А потом поняла, что трясет ее совсем не от холода, а от ощущения вины — конечно же, абсолютно неуместного.

Дом набит непривычной тишиной, как ватой. Тишина обволакивает мысли, словно ее мозг — хрупкая елочная игрушка, надежно упакованная до следующего Рождества. В ее черепную коробку напихали мягкой удушливой ваты. Гансова таблетка мелперона, которую Лариса выпила час назад, отчаявшись уснуть, сделала вату тяжелой, набухшей влагой. Как он там? Вчера жаловался на головную боль. Покормили его или всадили в вену раствор? Наверное, лежит мокрый, пристегнутый поясом к кровати, и зовет ее, он ведь не понимает, где находится… Или понимает? Дошло ли до него, что его оставили умирать? Отчего он плакал? А она, как выясняется, успела привязаться к этому беспомощному старику, абсолютно ей чужому. А вдруг — эта мысль заставила ее сесть на кровати — вдруг он перехитрил персонал и сбежал?

Светлячок электронного табло показывал четверть третьего. Не включая света, она нашарила тапки, натянула джинсы и свитер и, сама не зная зачем, спустилась в комнату больного — вероятно, чтобы сделать там уборку. Но убирать, собственно, было нечего: зеркало стояло на своем месте, кровать была аккуратно застелена ею еще вчера. И она принялась стаскивать с подушки наволочку, снимать простыню, чтобы сегодня же все перестирать, резким движением сдвинула матрас... На пол упала тетрадка в кожаном переплете. Она открыла обложку с золотым готическим тиснением и начала читать, с трудом разбирая почерк.

«***12 декабря 2003 года.***

Сегодня так и не смог вспомнить, как зовут продавщицу из мясной лавки, а я ведь уже много лет здесь постоянный клиент. Зато пережитое когда-то в той стране между Польшей и Россией все чаще приходит в снах и видится так ярко, как будто случилось вчера. Вот и хочу все записать, пока моя память окончательно не предала меня.

Мне было 17 лет, когда я получил повестку явиться в военную комендатуру со всеми документами для прохождения службы по защите Рейха от врагов. Да, в сорок четвертом уже начали призывать семнадцатилетних. Мой одноклассник Эрхард получил такую же повестку двумя месяцами раньше. Он не пошел в комендатуру, и был задержан сотрудниками службы Имперской безопасности. Его обвинили в измене Рейху.

Больше Эрхарда никто не видел. Исчезли также его родители. Я очень любил свою маму, поэтому пошел в комендатуру.

Подготовка к фронту длилась недолго. Смущало, что даже стрелять я толком не умел: патронов на стрельбы почти не давали. Зато маршировал хорошо. Фельдфебель, который выдавал мне форму, вздыхал: «Настало время, когда в войска принимают таких, как ты, недоделков».

12 мая 1944 года я прибыл в мотопехотную дивизию, дислоцированную в рейхскомиссариате Остланд. Ехал туда в освещенном свечами вагоне, электричества не было. Мои новые друзья хорошо играли на губной гармошке. Выучил песню «Вахта на Рейне»…»

Она села на кровать Ганса, потому что не только мозг, но и ноги вдруг сделались ватными. Стала читать дальше.

«***5 марта 2004 года***.

Мой сын Ральф наконец женился. Привез женщину из той самой страны. Когда я увидел ее, остолбенел: она невероятно похожа на Зосю! Теперь воспоминания посещают меня почти каждую ночь. Спазмы стискивают горло, не дают дышать. Зося, первая и единственная моя любовь...

…Какой страшный здесь лес! Черный, нахмуренный. Мне рассказали: осенью 41-го на этом месте, в двух километрах от ближайшего города, за военным аэродромом расстреливали евреев. Об этом мне поведал рядовой Фишер, давний участник Vernichtungskrieg. Как это происходило? Евреев доставляли из гетто на ма-

шинах и пешим порядком. У края ямы они должны были раздеться. Всего там лежали несколько тысяч «расово неприемлемых». Полгода назад ров раскопали, а трупы сожгли. Фюрер проявил непонятную слабость, считает Фишер, вынудив их копаться «в этом вонючем дерьме», так он выразился: смрад над разрытым могильником стоял неописуемый. Трупы сжигали по ночам на огромных погребальных кострах. Если евреев уничтожили по приказу фюрера, спрашивал я себя, почему ликвидация могильника происходила ночью? Означает ли это, что мы — преступники? Но задавать такие вопросы вслух недопустимо…»

Открыла окно — ей вдруг перестало хватать воздуха. Следующая запись была сделана другими чернилами, почерк еще менее разборчив.

*«**19 сентября 2004 года.***

И вот я возвращаюсь в свой гарнизон, расквартированный в деревне за два десятка километров от города. Возвращаюсь к Зосе. «Я люблю тебя», — сказал я ей. Заучил эту фразу на ее родном, очень красивом языке. Она ничего не ответила. У нее огромные ресницы и серые глаза. Длинные светлые волосы. Она легко краснеет. Ее ноги в царапинах, потому что ходит она обычно босиком. На правой икре большая родинка. Все это трогает меня до слез. «Я хочу жениться на тебе». Покачала головой и отвернулась. «Варум нихт? Война скоро закончится. Здесь будет Рейх». Вошла ее мать с маленьким Зосиным братом на руках, и я замолчал».

Многие из написанных предложений были зачеркнуты, и потому на следующей странице текст удалось разобрать только частично:

«…в лесу мне показали следы партизанского лагеря: пепелища, бревенчатые крепости. Утром видел в деревне повешенного партизана. На груди у него дощечка с надписью: «Я убивал немецких солдат». Для чего мы пришли на эту землю? Чтобы убивать и быть убитыми?

В лесу за деревней нашли труп рядового Фишера. К груди приколот листок бумаги, на котором его рукой написано: «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes… Amen... Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter…»… «Они хотят завтра в девять? Что ж, прекрасно! Завтра сюда прибудет полицейский батальон, чтобы отправить их к прабабушкам точно по графику!» — услышал я через открытое окно комендатуры.

Завтра в девять часов деревня должна быть ликвидирована. Со всеми жителями.

Не сразу нашел нужные слова. «Завтра здесь будет… айнзацгруппе». Зося поняла. Лицо ее побелело. «Давай убежим… вместе… туда, где не воюют… еще остались такие страны…» Покачала головой. — «Варум?» — «Тебя убьют». Я ухватился за эти слова: «Ты заботишься о моей жизни. Значит, ты меня все-таки любишь?» Снова молчание в ответ. Тогда я нашел в кармане зажигалку, поднес язычок пламени к своему левому предплечью. Зося вскрикнула. «Я тебя лю-

блю, — повторил я, снова на ее языке, и не удержался, застонал от боли. — А ты?» Не убирал огонь, пока она не кивнула головой как будто утвердительно — все так же молча, опустив глаза.

Утро. В деревне ни одного жителя. Ночью все ушли. В лес. И Зося с ними. Командир айнзацгруппы рвал на себе волосы от ярости. Если бы он знал, что это я их предупредил, меня ждал бы трибунал».

Голова теперь по-настоящему болела — наверное, от снотворного, от усилий разобрать незнакомый почерк на чужом языке. Дальше в дневнике была вырвана страница, а на следующей шли короткие отрывистые фразы, написанные корявыми буквами:

«…люди лежали возле сарая с раскрытыми настежь дверями... там, где их расстреляли... так я в последний раз увидел Зосю... и ее мать, и маленького брата... глаза Зоси были широко открыты… и совершенно пусты... как небо, которое в них отражалось… черное от дыма… наверное, она даже не успела испугаться... или что-нибудь вспомнить... мне сказали, это заслуга полицейского из местных, он знал, как пробраться на остров в болоте, где жители деревни обычно прятались... потом я его увидел... юркий, с прилизанными волосами и маленькими усиками, выпуклыми глазками цвета жидкого кофе... поливал бензином стены сарая… он и сегодня стоит перед глазами… я поклялся себе, что выслежу его… я не мог покарать их всех, своих и чужих… но я мог убить одного…»

Она бросилась назад в спальню и затрясла Ральфа за плечо: «Послушай, я поняла, *кого* искал все время Ганс! Почему убегал из дома… Твой отец… давай заберем его! Сейчас же! Я буду смотреть за ним сама!» Ральф, спросонья очень похожий на отца, такой же всклокоченный, с помятым лицом, еле разлепил веки: «К чему такая спешка? Вечером навестим его, о'кей?» — и снова рухнул в сон. И она, постояв минуту около кровати, бросилась в гараж. Старый «фольксваген» Ганса завелся сразу же. Она поехала сквозь пепельную мглу, поехала навстречу дождю, и вдруг сообразила, что забыла вставить контактные линзы, — ай, как это нехорошо, учитывая, что машину она водит всего только два года и водитель из нее пока неважный… Ничего, как-нибудь обойдется… Дождь лупил все сильнее и сильнее, дворники не успевали за ним… поворот, снова поворот, а теперь вверх… не торопись, осторожно… И вдруг почувствовала, как заднее колесо скользнуло куда-то в сторону, машину потянуло вправо, к обрывистому склону. Медленно, очень медленно, по сантиметру выворачивая руль, она вернулась на шоссе, постояла немного и, облизав пересохшие губы, двинулась вперед.

…Навстречу ей выкатилась веснушчатая и темноглазая, похожая на рождественскую булку с изюмом и корицей, медсестра. «Я приехала к Гансу Краузу». — «Сейчас не время для посещений, фрау Крауз! Вы можете навестить господина днем, и врач должен…» — «Я хочу убедиться, что с ним все в порядке. Пропустите меня!» —

«Русская эмоциональность…» — «Я из Беларуси! Это не то же самое!» — «Извините…»

По коридору уже шел дежурный врач с маской вежливого удивления на лице. Сейчас он выслушает ее и не станет возражать. Вдвоем они поднимутся к старику.

«Поедем домой», — скажет она Гансу, скажет на своем родном языке.

Перевод с белорусского автора

„Ich liebe dich" wiederholte ich, abermals in ihrer Sprache, hielt nicht in und stöhnte auf vor Schmerzen. „W du?" Ich nahm das Feuer, nicht for bis sie endlich mit dem Kopf nickte, ganze Zeit schweigend, mit gesenktem K

VERGEBUNG

Früh am Morgen. Im Dorf keine Menschenseele. In der Nacht sind a auf und davon. In den Wald. Auch Zosja ist mit ihnen gegangen. Kommandant der Einsatzgruppe raufte sich mit end die Haare Wenn er gewusst hätte, dass i sie gewarnt hatte, hätte ich mich auf ein Kriegstribunal gefasst machen müssen

~~Der Kommandant~~

V

Für meine Schwester

Hans verschwand um die Mittagszeit.

Ihr Handy klingelte in einem sehr ungünstigen Augenblick. Sie hatte soeben erst das Haus betreten und fand den alten Mann im Wohnzimmer vor, wo er es sich gemütlich gemacht hatte, als ob alles in bester Ordnung sei: In einen rostigen Behälter für Gartendünger (wo er den nur her hatte!) hatte er Limonade eingegossen, darin einen Eierkarton aufgeweicht und nun kaute er gründlich darauf herum, die trüben Augen in einem Blauton, der so einzigartig war wie der Emaillehimmel über den Türmen der alten Kaiserburg. Ein paar Tropfen Speichel rannen ihm über das verschrumpelte Kinn. Sie musste sich Gummihandschuhe überziehen, um aus seinem Mund ein Stück Pappe zu fischen, so dass sie den Anruf nicht entgegennehmen konnte.

Bald erklang die Melodie «Beethoven fantasy» erneut. Der Anruf kam von ihrer Landsmännin, der aus Vicebsk stammenden Lada. Diese schlug ihr vor, gemeinsam zur Séance einer Wahrsagerin zu fahren, angeblich Enkelin eines sibirischen Schamanen, aller Wahrscheinlichkeit nach jedoch eher eine

Hochstaplerin (diese armen Deutschen! massenweise fallen wir über sie her!).

«Du bist doch sechsundsechzig geboren, du hast es bitter nötig, dir in dein Schicksal schauen zu lassen, mit zwei Sechsen am Ende!»

Als Larysa dann das Telefon beiseite gelegt hatte und ins Wohnzimmer zurückgekehrt war, um Hans seine tägliche Dosis Melperon zu verabreichen, war der alte Mann nicht mehr da.

Sie warf einen Blick in sein Zimmer, das kahl war wie die Behausung eines notorischen Alkoholikers in ihrem Heimatland und nicht wie die Wohnung eines bayrischen Rentners. Dort klaffte eine Leere — nur ein alter Spiegel glänzte, wie ihr schien, gehässig wie ungeschliffenes Amalgam. Aber die halbgeöffnete Haustür, an der innen ein bruchfester Spiegel befestigt war (auf den Rat des Arztes hatte man einen Spiegel angebracht, denn das eigene Spiegelbild würde den Kranken angeblich davon abhalten, aus dem Haus zu laufen), die Haustür, die sie vergessen hatte zu schließen, erklärte alles. Während ihres Telefonates war der Alte abgehauen!

Sie rannte auf die einzige Straße des Dorfes hinaus. Wie auf einem Spaziergang (vor allem durfte sie keine Aufmerksamkeit erregen, sonst würden die Nachbarn der Krankenkasse melden, dass sich «diese Russin» schlecht um den Kranken kümmere), aber trotzdem recht hastig lief sie an diesen privaten Paradiesen mit ihren leuchtend roten und goldenen Tulpen und prunkvollen Narzissen vorbei, an diesen zur Schau gestellten Gärten und Vorgärten, die aussahen wie teure Lampengeschäfte, in denen alle Leuchter gleichzeitig eingeschaltet waren,

mit dem Unterschied aber, dass sie nach der Laune eines Designers nicht oben, sondern unten angebracht waren. Die Frauen aus der Nachbarschaft gingen in den Blumenbeeten emsig ihrer Arbeit nach. Ihre im Wind flatternden Halstücher erinnerten sie an Köpfe in die Höhe streckende Schlangen.

Auf der Straße war der alte Mann nicht.

Auf dem Rückweg fiel ihr ein Erlebnis von gestern wieder ein: Aus Ebensfeld zurückgekehrt, begegnete sie Hans vor dem Spiegel. Das Licht war aus, die Unterhose um die schmächtigen Beine gewickelt, das Unterhemd hatte er sich selber über den Pullover gezogen, ein weicher Flaum am Scheitel wie Moos auf einem dieser runden Steine, derer es viele in der Gegend gab. Sein Blick war starr auf das eigene Spiegelbild gerichtet. Was sah er dort in der Dunkelheit nur? Sie tippte ihn leicht an. Hans sah sie an, ohne sie zu erkennen, und wandte sich abermals dem Spiegel zu. Aus seiner wie mit Moos bedeckten Mundhöhle kamen monoton und völlig ausdruckslos nuschelnde Laute: «... kalt hier drin... kein Essen... keine Streichhölzer... keiner da...». So und nicht anders erschloss sich ihr die Bedeutung seiner vor sich hin gemurmelten Worte. Ein Geisteskranker stand vor ihr, der die Wirklichkeit ihrer Existenz ausradiert hatte, und sie lächelte erschöpft: Vielleicht gab es diese Wirklichkeit wirklich nicht? Wäre das wunderbar! Doch einen Augenblick später erklangen heisere Töne wie von einer zerkratzten Schallplatte. Er hatte ein Liedchen angestimmt: «Auf Wiedersehen... Auf Wiedersehen...». Er versuchte mit der rechten Hand sogar wie zum Abschied jemandem im Spiegel zuzuwinken, streckte

dann aber diese Hand weit von sich weg — «Sieg Heil!» —, konnte jedoch das Gleichgewicht nicht halten und wäre kopfüber auf den Fußboden gepurzelt, wenn sie ihn nicht gestützt hätte.

Daraufhin zog sie den Kranken vom Spiegel fort, indem sie ihn mit Zuckergebäck köderte — zum Umschalten der Wirklichkeiten ein wirksames Mittel, das Hans in das Hier und Heute zurückholen sollte. Sie half ihm ins Bett, nachdem sie ihm zusammen mit den Plätzchen eine doppelte Dosis Melperon verabreicht hatte. Und zum wievielten Male schon geriet sie ins Grübeln darüber, wie bizarr doch das verschleierte Bewusstsein in den Labyrinthen der Vergangenheit herumgeisterte. Für sie war es selbstverständlich nicht neu, dass das unaufhaltsame Auslöschen aller Abbilder der realen Welt ein spezifisches Merkmal von Hans‘ Krankheit darstellte, der das fortschreitende Zersetzen der Nervenzellen zu Grunde lag. Hier in Deutschland ist diese Art des Gedächtnisverlustes, wie ihn Alzheimer als erster beschrieb, recht verbreitet. Ein halbes Jahr zuvor war ihr Nachbar Paul gestorben, ebenfalls so ein alter Spinner, der gerne in der Gegend herumvagabundierte. Sein Bruder, ein Rentner, hatte es nicht leicht mit ihm gehabt. Ralf hätte ebenfalls Probleme mit seinem eigenen Vater gehabt, wäre nicht Larysa da gewesen. Von Zeit zu Zeit katapultierten die sich immer weiter zerstörenden Nervenzellen, die in kleinen Stößen die Membran der Vergesslichkeit durchbrachen, so wie sich ein Fisch aus einem vergifteten Gewässer an das Ufer wirft, und die eine oder andere unzerbrechliche Scherbe an die Oberfläche heraufbrachten.

«Sieg Heil ...»

Na ja, was hast du denn erwartet? Dass er «*Vstavaj, strana ogromnaja*», jene bekannte sowjetische Kriegshymne, anstimmen würde?

Sie wusste aus Ralfs Erzählungen, wie alles begonnen hatte. Als Ralf Kraus, ihr zweiter Ehemann, sie zusammen mit Svetka, die er adoptieren wollte, hierher geholt hatte, da stand Hans' geistiger Verfall schon in prachtvoller Blüte und hatte seine Blütenblätter in der Farbe der Dämmerung, der Wolfsbeere räuberisch ausgestreckt. Noch fünf Jahre zuvor, hatte Ralf erzählt, war Hans ein gutmütiger älterer Herr mit einem weißen Flaum am Scheitel und klaren, fast wie bei einem Kind dreinblickenden Augen hinter seinen Brillengläsern gewesen. Seine ganze Freizeit hatte er in seinem Hühnerstall verbracht — das Hühnerzüchten war seine große Leidenschaft. In seinem VW fuhr er in die nächste Stadt, Ebensfeld, wo er die Eier seiner Legehennen den Rentnerinnen, mit denen er ruhige Abende bei einer Tasse Kaffee verbrachte, verkaufte. Das Dämmern des Verstandes hatte bei ihm recht harmlos begonnen: Der alte Mann vergaß die Geburtstage von Angehörigen und die Tage, an denen Rechnungen zu begleichen waren. Abends wusste er nicht mehr, dass er sich morgens beim Friseur die Haare hatte schneiden lassen oder dass er beim Arzt eine Blutprobe abgegeben hatte. Dann schien es, als seien die letzten Tage aus seinen Gehirnzellen herausgenommen worden und die Leerstellen in seinem Gedächtnis unbesetzt. Während Ralf einzelne Vorfälle schilderte, die sich in der Bank und im Supermarkt zugetragen hatten, fiel ihr ein, dass das altgriechi-

sche Wort für Wahrheit wörtlich «Unverborgenheit», «Unvergessenheit» bedeutete. Wenn man das Gedächtnis verloren hat, verliert man unweigerlich die Wahrheit. Zum Beispiel vergisst ein an Alzheimer Erkrankter augenblicklich, was gestern war, während vor seinem geistigen Auge in unfassbarer Deutlichkeit Ereignisse an die Oberfläche dringen, die vor einem halben Jahrhundert passiert sind. Er ist nicht mehr imstande, ein einziges Wort zu schreiben, selbst dann nicht, wenn er der Klassenbeste gewesen war, und begreift nicht, wenn man mit ihm spricht. Bekannte Gesichter erkennt er nicht mehr. Das Gewebe des Seins, das sich aus Gewohnheiten zusammensetzt, löst sich auf wie eine morsche Hängematte, und der Mensch stürzt ins Leere. Zu guter Letzt kommt es zum Verfall aller Fertigkeiten, aller ein Leben lang erworbenen Fähigkeiten, und es bleiben nur primitive Reflexe zurück. All das hatte ihnen ein Psychiater erläutert, zu dem Ralf und sie Hans geschleppt hatten. Außerdem hatte sie erfahren, dass es für unterschiedliche Symptome dieser Krankheit überraschend schöne Namen gab: Agnosie, Aphasie, Apraxie — drei Schwestern, drei Gegenspielerinnen der Mnemosyne.

Ralf bemerkte, dass im Verhalten seines Vaters etwas nicht stimmte, als dieser plötzlich das Rezept für die Soße vergaß, die er schon seit 40 Jahren zu den Sonntagsmahlzeiten zubereitete. Er hatte stets mit einem alten Elektroherd gekocht, denn der neue, supermoderne Herd, den Ralf auf Kredit gekauft hatte, nachdem er mit seinen 45 Jahren endlich den Entschluss gefasst hatte zu heiraten (dass dafür noch gar keine Frau vorhanden war, störte

ihn nicht weiter), verfügte über ein Bedienungsfeld mit gewölbten Knöpfen und war mit unzähligen Funktionen ausgestattet. Daher erwies er sich als zu kompliziert für den alten Mann. Später stellte sich heraus, dass Hans nicht mehr wusste, wie man Kaffee kocht. Er wollte auch schon auf dem Elektroherd Milch in einer Plastiktasse zum Kochen bringen. Durch das ganze Haus zog ein penetranter Geruch, doch der Alte selbst nahm ihn nicht wahr: Kurz zuvor war ihm aus heiterem Himmel der Geruchssinn abhanden gekommen. Als er dann damit begann, sich nicht mehr an das Rechtsfahrgebot zu halten, und mitten auf der Fahrbahn fuhr, ohne auf das Hupen der anderen Verkehrsteilnehmer zu reagieren, später in Ebensfeld seinen VW sperrangelweit geöffnet stehen ließ und sich zu Fuß auf den Heimweg begab, musste man ihn auch von seinem Wagen fernhalten. Just zu diesem Zeitpunkt begann das Große Schlüsselzeitalter: Auf seiner Suche nach den VW-Schlüsseln stellte Hans alles auf den Kopf, versteckte den Schlüsselbund mit den Haustür- und den Briefkastenschlüsseln, wobei er natürlich prompt vergaß, wo er sie hingelegt hatte. Fragte man ihn, so erwiderte er, dass er nichts entwendet habe. Mittlerweile war es Ralf, der mit der Schlüsselsuche begann, und diese krampfhafte Sucherei übertrug sich sofort wie ein ansteckender Bazillus auf jeden, der das Haus betrat. Hans ging an die zwanzigmal täglich in die Garage hinunter, um an der Autotür zu ziehen, doch eines schönen Morgens betrachtete er seinen VW mit einem solch abwesenden naturalistischen Interesse, als ob es sich bei seinem Fahrzeug um ein für das Münche-

ner Naturkundemuseum restauriertes Brontosaurierskelett handele. Dass es im Haus ein Aggregat zur Wärmeregulierung gab, das er selbst vor einem Vierteljahrhundert installiert hatte, war ihm schnell entfallen. Aber dass da noch ein Ofen stand und Brennholz herumlag, daran konnte er sich lange entsinnen, und da er ständig fror, heizte er das Haus dermaßen auf, dass man sich darin in der Sahara wähnte. Darüber ärgerte sich Ralf natürlich: Er war derjenige, der für die Holzvorräte zu sorgen hatte. Während Hans früher jeden Tag die Lokalzeitung gelesen hatte, sah er jetzt nur noch die Seiten mit den Todesanzeigen durch, doch bald verstand er nicht mehr, wozu dieser Fetzen Papier mit diesen käferhaften Buchstaben gut sein sollte. Und an seinem achtzigsten Geburtstag (sie hatte gerade bei der Krankenkasse ein monatliches Betreuungsgeld beantragt und galt nun offiziell als seine Krankenpflegerin) verblüffte er Alicja, eine Nachbarin, die auf ein Tässchen Kaffee vorbeigekommen war, da er auf ihr freundliches «Wie alt bist du denn nun geworden, Hans?» feierlich antwortete: «Siebzehn».

«Dann weißt du wohl, wie man die Zeit zurückdreht, Hans!» Die Nachbarin schlug die Hände zusammen, doch er hatte ihre Anwesenheit schon vergessen und kaute hastig auf seinem Kuchen herum, den die neue Krankenpflegerin gebacken hatte. Er hatte schon immer einen ausgezeichneten Appetit gehabt. Sogar die Frühstücksbrötchen versteckte sie nun, denn alles, was man unbedachtsam auf den Tisch stellte, verputzte er in der Nacht, was am Morgen wieder aus seinem Gedächtnis gelöscht war, so dass er abermals danach verlangte.

Alicja! Möglicherweise hatte sich Hans aus alter Gewohnheit zu ihr aufgemacht, wie damals, als er tagelang im Hühnerstall verschollen war und die frisch gelegten Eier der Nachbarin zu einem Freundschaftspreis verkauft hatte? Sie stürzte an der Gartenhecke vorbei zu Alicjas Haus, betätigte auch die Klingel, als ihr einfiel (die Pflege des Schwachsinnigen wirkte sich offenbar auch auf ihren eigenen Verstand aus), dass Alicja gestern nach Washington zur Beerdigung ihres einzigen Sohnes geflogen war, einem US-Bürger, der von einer Mine im Irak zerfetzt worden war. Und Ottos verschlafenes, aber trotzdem schalkhaftes Gesicht lugte aus der Türöffnung hervor: «Was ist los? Braucht ihr Hilfe?»

Da wusste sie schon, dass Hans nicht hier war, doch sie fragte trotzdem nach, ging sogar auf den Vorschlag des Hausbesitzers ein und machte mit diesem zusammen eine Runde um das Haus und warf einen Blick in den Garten. Otto betrachtete es als angemessen, ein ernsthaftes Gesicht aufzusetzen, wahrscheinlich wegen Mike (ließ dabei aber seine Blicke über ihre Brüste und Beine wandern). Im übrigen war es offensichtlich, dass ihm dieser Mike völlig gleichgültig war. Der hatte es nie über sich gebracht, seiner Mutter die Scheidung von seinem amerikanischen Vater zu verzeihen, und als Alicja nach Deutschland zurückgekehrt war, wo sie zum zweiten Male heiratete, hatte er endgültig den Kontakt zu ihr abgebrochen. Über das Leben ihres Sohnes hatte sich Alicja mit Hilfe einer Privatdetektei erkundigt, der sie dafür ein stolzes Sümmchen hatte zahlen müssen: Er war Militärpsychologe geworden, hatte ständig die Dienststelle gewechselt

und sich, im Übrigen freiwillig, in den Irak begeben. Sein sinnloser Tod musste der herzlosen Mutter auf alle Ewigkeit das Leben vergällen — natürlich wäre dies der Standpunkt des Verstorbenen gewesen (Halt! Kann ein Verstorbener einen Standpunkt haben?). Doch sie, Ralfs Ehefrau und Hans' Krankenpflegerin, war von ihrer Nachbarin schon längst in alle Geheimnisse eingeweiht worden. Sie wusste den wahren Grund, warum Alicja drei Stunden vor ihrem Flug geweint hatte: Otto, gerissen wie er war, hatte sich auf seiner Dienstreise nach Prag mit einer blutjungen tschechischen Prostituierten eingelassen (die am Straßenrand in Stiefeln, Strapsen und einem langen Nerzmantel auf nackter Haut Autofahrer köderte). Gerüchten zufolge hatte er sogar ein Kind mit ihr gezeugt. Ihren eigenen Sohn hatte Alicja gut 15 Jahre nicht gesehen. Kann sie, wenn man näher darüber nachdenkt, um einen unbekannten erwachsenen Mann mit Stoppelbart trauern, der nicht die geringste Ähnlichkeit hatte mit dem zwölfjährigen Jungen, den sie in Amerika zurückgelassen hatte? Die Jahre vergehen, und mit niemandes Tod kann man etwas beweisen.

Wie auch mit dem Leben. Mit ihrem Leben, dem von Larysa Vaškevič-Kraus, ebenso wenig. Hatte sie je ein Leben gehabt? Natürlich, ein ziemlich hoffnungsloses, ohne Lichtblick, wie sie glaubte. In ihrer Heimat, in dem Land, aus dem sie stammte, wo man an ein Übermaß schmerzlicher Erfahrungen gewöhnt war und sich das menschliche Leiden in so monumentalen Katastrophen wie Krieg, Repressionen, Tschernobyl messen ließ, beeindruckte ihr persönlich erlittenes Unglück niemanden und hat-

te auch herzlich wenig Bedeutung. Eine Schule in der Kreisstadt, reißerische Losungen und die eierförmigen Gipsköpfe der Politanführer — vor diesem irrealen Dasein schützte sich das Gehirn durch einen ganz realen Verlust der Sehkraft: So lief der Spiegel im Badezimmer an, sobald man zu heißes Wasser hatte laufen lassen, und man konnte darin gar nichts mehr sehen. Man hätte auf der feuchten Oberfläche höchstens eine Figur aus drei Fingern zeichnen können. Oder aber eine Figur, die dem Einheitsprofil der drei Schöpfer der «großen Lehre» über alle Maßen ähnlich war, jenes dreiköpfige Wesen, das von allen Schulbüchern herabblickte und sich wahrscheinlich durch einfache Teilung vermehrte. Wie denn auch sonst? Nur auf diese wenig aufwändige Art und Weise konnte man so viele missgestaltete Doppelgänger produzieren.

«Du solltest eine Brille tragen und immer ganz vorne sitzen.»

Mit dem schwarzen Gestell einer hässlichen Brille auf der Nase saß sie in der Klasse auch ganz vorne, diese Streberin, aber das Sehvermögen ließ trotzdem immer weiter nach... Und was kam danach? Ganz klar: Uni und meterweise gedruckter Text, den man wie einen roten Teppich hätte ausbreiten können, — ganz richtig, ein fliegender Teppich, der sie, die fleißigen Büfflerinnen des (angeblich) wissenschaftlichen Kommunismus, in ein Land transportierte, das in Wirklichkeit natürlich gar nicht existierte. Stattdessen existierte etwas Anderes: Ewige Armut, nasse Füße, in Zeitungen (dank der Mutter, die es einem beigebracht hatte) mit den gleichen Texten gewickelt, in denen schönrednerisch das

absolute Prosperieren konstatiert wurde, — nasse Füße in undichten Schuhen, die schon der Mutter gehört hatten... Sie jedenfalls beendete ihr Studium, und ihr Erfolg garantierte ihr auch immer ein Zimmer im Wohnheim. Dazu gab es noch ordinäre Proleten in den Nachbarzimmern und danach Hochzeit und ein schnelles Abschiednehmen von der Illusion, dass ihr Leben von nun an in guten Bahnen verlaufen würde. Unterdessen wurden ihre Augen immer schlechter, als ob ihr einfallsreiches Gehirn darum bemüht war, möglichst rasch die Bilder zu verwischen, die sich ihm darboten, und zwar um selbst zu überleben, um nicht in eine in den Selbstmord treibende Hysterie zu verfallen (wie es einer Mitbewohnerin aus dem Stundentenwohnheim ergangen war) oder in eine ganz banale Psychose.

Und die Bilder waren immer die gleichen, gewöhnlichen, wie der standesamtliche Stempel im Pass, wie der gammelige Kiosk unten auf der Straße mit der Aufschrift «Bier und Erfrischungsgetränke». Ein Ehemann, der patriotisch zusammen mit den anderen Saufbolden aus derselben Fabrik seine Lohntüte versäuft. Ihre und Svetkas Krankheiten, verdreckte Krankenstuben mit innerklinischen, nicht in den Griff zu bekommenden Staphylokokken, die sich wie das Monster von Loch Ness verkrochen, die Willkür des verkommenen medizinischen Fachpersonals mit seinem tierischen Gespür für fremde Schutzlosigkeit: Krankenpflegerinnen, die ihren Rausch nicht ausgeschlafen haben, alle mit gleichen rot unterlaufenen Augen in ihren blauvioletten Visagen, reißen die Tür des einzigen Klos in der ganzen Etage, weil es ein kaputtes Schnapp-

schloss hat, weit auf, ohne darauf zu achten, ob sich jemand darin befindet oder nicht. Der Tod der Mutter an einem Schlaganfall, ihr Verwesen bei lebendigem Leibe auf dem überfüllten Korridor des Krankenhauses, wo die Intimsphäre mit Füßen getreten wird, wo es keine Frauen und Männer mehr gibt, sondern nur geschlechtslose Fleischklumpen, wie vor dem Ofen eines Krematoriums. Unterdessen soff ihr Mann dermaßen, dass er beim Zocken mit ehemaligen Knastbrüdern, die damals, in den Neunzigern, große Freiheiten genossen, natürlich alles verlor, und finster dreinblickende tätowierte Kraftpakete trugen wortlos Fernseher, Möbel, Svetkas und ihre Sachen aus der Wohnung. Und schließlich das Finale: Ihr Mann erhängte sich mit einem Gürtel am Heizungsrohr in ihrer Einzimmerwohnung, die so leer war, dass man Fußball darin hätte spielen können.

In diesem Moment, nach der zweiten Beerdigung innerhalb eines Jahres, da sie nächtelang unter Schlaflosigkeit gelitten hatte, begriff sie, dass der Verlust ihres Augenlichts sie vor dem Verlust ihres Verstandes bewahrte. Ihr Ich verkroch sich instinktiv in den Kokon einer Blindheit, *um nicht zu sehen*, wohingegen ihr das Leben gewaltsam die Augen öffnete, ja ihr sogar die Augenlider abschnitt. Jetzt nimmt sie die Welt durch eine entblößte Netzhaut war, so wie die buddhistischen Mystiker wahrscheinlich die Sonne wahrnahmen, die an sich selber jene barbarische Operation durchführten, damit der Schlaf sie nicht von der Suche nach dem Absoluten ablenkte. Aber die Mystiker, das musste man ihnen zugestehen, taten dies, um sehend zu

werden. Bei ihr lief es darauf hinaus, dass sie *aus eigenem Wunsche heraus blind wurde* — was für eine Erkenntnis! — und sie hielt sogar lange, allzu lange die Hände vor die Augen, um ihre Illusionen zu bewahren. Aber wie ein Henker, der einen dazu zwingt, bei der Folterung eines nahestehenden, lieben Menschen zuzuschauen, riss ihr das Leben die Hände von ihren Sehorganen fort, wenn auch nicht aus Gemeinheit, nicht aus minutiös geplantem Sadismus, nicht aus dem Wunsch heraus, sie mit der Diagnose *endogene Depression* in die Klapsmühle zu verfrachten, sondern ganz im Gegenteil — um sie zu retten. Aber womöglich hatte sich das Leben gar nicht ihretwegen, nicht wegen einer dreiunddreißigjährigen naiven Närrin mit dem typischen Komplex einer willfährigen leidgeprüften Pechmarie (wer sollte an uns, bearbeitetem Biomaterial, denn ein Interesse haben?) angestrengt, sondern den Naturgesetzen zufolge sorgte es sich vielmehr um die «heranwachsende Generation». Und nachdem sie noch ein paar Jahre abgewartet und man bei ihrer Tochter eine vererbte Kurzsichtigkeit diagnostiziert hatte, wartete sie nicht länger auf noch Schlimmeres und schickte auf den Ratschlag einer gewieften Freundin einen ausgefüllten Fragebogen an eine Ehevermittlungsagentur, ohne bestimmte Hoffnungen daran zu knüpfen. «Wir finden für Sie einen vermögenden (*das heißt: ausländischen*!) Ehemann». Und den hatten sie gefunden. Worüber konnte sie sich also noch beschweren? Als sie erfahren hatte, dass Ralf in Sorge um seine Gesundheit jeden Morgen Waldläufe unternahm und *überhaupt niemals* Alkohol konsumierte, setzte dieses eine Argument den Schlussstrich unter ihre Bedenken.

Bald nach ihrer Ankunft in Deutschland ging sie eines Tages ins Geschäft, um Waschmittel zu kaufen, das für Handwäsche geeignet war. Es standen da im Regal Dutzende Tüten, Kartons und Flaschen in jeder beliebigen Größe und Konsistenz und mit allen möglichen Duftsorten. Sie ließ sich von all diesen leuchtenden Farben und Inhaltsbeschreibungen in den Bann ziehen. Aber alle, wirklich alle waren für vollautomatische Waschmaschinen bestimmt. Auch Ralf besaß selbstverständlich eine solche Maschine, aber... aus einem Land stammend, in dem Waschfrauen in einer nicht allzu weit entfernt liegenden Vergangenheit sich im Wesentlichen damit beschäftigten, den Staat zu regieren, und es daher niemanden gab, der sich um die Wäsche hätte kümmern können, vermochte sie die Wundermaschine nicht zu bedienen und befürchtete, sie zu beschädigen... Sie machte sie dann auch sogleich kaputt, als sie endlich den Mut gefasst hatte, ihre Wäsche hineinzustopfen, die sie mit dem diplomatischen Euphemismus «lebenserfahren» beschrieb. Es war nicht zum Lachen, als die Maschine die Klamotten ausspuckte und ein Metallding von einem Korsett in die Trommel gelangt war. Ein danach ertönendes wildes Knirschen hatte zur Folge, dass sich sogar Ralf eine Tasse brühend heißen Tees auf den Schoß verschüttete. Sie wird nie das Gesicht des Handwerkers vergessen, den sie sofort gerufen hatten, eines von Geburt an zivilisierten deutschen Arbeiters, der nie auf die Idee gekommen wäre, einen Floh zu beschlagen, aber es verstand, seine Pflicht fachgerecht und kompetent zu erfüllen. Ein aus der Maschinentrommel hervorgeholtes abgebrochenes

Stück in der Hand, fragte er freundlich und gleichzeitig verwirrt: «Was ist das denn?!»

In diesem Augenblick wurde ihr bewusst, dass der Abgrund, der zwei an der Jahrtausendwende auf dem eurasischen Kontinent koexistierende Zivilisationen voneinander trennte und sie sogar in Belanglosigkeiten oder vielmehr *gerade* in Belanglosigkeiten unterschied, jedwede Möglichkeit des gegenseitigen Verständnisses auf den Nullpunkt zurückführte. Da konnte man nichts machen: Weder ihre Mutter, die in einer Fabrik gearbeitet hatte, noch sie hatten jemals eine vollautomatische Waschmaschine besessen. Daher wollte sie im Geschäft gewöhnliches Waschpulver kaufen ... Der Verkäufer, dem sie verängstigt ihre Bitte vorbrachte, staunte Bauklötze.

Als sie aus dem Laden wieder auf den gepflasterten Bürgersteig heraustrat — die Steine unter ihren Füßen waren so sauber und glatt, als wären sie mit zartem Babyshampoo gereinigt worden —, setzte sie sich auf eine Bank gegenüber einem gigantischen Rosenstrauch. Die Blumen ließen ihre Blicke mit der Würde von Menschen umherschweifen, denen man eine Krone aufgesetzt hat. In den jämmerlichen Beeten im Provinzstädtchen bei ihr daheim waren die Blumen von der Furcht durchdrungen, man könne sie zertrampeln, mit der Wurzel herausreißen, sie als Klasse liquidieren, und deshalb gaben sie sich alle Mühe, sich klein zu machen und nicht aufzufallen. Wie die Einwohner jenes Ortes, zogen sie sich ebenso gedemütigt zu einem Klumpen zusammen. Sogar die Blumen begreifen, wo es ihnen beschieden ist, das Licht der Welt zu

erblicken! Hätte ihre Mutter nicht ein ganz anderes Leben führen können? Einen halben Tag lang hatte sie damals um ihre geknechtete und ausgebeutete Mutter geweint, bis sie zu dem Schluss kam, dass sie, Larysa Vaškevič, Svetka zuliebe, nur ihrer Tochter zuliebe mit ihrem weiß der Teufel warum missratenen weiblichen Schicksal die Demenzausbrüche von Hans ertragen würde, die im Vergleich zu dem, was sie zu Hause erlebt hatte, nicht schlimmer waren als die harmlosen Matinee-Darbietungen mongoloider Kindern in einer Sonderschulklasse.

Hans durchlebte jedoch auch klare Momente, in denen die Krankheit über sein Gehirn nicht herfiel wie ein Bär über eine Frau, die sich im Himbeergesträuch verirrt hatte. (Alicja, ihre Nachbarin, eine gebildete Europäerin, glaubte bis heute, dass in Larysas Heimat, in Russland, Bären zusammen mit Ureinwohnern in Bastschuhen über die Straßen spazieren würden. «Ich bin aus *Belarus*, *aus Weißrussland*», berichtigte sie Alicija meistens.) In diesen Momenten freute sich Hans aufrichtig über ihre Anwesenheit im Haus und machte ihr sogar kleine Geschenke: Wenn sie morgens aufgewacht war, fand sie auf dem Nachtschränkchen neben dem Bett einen winzigen Strauß Gänseblümchen, eine in feines Duftpapier gewickelte Brosche oder eine golden glänzende runde Blechdose mit der Aufschrift «Danish Butter Cookies», die für sich alleine genommen schon ein Kunstwerk darstellte. Die Vielfalt an *cookies*, Gebäck, das darin lag, konnte dem Aussehen und dem Geschmack nach ihrer Meinung nach nicht für gewöhnliche Sterbliche bestimmt sein. Er lobte das Mittagessen, das sie zubereitet hatte, be-

fragte sie nach ihrem Zuhause, nach der Gegend, in der sie geboren war. Einmal nannte er sie Zosja ...

«Hans, warum Zosja?»

Er hörte nicht oder gab vor, nicht zu hören, und fragte dann danach, ob sie in ... gewesen sei, und er nannte den Namen einer kleinen belarussischen Stadt. Sicher sei sie schon mal da gewesen, erwiderte sie, dort habe ihre Großmutter gelebt.

«Ah, deine Oma!»

Und ob sie eine Gegend in der Nähe dieser Stadt kenne, dort gebe es einen Militärflugplatz und daneben einen Wald und eine Schlucht ... Sicher kenne sie diese Gegend. Der Flugplatz existiere schon lange nicht mehr, dort habe man mittlerweile ein Sanatorium für Kriegsveteranen errichtet.

«Ein Sanatorium? Für Veteranen?» Hans schien erstaunt zu sein, und sie bejahte: Ein Sanatorium. Und fügte hinzu, dass es dort auch eine Gedenkstätte gebe. An dieser Stelle habe man während des Krieges Juden erschossen, viele Juden, achttausend oder zehntausend ... sie stockte. Da schloss er die Augen und gab so zu verstehen, dass das Gespräch beendet war. Eine Weile später stimmte er mit einem heiseren Falsett an: «Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes ... Amen ... Auf Wiedersehen ... Auf Wiedersehen ... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter ...» Nachdem sie den Sinn verstanden hatte, glaubte sie, er wolle sich an eines von jenen Liedern erinnern, die die deutschen Soldaten im Krieg gesungen hätten, doch ob sie richtig lag, konnte jetzt niemand mehr bestätigen.

Der plötzliche Gedanke daran, dass Hans möglicherweise wirklich nach Hause zurückgegangen

war und sich jetzt in einer Ecke hinter dem Brennholz versteckte, war für sie Anlass genug, schnell die Veranda heraufzulaufen, einen Blick in den Heizungsraum zu werfen, wo das Holz aufbewahrt wurde, wo sich der Ofen und das Gasaggregat befanden... Wenig später nach der Unterhaltung über jene belarussische Stadt BEGANN ES. Der alte Mann gefiel sich darin, mitten in der Nacht Brennholz aus dem Heizungsraum in sein Bett zu schleppen. Wenn es aber nur beim Holz geblieben wäre: Ohne das Licht einzuschalten, verrückte er in der Dunkelheit Möbel, entleerte die Schubladen des Nachtschränkchens, warf Kleidung aus dem Schrank zu Boden, riss die Bettwäsche von seinem Bett und dem seiner verstorbenen Ehefrau Else, kippte die Stühle um, riss die Fenster auf, so dass alle Geranientöpfe von Ralf auf dem Boden landeten. Er «arbeitete», ohne ein Wort zu sagen, und schüttelte aggressiv ihre besänftigenden Hände ab. Wenn er dann fertig war, legte er sich schlafen und regte sich am nächsten Morgen wie ein Unschuldslamm darüber auf, dass Ralf und seine Nachbarin unter einer Decke steckten und in seinem Zimmer diese ganze Unordnung angerichtet hätten. *Neue Ordnung* kam irgendwoher aus dem gestörten Gedächtnis wieder zum Vorschein, sie wunderte sich sogar über sich selbst: Für wie viele Generationen würde die deutsche Sprache noch auf diese «neue Ordnung» aus der Besatzungszeit reduziert werden?

Man habe Wasser in seinem Bett ausgeschüttet, setzte Hans seine absurden Beschuldigungen fort, und jegliche Erklärung dahingehend, dass er unter Inkontinenz leide, blieb fruchtlos. Als er einmal

durch das Fenster seine Nachbarin erblickte, sagte er dieser, beim nächsten Male würde er bei der Polizei Anzeige erstatten. Sie mussten aus seinem Zimmer alle überflüssigen Gegenstände entfernen und so den Raum in so etwas wie einen Karzer oder eine Gummizelle verwandeln. Elses Bett auseinanderbauen und heraustragen, die Tischtücher und Decken verstecken, sogar der Tischlampe, die ein Gehäuse aus Metall hatte, entsagen, weil sie der Kranke mit regelmäßiger und unerklärlicher Gereiztheit auf den Fußboden warf.

«Verfluchter Okkupant», schimpfte sie dann halblaut, meinte es aber nicht böse, und hob die Lampe auf. Sie schraubten auch die Fenstergriffe heraus, aber das kam erst später. Und als sie damals in einer dieser irrsinnigen Nächte überdrüssig wurde, mit anzusehen, wie er auf seinem Kopfkissen einen Holzstapel einzäunte, trat sie an ihn heran und berührte ihn an der Schulter: «Hans, was machst du da?»

Aber ihre Worte zeigten bei ihm keine Wirkung, wahrscheinlich deshalb, weil er obendrein fast taub war und sein Hörgerät nicht benutzen wollte: Wegen eines Wackelkontaktes klingelte es ununterbrochen, und damit der Alte gut hören konnte, musste sie ständig das Gerät an sein Ohr halten, was sie letzten Endes ablehnte. Daher war sie genötigt, ihre Frage mehrmals zu wiederholen: «Was machst du da?»

Er stieß einen pilzbefallenen Fingernagel in den Spiegel: «Sie rücken vor.»

«Wer, Hans?»

«Die Russen! Viele Russen! Los, verstecken wir uns...»

«Das ist doch ein Spiegel, Hans, und das da sind unsere Spiegelbilder!»

Aber es hatte keinen Sinn, ihm das zu erklären. Sie hätte genauso gut mit einer Wand reden können.

Nachdem er während eines Gewitters den Donner vernommen hatte, verkroch er sich in einer Ecke des Heizungsraums, einen Wäschekorb über den Kopf gestülpt. Als sie sich anschickte, ihn von dort wegzuholen, versuchte er auch sie unter den Korb zu zwängen. Dabei faselte er völlig wirres Zeug. Sie konsultierte ein Wörterbuch, fand jedoch nichts Ähnliches, und erst am Abend verriet ihr Ralf, der dieses und jenes über den Krieg gelesen hatte, dass die deutschen Soldaten den Mehrfachraketenwerfer der Sowjetarmee als *Stalinorgel* bezeichnet hätten. Sie, die auch dieses und jenes gelesen und in Geschichte natürlich immer die besten Noten gehabt hatte, erahnte, dass es sich bei der *Stalinorgel* um die berühmte «Katjuscha», wie sie in der Sowjetunion geheißen hatte, handelte. So lernte also die Krankenpflegerin ihren Kranken verstehen ...

Zu der Zeit begann er sich mit dem Spiegel in seinem Zimmer zu unterhalten. Aus irgendeinem Grunde reagierte er auf die anderen Spiegel im Haus nicht. Nachdem er tagsüber in den ersten Stock hinaufgegangen war und sie da nicht vorfand (obgleich sie dort mit Strickzeug beschäftigt oder in ein Buch vertieft war), ging er zu der alten Säule mit den drei Spiegeln in seinem Zimmer und von dort drangen auch schon die krächzenden Geräusche der zerkratzten Schallplatte an ihr Ohr. Wenigstens hat Hans einen Gesprächspartner gefunden, scherzte Ralf. Und auch sie war anfangs zufrieden, dass der Kranke ihr keine Gespräche mehr aufzwang. Hans

versuchte nun starrköpfig den «Alten aus dem Spiegel» an den Mittagstisch einzuladen und streckte «ihm» verstohlen bald ein Glas Limonade, bald einen Apfel entgegen. Und einmal machte er vor dem Spiegelpfeiler in seinem Zimmer den ganzen armseligen Inhalt seines Portemonnaies leer. Da begriff sie schließlich, dass er endgültig die Vorstellung von seinem richtigen Alter verloren hatte und sich für einen siebzehnjährigen Burschen hielt.

Bald schon — an diesen Tag konnte sie sich gut erinnern — erwischte sie den Kranken, als er dem Spiegel vom Krieg erzählte: Hans, ein einfacher, junger Frontsoldat, sprach er aus irgendeinem Grunde über sich selbst in der dritten Person, war gerade erst im Reichskommissariat Ostland eingetroffen, als der Rückzug begann, es war eine wahre *Hölle*, er betete ständig, man möge ihn verwunden, denn er wollte zu seiner *Mama*. Und als er den Namen der ihr seit ihrer Kindheit bekannten Stadt entstellt artikulierte, da konnte sie sich nicht länger etwas vormachen: Genauso hatte sich alles zugetragen. Nicht zufällig hatte er sie damals ausgefragt, und auch über den Militärflugplatz hatte er genau Bescheid gewusst ... Tief in ihrem Innern stockte auf einmal etwas. An jenem Abend fragte sie Ralf aus und erhielt auch Antworten auf ihre Fragen: Ja, gab ihr Mann ungerne zu, seinen Vater hatte man im Mai 1944 in die Wehrmacht eingezogen und in den Osten geschickt, ich wollte dir nichts davon erzählen, weil ich wusste, dass das für dich ein bisschen unangenehm sein würde.

«Ein bisschen unangenehm?!», wiederholte sie.

«Kein Anlass zu Dramatisierungen, du musst verstehen, es war Krieg. Mein Vater diente gerade

einmal zwei Monate in einer Garnison hinter der Frontlinie irgendwo in der Nähe von Minsk und wurde dann beim Rückzug schwer verwundet. Der Krieg war somit für ihn gelaufen. Du bist zu sensibel, diese ganzen Probleme hast du nur, weil du kommunistisch erzogen worden bist.»

Nach diesem Ereignis fand sie mehrere Nächte nacheinander keinen Schlaf, und das fordernde Geschrei des Alten, das so laut wie ein Kriegshorn war, war sogar im ersten Stockwerk, wo ihr Schlafzimmer lag, deutlich zu hören. Mit tränenüberströmtem Gesicht lag sie wach und hörte diesen Lärm, der gewöhnlich gegen vier Uhr in der Frühe losging und alle frühmorgendlichen Geräusche des Dorfes vorwegnahm.

Die Faxen, die Hans vor dem Spiegel trieb, hatten für sie ihre Komik verloren. Und bald verging auch Ralf das Lachen: Wenn Hans am Tage im «Alten aus dem Spiegel» einen friedfertigen Menschen sah, so verwandelte sich dieser nachts in den Feind, und der Kranke stellte das ganze Haus auf den Kopf. Er versuchte den einstigen «Freund» in eine Leintischdecke zu wickeln, die er vom Wohnzimmertisch weggezerrt hatte (wobei das ganze Geschirr auf dem Boden gelandet war), verbarrikadierte den Durchgang zum Spiegel mit umgestürzten Stühlen, Wäschekörben, am häufigsten jedoch schleppte er das Holz aus dem Heizungsraum wieder heran. Da wurde es bald Zeit, in der Küche und im Wohnzimmer neue Schlösser anzubringen, denn die Schlüssel zu den meisten Räumen waren längst abhanden gekommen. Die Tür zum Arbeitszimmer sowie zum Korridor und die Badezimmertür ließen sich aber nicht verschließen.

«Leise! Geh‘ vorsichtig!» Hans ergreift ihre Hand und renkt ihr fast das Handgelenk aus. «Die Minen zerfetzen dich sonst! Siehst du die Spuren?»

«Hans, lass mich los! Du tust mir weh!»

«Schau doch!»

Er zerrt sie zum Fenster. Die Jalousien sind heruntergelassen, in der Glasscheibe spiegeln sich die beiden, der Alte im Schlafanzug mit einem spärlichen stoppeligen Flaum am Scheitel sowie das dürre Mädchen mit langen blonden Haaren, das Fenster in der Nacht spielt das Alter des Mädchens, nicht das seine, herunter.

«Da sind sie, da! Und sie haben ein Maschinengewehr! Auf den Boden! Schneller! Gleich feuern sie!»

«Hans, hör auf!»

«Der Feldwebel hat mir befohlen, einen Schützengraben auszuheben ... Weißt du, wie schwer das war? Lauter Wurzeln hier in der Erde! Aber ich hab’s geschafft!»

Ja, und wie er es geschafft hat: Der Durchgang zum Fenster ist zuverlässig mit Stühlen aus dem Wohnzimmer und zwei Matratzen verbarrikadiert, alles auf den Kopf gestellt und in die Zimmermitte verrückt. Der Kranke setzt sich plötzlich auf den Fußboden, seine Stimmung ändert sich. Über sein Gesicht rollen Tränen:

«Ich will nicht kämpfen! Ich habe niemanden getötet! Komm, hauen wir ab von hier...»

Nur mit Müh gelingt es ihr, ihn zu beruhigen und auf das Sofa im Wohnzimmer zu betten. Ralf schimpft halblaut: Er hat die Nase voll davon. Eine halbe Stunde später wieder Gepolter und Türenknallen. Dieses Mal verlässt Ralf nicht einmal mehr

das Schlafzimmer. Sie findet den Kranken in seinem Bett: Er hat sich «versteckt», sich also ein Bettlaken über den Kopf gezogen. Mit verschwommenen Flekken von Alterspigmentation im Gesicht, strahlt er in dem Bewusstsein einer gerade geleisteten Arbeit. Er möchte gelobt, gehätschelt, über den ihm zu Berge stehenden Flaum am Scheitel gestreichelt werden.

«Bald geht die Bombardierung los.»

Er fordert sie auf, seine Freude zu teilen. «Aber ich habe einen zuverlässigen Unterstand ausgehoben. *Die russische Stuka* kriegt uns nicht!» Auf dem Bett ist Kleidung aufgetürmt, darauf eine alte Wäschemangel, welche seit Elses Tod in der Abstellkammer vor sich hin rostet (ein verdammt schweres Gerät!), außerdem Holz ...

«Hans, was für ein Unterstand?! Der Krieg ist längst vorbei!!»

«Hä? Vorbei?»

Da wurde es Ralf zu viel. Während Hans nachts seine «Unterstände» baute, knipste er überall das Licht an — doch elektrischer Strom war teuer! Ralf kaufte auch seine Weihnachtskarten schon im Sommer, wenn sie nur einen Euro kosteten und nicht vier wie im Dezember.

«Wir müssen mit errechnen, was er uns kostet! Ich fürchte, letzten Endes wird es billiger, wenn wir ihn in ein Altersheim bringen!»

Genau. In ein Altersheim bringen. Genau davon träumte sie jetzt. Weil sie keine Lust mehr hatte, den ehemaligen deutschen Soldaten, der im Krieg bei ihr zu Hause kämpfte, pflegen zu müssen. Und weil sie sich davon überzeugen wollte, dass ihre Ehe mit Ralf mehr ist als bloße Berechnung. Denn wenn sie

depressiv wurde, glaubte sie, dass Ralf ihr ein Dach über dem Kopf bot sowie den Aufenthaltstitel in diesem Land ausschließlich deswegen ermöglichte, weil sie durch die Betreuung von Hans sein Geld zusammenhielt. Wie sich herausstellte, hatte Ralf durch die Heirat mit ihr vorausschauend gehandelt: Eine belarussische Ehefrau ist billiger als eine Hausangestellte und eine richtige Krankenpflegerin. Zum Beispiel würde eine Altenpflegerin aus dem Baltikum mindestens 300 Euro verlangen — und bei einem so schwierigen Patienten anderthalbmal so viel. Hans im Altersheim abzuliefern wäre zu teuer. Er würde auf die Rente seines Vaters und einen Teil seines eigenen Gewinns verzichten müssen. Somit wollte sie als Frau, die sie immerhin war, einen Beweis dafür erhalten, dass Hans' Geisteskrankheit nicht das einzige Fundament war, auf dem ihr Bündnis mit Ralf gebaut war.

Aber wo dieses «Fundament» nun geblieben war, hätte sie gerne gewusst.

Da das unglückliche Ereignis heute mit einem Anruf von Lada seinen Lauf genommen hatte, fiel ihr nichts Besseres ein, als die Nummer der Freundin zu wählen. Ladas Art zu sprechen ging ihr schon im Voraus auf die Nerven, denn sie gähnte, was etwas affektiert Faules an sich hatte, und verzog ihren unnatürlich roten Mund (eine beständige Gepflogenheit ihrer Landsleute, denn die Deutschen benutzen keine Kosmetik), doch aus dem Hörer erklang nur ein «Der-Teilnehmer-ist-nicht-erreichbar». Lada hatte sich also doch zu dieser vermeintlichen Enkelin eines sibirischen Schamanen begeben und natürlich ihr Handy ausgeschaltet! Sie dachte sofort

an ein anderes Gespräch mit Lada, nach einer Fahrt nach Kulmbach in das Schloss Plassenburg, wo sie das Glück hatten, das größte Zinnfigurenmuseum der Welt besichtigen zu können. Der Einseitigkeit der Schlachtszenen, dieser alten Kelten, römischen Legionäre, teutonischen Ritter, englischen Musketiere, Wikinger, napoleonischen Gardisten und anderer Gevatter des standhaften Zinninvaliden überdrüssig geworden, lud sie Lada in ein Café ein. Nach einem Schluck «Tchibo Feine Milde» brach aus sie all das heraus, was sich in ihr angesammelt hatte: «Stell dir vor, Hans war im Krieg in Belarus!»

«Was du nicht sagst», erwiderte erwiderte Lada ganz aufrichtig. Sie war eine Naturblonde mit grünen Augen, die nach der belarussischen Mode mit einer unter Qualen hervorgebrachten Sorgfalt gekleidet war: Ein Blüschen mit Glitzersteinen, hochhackige Schuhe, grell geschminkt. Übrigens hieß sie nicht Lada, sondern nur Ljuda, die mit Hilfe ihrer Tante, die daheim in einem Standesamt arbeitete, den Vornamen leicht hatte ändern können, um gleichermaßen attraktiv wie geheimnisvoll zu wirken. «Das ist doch so lange her, dass es schon gar nicht mehr wahr ist!»

«Er hält sich für einen achtzehnjährigen Soldaten und faselt ständig etwas über den Krieg!»

«Darüber regst du dich auf?» Lada zuckte die Schultern.

Ljuda bzw. Lada war gerade einmal dreißig Jahre alt. Zehn Jahre trennen sie voneinander — ein Abgrund, über den man keine Brücke schlagen kann. Dennoch hatte sie damals ihrer Freundin gegenüber zugegeben, dass sie, wenn Ralf den Alten

nicht in einer geschlossenen Anstalt unterbringen würde, dann alles hinschmeißen, sich eine Wohnung nehmen, eine andere Arbeit suchen oder vielleicht überhaupt nach Hause zurückkehren würde. Aber wie hätte sie ihre Svetka hier zurücklassen sollen? Als ob sie selber nicht verstehe, dass sich hinter der Selektivität ihres inneren Auges, hinter der Gerissenheit Mnemosynes, die das Kaleidoskop mit den bunten Glassplittern so dreht, dass vor den Augen immer wieder die finstersten Erinnerungen aufsteigen, Heimweh verberge!

«Du hast ja nicht mehr alle Tassen im Schrank», stellte Lada seelenruhig fest und ließ in ihrem Mund ein Stückchen Kirschkuchen verschwinden. «Du bekommst Geld vom Staat dafür, dass du den geistesgestörten alten Mann pflegst?»

«Na und?»

«Wieviel?»

«Zweihundert Euro im Monat»

«Was für den hohlen Zahn. Stelle einen Antrag auf die zweite Pflegestufe, wenn er sich solche Späßchen erlaubt. Wenn er nachts schon wieder alles verwüstet oder vor dem Spiegel sein ‚Heil Hitler' von sich gibt, dann greifst du zum Fotoapparat und machst schnell ein Bildchen, und dann ab damit zur Krankenkasse. Hier, schaut mal her, was unser Patient so alles treibt. Du kannst dich ebenso als moralisches Opfer hinstellen, das kommt auch gut an. Du sagst einfach, du bist Belarussin, und deine Nerven spielen da einfach nicht mit. Die Deutschen haben immer noch Schuldgefühle wegen dem Krieg und wollen ständig allen auf der Welt Entschädigung zahlen. Dann bekommst

du 400 Euro — sicher auch nicht die Welt, aber immerhin ...»

«Es geht ja nicht ums Geld ...»

«Worum dann?»

Da ihr schon klar war, dass sie vergeblich dieses Gespräch begonnen hatte, suchte sie nicht für Lada als vielmehr für sich sich selbst eine Erklärung: Als sich ihre Großmutter mit drei Kindern im Sumpf versteckt hatte, bis zum Bauch in der Eisbrühe stehend, und die Polizisten aus der Einsatzgruppe zusammen mit deutschen Soldaten, nachdem sie zuvor im Dorf den *roten Hahn* hatten fliegen lassen, Meter um Meter den Wald durchkämmten — jedem Soldaten hing am Gürtel Kochgeschirr aus Metall (die Großmutter konnte danach ihr Leben lang nicht mehr das rhythmische Klappern eines Löffels gegen Metall hören), da fing der Kleinste plötzlich an zu weinen, und sie steckte ihm eine Brustwarze in den Mund. Das Kind aber hörte nicht auf zu winseln, und sie stopfte und stopfte ihm ihre Brüste in den Mund, bis das Kind endgültig still wurde. Wie sich herausstellte, war es erstickt.

«Dafür blieben mein Vater und sein Bruder am Leben, dank dieser leeren, milchlosen Brüste, die trotzdem schwer genug waren, um dem zwei Monate alten Bündel die Luft zum Atmen zu nehmen. Die Geburtsurkunde meines Vaters war während der Treibjagd in ihrem Haus verbrannt, aber die des Kleinen hatte sich wie durch ein Wunder erhalten. Der Überlebende setzte sein Leben mit den Dokumenten des Toten fort. In meinem Vatersnamen steckt der Name eines Toten, der keine Kinder haben konnte, weil er selbst als kleines Kind starb. Und

wenn ich Hans jetzt füttere oder ihn anziehe, denke ich ständig: Vielleicht war er ja im selben Wald?»

«Meinst du das ernst? Du bist ja nicht mehr zu retten.» Lada betrachtete sie verständnislos. «Was hat deine Großmutter damit zu tun? Ich kapiere überhaupt nicht, warum du dir das so zu Herzen nimmst. Wenn du vorhast, Ralf zu verlassen, dann sag es einfach. Ich gebe dir ja Recht, er hat ziemlich wenig Zaster ...» Lada beugte sich zu ihr und senkte ihre Stimme. «Ich habe per ICQ so einen Deutschen aus Hannover kennengelernt, total abgefahren! Ich mache mit Edwin wahrscheinlich Schluss, aber vorläufig sage ich noch nichts. Hermann und ich haben schon ausgemacht, dass wir zu zweit eine Fünfzimmerwohnung mieten wollen. Aber ich bin ja nicht blöd — meinen Teil der Wohnung zahle ich selbst, ich will die Unterhaltszahlungen meines Ex-Mannes nicht verlieren, hehe!»

Lada lehnte sich in ihrem Stuhl zurück und zog eine Mentholzigarette hervor. «Ich träume total gerne ... Wenn jetzt plötzlich ein Haufen Kohle vom Himmel fallen würde ... dann würde ich mir ein Haus auf einer griechischen Insel kaufen ... und du?»

«Ich würde Svetkas Studium bezahlen ... und ich würde an der Stelle, wo das verbrannte Dorf früher stand, einen Gedenkstein errichten.»

Als sich Larysa nach diesen Worten den Ausdruck auf Ladas schönem Gesicht in Erinnerung rief — ihre Freundin hatte sie geringschätzig und mitleidsvoll wie eine Irre gemustert —, warf sie das Handy beiseite. Mach schon, strenge deinen Verstand an, wo kann der Alte nur sein? Wo? Durch ihre Fingerspitzen ging ein leichtes Zittern. Wahr-

scheinlich musste sie, ob sie wollte oder nicht, die Polizei alarmieren, obwohl die hiesige Polizei bei ihr eine geradezu genetisch bedingte Furcht auslöste. Da fiel ihr ein, dass heute der neunte Mai war, und sofort entdeckte sie im Briefkasten eine Monatszeitschrift in russischer Sprache: Die Zeitschrift, die von Spätaussiedlern aus der ehemaligen Sowjetunion herausgegeben wurde, kam mit deutscher Präzision immer am neunten eines jeden Monats. Anfangs mechanisch, dann mit wachsendem Interesse suchte sie auf den Seiten Texte, die dem Zweiten Weltkrieg gewidmet waren, wurde aber nicht fündig. Diese Hochglanzzeitschrift auf hochwertigem Papier war schnell durchgeblättert. Sie überflog die Rubrik «Der Mai vor vielen Jahren: Monatschronik» (das konnte nicht wahr sein! wenigstens eine einzige Zeile!). Sie suchte das heutige Datum und las mit zunehmender Verwunderung, dass am 9. Mai 1964 an der Spitze der amerikanischen Hitparade der «große Louis Armstrong» mit dem Song «Hello, Dolly!» gestanden hatte. Und das war's. An diesem Tage hatte sich aus Sicht der Redaktion der Emigrantenzeitschrift NICHTS zugetragen, was erwähnenswert wäre. Aber sogar waschechte Deutsche hatten dieses historische Ereignis nicht vergessen, sie duldeten ja auf dieser wunderbaren Erde großmütig die Herren Emigranten, die den sehr gut finanzierten, sie wie ein Harnisch schützenden Status «Opfer des Faschismus» genossen.

Sie blätterte um. Auf der nächsten Seite war die Geschichte eines Belarussen abgedruckt, die großzügig mit Aktfotos illustriert war. «Der 24-jährige Alexander hat sich infolge von 35 Operationen,

denen er sich im Laufe der letzten zwei Jahre unterzog, in Alexandra verwandelt. Somit hat er vollständig sein Geschlecht gewechselt! Heute ist der 9. Mai, der Tag seiner endgültigen, wundersamen Verwandlung, den Alexandra wie ihren Geburtstag feiert. Alexandra hat gegen die Natur aufbegehrt — und gewonnen!» Weiter unten wurde berichtet, wie er zusammen mit einem anderen Transsexuellen Geld für die Operation verdiente: Der Tarif für die Liebesdienste war nicht gering — 500 Euro pro Stunde. «Kein Wunder, dass Alexanders Kunden Prominente waren: Politiker, Rechtsanwälte, Fernsehstars.» Aus dem Gedruckten ging hervor, dass Alexander/Alexandra jetzt Verständnis seitens der Gesellschaft für solche Gefangenen des «seelische Ghettos» wie er beanspruchte.

Ein solcher Ideengehalt wohnte dem Begriff «Ghetto» heutzutage also inne... Und Gott sei gedankt, dass nur diese eine Bedeutung dahintersteckte! Die Zeit verrinnt, und selbst über den tiefsten Schmerz legt sich eine Kruste des Vergessens. Da erst bemerkte sie, dass sie diese Worte laut aussprach, dass sie sie ihrem Spiegelbild vortrug, genauso wie Hans! Sie ließ sich auf einen Stuhl fallen, die Hände vor das Gesicht geschlagen. Da ist nichts zu machen, wenn jede neue Generation darauf aus ist, sich das Andenken an das Vergangene vom Halse zu schaffen wie altes Gerümpel, so wie Ralf und sie damals die sperrige Wäscherolle aus der Nachkriegszeit in die Abstellkammer geschafft hatten. Das persönliche Gedächtnis, das im Wesentlichen eine Ansammlung von Erfahrungen darstellt, ist bei den jungen Leuten leer wie eine unbeschriebene

CD. Um wie vieviel produktiver würde ein Mensch sein Leben führen, wenn er mit in seinem Verstand standardmäßig gespeicherten Dateien aus einem Kollektivgedächtnis geboren würde. Wäre dies möglich, so hätte die Menschheit nur einen Krieg genug gehabt, der zugleich der letzte gewesen wäre. Leider kann niemand auf ein fremdes Gedächtnis zurückgreifen. Und das will auch niemand. Unlängst hatte sie erfahren, dass sich sechzig Jahre nach dem Holocaust die Bewohner der bayrischen Stadt Dachau für eine Schließung der Gedenkstätte einsetzten, die man an der Stelle des ehemaligen Konzentrationslagers eingerichtet hatte. Die Häuser, die sich in unmittelbarer Nähe der Schornsteine des Krematoriums befanden, aus denen Tag und Nacht Rauchschwaden gezogen waren, gelten nun als erstklassige Immobilien, da sie an ruhige grüne Stadtviertel grenzen. Die Ortsansässigen werden nachts nicht von Albträumen heimgesucht. Denn die Stadt Dachau selbst findet in der Lokalpresse Erwähnung vor allem im Zusammenhang mit dem dortigen Bordell, in dem sehr engagierte Prostituierte arbeiten: Nach der Abschaffung der staatlichen Weihnachtszuwendung für Pensionäre überreichten die Damen des horizontalen Gewerbes den Bewohnern des Friedrich-Meinzolt-Hauses, eines Alten- und Pflegeheims, jeweils 25 Euro, berichteten die Zeitungen. Und sie litt höchstwahrscheinlich wirklich unter einer übertriebenen Empfindsamkeit ... Wie Svetka sagte: «Mama, die Geschichte ist voll von Gräueltaten. Die Azteken zum Beispiel rissen ihren Kriegsgefangenen bei lebendigem Leibe das Herz heraus, um es später ihren Göttern zu

opfern. Das ist noch krasser als was in Mauthausen passiert ist! Übrigens bezeichneten sie das Herz als erlesene Kaktusfrucht des Adlers, und den sich in Todesqualen windenden sterbenden Gefangenen nannten sie Adlermenschen. Du leidest unter Affektverflachung.»

«Und du?» wollte sie fragen und beide hätten gewusst, was sie damit gemeint hätte, hielt sich aber zurück, da sie stets fürchtete, ihrer Tochter zu nahe zu treten (schließlich war sie ohne Vater aufgewachsen). Svetka hatte sich ziemlich erfolgreich in das deutsche Leben integriert: Sie hatte Sprachkurse absolviert, einen Job als Kellnerin gefunden, ein Psychologiestudium aufgenommen — alles ganz alleine — und eine Wohnung zusammen mit einem Spätaussiedler aus Kasachstan angemietet. Und wie hatte sich die Mutter über die Erfolge ihrer Tochter gefreut! Dafür war sie gerne bereit, die Anfälle des alten Schwachkopfs und Ralfs Pedanterie, die schiefen Blicke der Nachbarn und den Stumpfsinn anderer Emigranten zu ertragen. Nach einem halben Jahr stellte sich heraus, dass Svetkas Heinrich schwul war. Das war noch halb so schlimm. Das Ärgerliche an der Sache war, dass das Mädchen diesen Typen auch noch liebte und weiter mit ihm zusammenlebte. Und ihre Mutter konnte ihr keine Ratschläge erteilen, denn man hatte einem weder in der Schule noch an der Universität beigebracht, wie man eine Familie mit einem Homosexuellen gründet.

Ihre Tochter bat sie auch gar nicht um Rat, sondern zog ziemlich selbständig eine konzeptuelle Bilanz (schließlich war sie Psychologin!) für ihr (sein)

Problem: «Du musst verstehen, nach dem Krieg haben weder die deutschen noch die russischen Männer die nötige Energie, um in einen fremden Körper einzudringen. Sie haben sich zu sehr verausgabt, denn mit dem Penis oder mit dem Bajonett, umbringen oder begatten — das ist ein und dieselbe Energie, nur mit umgekehrtem Vorzeichen ...»

«Ja sicher, dein Heinrich hat ausgekämpft, er hat lauter Medaillen auf seiner Brust ...»

«Es geht gar nicht um ihn persönlich! Die Männer wollen keinen Sex mehr. Nimm Vater zum Beispiel: Er hat dem Alkohol den Vorzug gegeben, denn hierbei wendet man weniger Energie an, um das Nirvana zu erreichen.»

«Lass deinen verstorbenen Vater aus dem Spiel ...»

«Nein, du hörst mir jetzt zu! Die Frauen haben dafür viel Energie gespeichert, und was können sie schon damit machen?»

«Woher soll ich das wissen?»

«Papua, Asiaten, Mongolen, Chinesen heiraten, weil sie von diesen mal so richtig durchgevögelt werden!»

«Sprich nicht so mit deiner Mutter. Nur unsere Frauen heiraten aus diesem Grunde, weil sie Idiotinnen sind. Deutsche Frauen würden nie im Leben Papua heiraten.»

«Dafür kaufen deutsche Frauen Dildos der Marke ‚Indischer Elefant' oder aufblasbare Gummipuppen, geh mal in einen Sexshop ...»

«Na und, heißt das, du wirst bis ans Ende deines Lebens mit einem ‚Indischen Elefanten' schlafen?» Eine Woche lang redete ihre Tochter nicht mit ihr,

und natürlich war Larysa diejenige, die die andere um Verzeihung bat, obwohl sie in diesem Disput Recht hatte: Was ist das denn auch für eine Generation, die dem Krieg die Schuld für alles gibt!

Meine Güte, während sie hier diese idiotische Zeitschrift las, lag Hans möglicherweise schon irgendwo mit zerschmettertem Schädel am Straßenrand! Mit zitternden Händen wählte sie Svetkas Nummer, und ihre Tochter ging gottlob sofort ans Telefon. Svetkas Besonnenheit beruhigte sie jedes Mal. Das Mädchen erfasste die Situation augenblicklich und sagte: «Mutter, reg dich ab. Denk mal logisch nach. Er glaubt, dass er noch jung ist, richtig? Was hat er danach getan? Nach dem Krieg, meine ich?»

«Er heiratete, hat Kinder bekommen ...»

«Und danach?»

«Er hat seine Frau begraben. Baute ein Haus für Anneliese.»

«Na, dann geh mal zu Anneliese, vielleicht ist er ja dort.»

«Glaubt du etwa nicht, dass Anneliese ihn selbst zurückgebracht hätte?»

«Kennst du Anneliese etwa nicht?», fragte Svetka und hatte verdammt recht.

Anneliese, Ralfs ältere Schwester, sowie die jüngere Schwester Barbara pflegten schon lange keinen Kontakt mehr zu ihrem Vater und zu Ralf und grüßten nicht einmal mehr. Der Familienstreit hatte mit der Teilung des Vermögens zwischen dem Vater und den volljährigen Kindern begonnen. Es war ein wahrer Krieg um das Haus entbrannt, in dem jetzt Ralf lebte, und obschon die Schwestern verheiratet

waren und ihre eigenen Häuser besaßen, verlangten sie von Hans und von Ralf, dass diese ihnen ihren Anteil auszahlten — und den bekamen sie auch. Anneliese eignete sich noch die Hälfte des Grundstückes an, wo ihr neues, noch mit Hans' Hilfe errichtetes Haus stand, weswegen sie nun Nachbarn waren. Bei Vertragsabschluss führten die Schwestern, berechenbar, wie sie waren, eine Klausel ein, der zufolge Ralf für den Vater verantwortlich sein würde und alle Ausgaben zu übernehmen habe, was auch ärztliche Behandlung, Unterbringung im Seniorenheim, Beerdigung und Grabpflege beinhaltete. Die Grenzen der Liebe des Sohnes sind in diesem Schriftstück exakt abgesteckt: Ralf hatte einmal täglich für eine warme Mahlzeit für den Vater zu sorgen. Als Sonderklausel wurde festgelegt, wer für die Blumen auf dem Grab der Mutter zuständig sein würde: Diese Aufgabe wurde Ralf übertragen, und falls plötzlich den Schwestern der Sinn danach stehen sollte, Blumen zum Grab zu bringen, dann wäre er verpflichtet, die Rechnungen für diese Dienste zu bezahlen. Jetzt sorgte Ralfs Gattin für die Bepflanzung des Grabes sowie für bestimmte Blumenkompositionen, zum Beispiel zu Ostern. Anneliese, eine Hausfrau, besuchte ihren Vater einmal im Jahr an dessen Geburtstag und brachte eine Packung Gebäck mit. An den anderen Tagen unternahm sie Spaziergänge, um ein paar Kilogramm loszuwerden, und machte dabei mehrere Runden durch das Dorf. Sie dackelte mindestens dreimal an ihrem Elternhaus vorbei, ging jedoch kein einziges Mal auf einen Sprung zu dem alten Mann hinein. Und die kinderlose Barbara, die in Ebensfeld wohnte, hatte

ein Mädchen aus Rumänien adoptiert und engagierte sich ehrenamtlich, indem sie als Leiterin einer karitatven Organisation Kleidung für Waisenkinder in den ehemaligen sozialistischen Ländern sammelte und Interviews gab. Ihren Vater jedoch besuchte sie nicht einmal an den Geburtstagen.

Sie lief über den Hof und wollte schon bei Anneliese anklopfen, hielt jedoch rechtzeitig inne: Anneliese könnte eine Klage einreichen, und dann würde man sie, eine eigentlich rechtlose Emigrantin, wenn auch Ehefrau eines deutschen Staatsangehörigen, die mit diesem sogar in einem deutschen Rathaus den Bund der Ehe geschlossen hatte, für die Verletzung ihrer Pflicht als Krankenpflegerin auch die 200 Euro entziehen, die sie bezog. Und sie tat so, als ob sie einfach den Magnolienbaum mit den großen rosafarbenen Blüten betrachtete, der natürlich immens viel Geld gekostet hatte. Nein, wenn Hans hier vorbeigekommen wäre, wäre er eher vor dem Eingang gestorben, als dass man ihn eingelassen hätte. Anschließend stürzte sie sich wieder auf die Straße, besann sich aber eines Besseren: Der Wagen! Hans' alter VW sprang augenblicklich an und wedelte geradezu freudig mit einem Rauchschweif, so wie ein Hund mit seinem Schwanz wedelt, ein Hund, der sich auf die Suche nach seinem Herrchen begibt, als spürte er, wozu man ihn jetzt aus der Garage jagte. Während ihr Herz mittlerweile schon richtig raste, rollte sie langsam die vertraute Strecke entlang, die sie regelmäßig samstags und sonntags zurücklegt: An diesen Tagen arbeitet sie in einem Restaurant in Ebensfeld als Tellerwäscherin, ist Ralf doch an den Wochenenden selber in der Lage, sich

um seinen Vater zu kümmern. Sie arbeitet in einem sehr geisteswissenschaftlich geprägten Milieu: Ihre Kolleginnen in der Küche sind eine Russin mit einem philologischen Hochschulabschluss sowie eine Ukrainerin, die in der Heimat als Journalistin gearbeitet hatte. Während der Arbeitszeit diskutieren sie den Stil eines Max Frisch und die Ästhetik eines Marcel Proust und vergessen dabei nicht, die Grillpfannen mit Spülmittel zu waschen, bis sie glänzen. Hier, in tiefster bayrischer Provinz, die allerdings nicht weniger zivilisiert und gepflegt ist als die großen Städte, hat keine von ihnen die Chance, eine Arbeit zu finden, die ihren Abschlüssen entspricht. Daher lassen sich die drei jungen Frauen gerne in intellektuelle Gespräche ein. Was bleibt ihnen auch anderes übrig: Ihre Männer, dafür würde sie ihre Hand ins Feuer legen, wissen nicht im Entferntesten, wer Max Frisch war.

Sie ließ die blühenden Elysien der Vorgärten hinter sich und fuhr an einem Feld vorbei, auf dem direkt am Straßenrand ein Baum mit einem ungewöhnlichen breiten Blätterdach wuchs, der sie einst stark beeindruckt hatte. Die flache Baumkrone sah aus, als ob sie in zwei Teile zerfiel, und erinnerte an einen riesigen flatternden Schmetterling, der dabei ist, in die Höhe zu fliegen. Der mächtige Stamm schuf so etwas wie einen Sitzplatz. Später, als sie näher herangetreten war, begriff sie, dass ein Könner mit seiner Schere dem Baum die nötige Form gegeben hatte. Die hiesigen Bäume sind Gefangene der Zivilisation und strahlen möglicherweise aus diesem Grunde kein Licht aus. Dort, im alten Park ihrer eigenen Kindheit, war das schweigsame Leuchten geblieben, das

im Pionierlager in der ganzen stets lärmenden Gruppe wahrscheinlich nur sie alleine empfand. Sogar die Handflächen, die sie gerne wie eine Kuppel über den trüben Blüten der Schafgarbe zusammenfaltete, begannen in einem warmen, rotgoldenen Licht zu erstrahlen ... Sie verpasste eine Abbiegung und bremste scharf, die Erinnerung verflog wie ein aufgescheuchter Schmetterling. An diesem gepflegten (aber auch glücklichen?) Baum hatten Svetka und sie gerne eine Rast eingelegt, wenn sie in der Gegend spazieren gegangen waren. Als Hans noch nicht ihre ständige Anwesenheit beanspruchte ...

Wer weiß, vielleicht hatte der alte Mann wieder geglaubt, man wolle ihn an die Front schicken, und sich versteckt? Nach ihrer Rückkehr aus Ebensfeld einen Monat zuvor hatte sie Hans mit Schaum vor den Lippen und mit vor Schreck geweiteten Pupillen durch das Haus laufen sehen, in einem grüngrauen Hemd mit zwei Brusttaschen und einem breiten Gürtel, das sie sogleich an die Uniform eines Wehrmachtssoldaten erinnerte.

«Harold hat gesagt, ich soll in den Krieg! Er ließ mich die Uniform anziehen! Er hat gesagt, sie schikken sonst meine Mama nach Dachau! Aber ich will nicht in den Krieg! Ich will nicht! Ich war im Vernichtungskrieg! Was wird aus meiner Mama?!»

Und er beharrte so überzeugend auf seinen Äußerungen, dass Ralf und sie schon selber glaubten, sie hätten einen Dachschaden, und sie riefen Harold an, einen Bäcker aus dem Nachbarort, der ihnen an den Freitagen Brötchen und Gebäck lieferte, und da es gerade ein Freitag war, fragten sie, die Verlegenheit überwindend, nach jenem Hemd. Natürlich stellte

sich alles als Wahnvorstellungen des Kranken heraus. Später fiel Ralf wieder ein, dass Hans dieses Hemd in Feldgrau in seiner Jugend als Arbeitskleidung getragen hatte. Wo es ihm gelungen war, das Hemd nach Jahrzehnten wieder auszugraben, blieb ein Rätsel. Damals hatte sie dem alten Mann ein Beruhigungsmittel gegeben und das Hemd aus seiner Reichweite genommen. Er hatte es auch sofort vergessen und damit begonnen, in voller Konzentration die Schränke und Schubladen in der Küche zu inspizieren: Wenn er nicht im Krieg war, suchte er Süßes und durchwühlte alle für ihn zugänglichen Orte. (Jenes Hemd hatte sie später nur mit Mühe aus dem Korb für humanitäre Hilfe herausfischen können, in den Ralf es, ohne lange zu überlegen, geschmissen hatte. Diese Körbe, die zum Sammeln alter Sachen bestimmt waren, stellten Wohltätigkeitsorganisationen einfach vor die Haustür. Auf jedem Korb war sorgfältig ein Anhänger mit einer Länderbezeichnung angebracht. Auf diesem Korb stand «Weißrussland». Die Sachen werden belarussischen Altersheimen überreicht, hatte man ihr erklärt. Unwillkürlich stellte sie sich im Hemd eines ehemaligen Wehrmachtssoldaten ihren Großvater vor, der die Besatzung erlebt hatte und schon vor langer Zeit gestorben war, — aber war das etwa wichtig? — und feuerte den Ofen an, um den Teufelslumpen zu verbrennen.)

Was hatte sich seit jenem Tage noch in ihr Gedächtnis gebrannt? Spät am Abend, es war fast Nacht, hatte das Medikament aufgehört zu wirken, und Hans bekam erneut einen Anfall. Er wühlte sein Bett um, öffnete alle paar Minuten die Jalousien in seinem Zimmer und versteckte sich vor den Men-

schen aus seinem Spiegel. Er unterhielt sich mit seinem Spiegelbild. Ein inkohärenter Redeschwall nahm bis zum Morgen kein Ende: Aufgrund der Tabletten verwechselte der Kranke Tag und Nacht. Sie fiel um sechs Uhr in einen leichten Schlaf und hörte nach einiger Zeit einen Schrei. Als sie nach unten gegangen war, erblickte sie ihn im Korridor: Er hielt den Kopf zwischen seinen Händen und stöhnte.

«Was ist los, Hans?»

In der Dunkelheit war er erwacht und wähnte sich eingesperrt in einer Scheune voller Leichen:

«Sie haben sie verstümmelt ... ich wusste nicht, wie ich da heraus sollte ... warum hat man sie erschossen?! Wofür?!»

Ein Schaudern erfasste sie, aber er stand vor ihr und hielt seinem Spiegelbild drohend seine Faust entgegen:

«Warte nur, du Bastard, Hans kriegt dich, wo immer du dich versteckst!»

Sie führte den Alten in sein Bett zurück (als er am Morgen erwacht war, konnte er sich wie immer an nichts erinnern). Nachdem sie ein paar Tropfen Corvalol in ein Glas gegeben hatte, sagte sie sich, dass es so nicht weitergehen könne, denn bald würde auch sie genauso wie ihr Schutzbefohlener einen Dachschaden bekommen.

All dies zermürbte sie dermaßen, dass sie Ralf überredete, ein anderes Bett zu bestellen, eine Sonderanfertigung mit hohen Rändern, ein mit einem Mechanismus ausgestattetes «Superbett», mit dem man den Patienten zum Füttern anheben konnte, und mit einem Holzgitter, aus dem der Kranke nicht alleine heraussteigen konnte.

«Das alles für ganze fünf Euro!». Ralf rieb sich zufrieden die Hände, bis er erfuhr, dass das Bett nach Hans' Tod einem anderen Kranken übergeben werden müsste, weshalb Ralf im Schadensfalle den vollen Preis für dieses technische Wunder zu zahlen habe — mehr als ein Tausend Euro. In jener Nacht demonstrierte Hans seine Geringschätzung für Sparmaßnahmen jeder Art: Nachdem man ihn gewaltsam ins Bett gelegt hatte, riss er so lange an den hölzernen Querbalken, bis sie nicht mehr standhielten. Das Bett, entfernter Verwandter des Katafalks, ist für beherrschte Patienten bestimmt. Eine Beschädigung ist in der Krankenversicherung nicht vorgesehen. Mit den Nerven völlig am Ende machte sich Ralf am nächsten Morgen an die Reparatur des Bettes, während Hans, der schon wieder alles, was sich in der Nacht zugetragen hatte, vergessen hatte, mit kindlichem Lächeln Harolds' Marzipanbrötchen in sich hineinstopfte und sein «Auf Wiedersehen ... auf Wiedersehen» anstimmte. Ihre Probleme hatten sich noch vermehrt: Von nun an musste sie des Nachts das Bett bewachen. Der Alte verfügte noch über ausreichend Kraft, hatte ideales Hämoglobin und ein gesundes Herz. Wenn er wieder das Eigentum der Krankenkasse beschädigen würde, so müsste sie Ralf zu Hilfe zu rufen. So saß sie also beim Kranken, und um nicht einzuschlafen, grübelte sie darüber, wer die Gefilde der Mnemosyne beschütze, wie die Wächter ihrer Grenzen beschaffen seien und warum keine Generation einen zinslosen (!) Kredit aus der Bank des Menschheitsgedächtnisses in Anspruch nehmen wollte ...

Kann denn ein Mensch überhaupt ein fremdes Gedächtnis benutzen? Der Lebensrhythmus beschleunigt sich, alle Erfahrungen sind augenblicklich veraltet. Jeder ist einsam wie ein im Schnee verlorener Handschuh, wir greifen wie nach Bruchstücken von Eisschollen nach den von Buchautoren gezogenen Schlussfolgerungen, aber wir brauchen diese nicht mehr, denn die Welt, in der jene lebten, existiert nicht mehr. Ganze Realitätsschichten lösen sich von unserem Ufer und entschwinden als ein Schwarm in das Nichts ... Als sie einmal trotz allem auf ihrem Posten einschlummerte, hatte sie folgenden Traum: Mnemosyne, in einem kurzen Jeansrock und mit einer Tätowierung auf dem Schenkel, tanzt wie eines dieser Mädchen aus einer Ebensfelder Disko, die Ralf noch immer besuchte, mit einem Spiegel wie auf einem Podium auf einer katastrophal schrumpfenden Insel, und unten fließt die Lethe. Der Spiegel der Titanide und das eiskalte Winterwasser der Lethe bilden einander ab, das Gedächtnis löscht das Vergessen aus, das Vergessen spült die Erinnerung hinfort ... Und dieser Traum war so lebhaft und klar, dass sie sich nach dem Erwachen lange nicht beruhigen konnte.

Linkerhand war der Friedhof zu sehen. Möglicherweise hatte es den Kranken zum Grab seiner Frau gezogen? Obwohl sie bei Hans eigentlich keine besondere Liebe zu Elsa hatte feststellen können, der Alte erwähnte seine ehemalige Gattin nicht ein einziges Mal, aber trotzdem ... Sie parkte das Auto und schritt auf einem gepflegten Weg an Marmorgrabsteinen vorbei, auf denen nach hiesigem Brauch keine Portraits der Verstorbenen angebracht waren.

Wenn sie noch vor einem Jahr Blumen zu Elsas Grab gebracht hatte, hatte sie den Alten gerne mitgenommen. Er half ihr, den Beutel mit Erde zu tragen und stand danach stumm daneben, während sie sich streng an die jeweilige Jahreszeit haltend am neuen Wohnort sorgfältig im Frühling die Stiefmütterchen und Narzissen in Ordnung brachte, rote Begonien im Sommer, Erikas im Herbst sowie Tannenzweige im Winter. Die Toten stellen keine Ansprüche. Elsa und sie waren Altersgenossinnen, wenn man das von einer Verstorbenen sagen kann: Als Ralfs Mutter in einem See ertrunken war, war sie im selben Alter gewesen wie Ralfs Frau jetzt. Sie empfand gar Freude bei dem Gedanken, dass sie an diesem Ort ein *eigenes* Grab hatte, um das sie sich kümmern konnte. Als Ausländerin hatte sie keine Chancen, sich hier einen so schicken Grabstein zuzulegen, denn für einen Platz auf dem Friedhof musste man zahlen. Ob du in die Kirche gehst oder nicht, sei so gut und gib der Kirche Geld dafür, dass dir irgendwann einmal der Weg in die Stadt der Seligen (und somit in das Paradies) geebnet werde. Dafür wird dann dein vergänglicher Körper nicht in einem hastig zusammengeschusterten Sarg in den Mauern eines Plattenbaus verwesen, wo auch so kein Platz dafür ist, dass zwei Menschen aneinander vorbeigehen können, und die trauernden Angehörigen nicht Hals über Kopf herumlaufen auf der Suche nach Geld für Wodka, um es den vielen Anverwandten und Kollegen recht zu machen. Hier nimmt sich des Verstorbenen eine Firma an, die sich um eine angemessene Verwertung der sterblichen Überreste kümmert: Nach allen erforderlichen Manipulationen wird der hergerichtete Leichnam auf

den Friedhof gebracht, es wird das Lokal bestellt, wo sich die Trauergemeinde nach der Beisetzung versammeln kann: Heißer Kaffee, belegte Brötchen mit Wurst und Käse — eine bescheidene Mahlzeit, die es gestattet, die körperliche Hülle zu stärken, ohne ihre Vergänglichkeit in Vergessenheit geraten zu lassen. Hierin bestand ein großer Unterschied zu jener übertriebenen asiatischen Völlerei, zu jenen wilden Zechgelagen, die man in ihrer Heimat zu diesen traurigen Anlässen zu veranstalten pflegte, wobei die Menge der Gerichte und der Getränke von den Trauergästen geradezu als proportional zum Trauergrade beim Gastgeber gewertet wurde ...

An Elsas Grab war Hans nicht aufgetaucht. Plötzlich spürte sie, wie müde sie an diesem verrückten Tag geworden war, und ging an einem Grabstein in die Hocke. Ihre Blicke wanderten über die von niedrigen gestutzten Wacholdern umgebenen Grabplatten der Nachbargräber. Jedes einzelne Grab war ein kleiner gehegter und gepflegter, von obligaten Rosensträuchern gesäumter und mit Grablichtern und weißen Engelsfiguren dekorierter Garten. Das hatte keinerlei Ähnlichkeit mit den letzten Ruhestätten ihrer Verwandten! Sogar der Himmel über dieser Nekropole ist emailleblau, wie auf den antiken Mosaiken in der Bayreuther Eremitage. Dort, wo ihre Mutter begraben liegt, ist der Himmel fast immer verregnet und verfault, er drückt einem auf die Schultern und löst bei den Einwohnern in jenem Provinzstädtchen eine Depression aus, aus der es bekanntermaßen nur einen Ausweg gibt: Hemmungsloses Saufen. Aber die hiesige Subtilität können sich nicht alle leisten. Der Platz neben Hans‘

Ehefrau ist schon lange bezahlt. Die Einhaltung des Vertrages einfordernd, hat sich die beflissene deutsche Erde auf der einen Seite des Grabes, wo der Sarg stehen muss, bereits gesetzt. Die Bezahlung für einen Platz unter der zärtlichen bayrischen Sonne geht auch nach dem Tod weiter. Einem neuen Gesetz zufolge zahlen die Angehörigen die Pacht für das Stück Erde schon dreißig Jahre im Voraus und nicht zwanzig, wie es früher der Fall war. Die Leiche kann sich heutzutage aufgrund von Veränderungen in der Mikroflora des Bodens innerhalb so kurzer Zeit nicht vollständig zersetzen. Das ist mit jener kalten Präzision berechnet, von der es Larysa bei all ihrem Hass gegenüber den chaotischen Zuständen in der Heimat einfach kalt den Rücken herunterläuft. Die Bezahlung für das Entfernen des Grabsteins wird sofort fällig: Wenn es den Angehörigen nach dreißig Jahren auf einmal in den Sinn kommen würde, so mir nichts, dir nichts den Wohnsitz zu ändern, ohne die Kirche in Kenntnis zu setzen (was natürlich nie passiert), dann brauchte diese sie nicht ausfindig zu machen. In diesem Jahr hatte Ralf ein höfliches Erinnerungsschreiben erhalten, demnach die im Voraus bezahlte Zeit abgelaufen sei und man entweder weiter bezahlen oder den Grabstein der Mutter zerstören und den Platz vermögenderen Toten zur Verfügung stellen müsse: Für fünf Jahre einhundert Euro, für zehn Jahre zweihundert Euro usw. Also, liebe Touristen, die Sie auf der Suche nach Wundern unterwegs sein mögen, wenn Sie in einem Massengrab, vielleicht auch in einer Abfallgrube, wie es sie am Rande einiger europäischer Friedhöfe gibt, von einem Bagger sorglos hinge-

worfene Knochen sehen, Knochen, *die niemandem gehören*, dann sollten Sie wissen: Das sind die Gebeine von russischen, belarussischen, ukrainischen Frauen, die sich furchtlos aus ihrer trostlosen Heimat auf die Suche nach einem Glück voll Glanz und Glimmer oder nur nach einem sorgenfreien Leben aufgemacht haben ...

Sie kehrte ins Dorf zurück und parkte das Auto neben der Veranda. Was soll's, wahrscheinlich blieb nichts anderes übrig, als die Polizei zu rufen. Als der in der Nachbarschaft lebende Paul in der Nacht zu Helloween verschwand (sie konnte sich gut daran erinnern, denn die Kinder klopften in Hexenkostümen an die Haustüren und sammelten Süßigkeiten), hatte die Sache ebenfalls mit der Polizei geendet. In der Nacht war der erste Schnee gefallen, und am Morgen fanden die Polizisten Pauls erstarrte Leiche. Am Abend hatte sein Bruder, ein ebenfalls ziemlich betagter Mann, die Türe verriegelt und sich schlafen gelegt. Wer hätte es sich schon ausmalen können, dass der Kranke das Haus durch ein Panoramafenster verlassen würde! Diese Geisteskranken sind zuweilen so hintertrieben und strotzen vor einem beneidenswerten Ideenreichtum, wenn sie aus dem Haus herausschlüpfen wollen. Da braucht man nur das heutige Abenteuer mit Hans in Betracht zu ziehen. Sie hatten Paul damals nicht lange suchen müssen: Am Rande des Dorfes stand das leere Haus seiner Eltern. Durch ein ihm bekanntes Loch war der Flüchtling eingestiegen und in seinem Bett eingeschlafen, in dem er in seiner Jugend geschlafen hatte. Wahrscheinlich hatte er sich wie Hans in die Kindheit zurückversetzt, und die Temperatur war bis auf minus acht Grad gefallen.

Das ganze Dorf war von diesem Tohuwabohu um das traurige Ereignis erschüttert. Polizeibeamte kamen in die Häuser und stellten Fragen. Da bemerkte sie an jenem Vormittag nicht sofort die ungewöhnliche Stille: Hans rief seltsamerweise nicht nach ihr. Da der Alte bewusstlos neben der Türschwelle lag, gab die Zimmertür nur mit Mühe nach. Im Halbdunkel (die Jalousie war heruntergelassen) konnte sie die Wunde auf seiner Stirn und das angerissene Ohrläppchen registrieren. Ralf war bereits zur Arbeit gefahren, so dass sie Alicja und Otto holen musste. Zu dritt hoben sie Hans hoch und legten ihn auf das Bett. Alicja stöhnte erst auf, als sie die Blutflecken auf dem einst hellen Teppichboden betrachtete, welcher jetzt auf der Biennale für Avantgardisten einen Preis gewinnen würde: Ein abstraktionistisches Muster von Blut und Urin, Flecken in mannigfaltigen Farbtönen, die ebenfalls Körperflüssigkeiten entstammten (das Wechseln der Windeln war nicht immer von Erfolg gekrönt) — sie hätten den Teppich gut und gerne in einer Galerie für moderne Kunst ausstellen können. Durch den Blutverlust war der Alte damals so geschwächt, dass er ganz ruhig dalag. Sogar das Holzgitter löste in ihm nicht die übliche Aggression aus.

Vielleicht lag Hans jetzt ebenfalls irgendwo mit eingeschlagenem Schädel und blutüberströmt herum? Oder vielleicht hatte er Hunger bekommen und Dreck von der Straße in den Mund genommen und darauf herumgekaut und ist natürlich schon längst daran erstickt? Essen nimmt er ganz gierig in sich auf und vergisst dabei das Kauen. Vor kurzem hatte

er sich an einem Stück Fleisch verschluckt, er konnte nicht mehr atmen und war bereits ohnmächtig geworden. Der Hubschrauber des deutschen Rettungsdienstes kam von Ebensfeld geflogen. Sie hatten gerade einmal sieben Minuten ausgeharrt, der Hubschrauber landete am Rande des Dorfes, die Ärzte sprinteten über das Feld, sportlich aussehende Männer mit ihren mit allerlei Gerätschaften vollgestopften Taschen, dreihundert Meter waren sie gerannt, ohne außer Atem zu kommen (ihr fallen sofort die Glucken ein, die beim Rettungsdienst in ihrem Städtchen daheim tätig sind, mit ihren kommodenförmigen Gestalten, wie sie sich langsam aus einem auseireinanderbrechenden Bulli herausplumpsen ließen). Der Alte hatte schnarchend auf der Seite gelegen. Sie hatten ihm den Hals gereinigt, aber ihn dennoch ins Krankenhaus mitgenommen, da sie bei ihm eine Lungenentzündung befürchteten. Als Ralf und sie ihn einen Tag später besuchten, erkannte Hans sie nicht und redete irgendeinen Blödsinn, denn bei seiner Krankheit verdichtete jede wie auch immer geartete Umstandsveränderung den Nebel in seinem Kopf.

Im Krankenhaus war er übrigens mit einem speziellen Gürtel an das Bett gebunden worden, damit er nicht aufstand, — eine zur rechten Zeit getroffene Maßnahme, wenn man das heutige Ereignis berücksichtigte. Ständig musste er irgendwohin laufen, über Türschwellen und Treppenstufen stolpern, er stürzte und lag danach wie ein Brett herum, mit blauen Flecken übersät, und sobald man ihm auf die Beine geholfen hatte, humpelte er wieder los wie ein kleines Kind, das gerade erst das Lau-

fen lernt. Seine heutige Odyssee hätte man natürlich vorhersehen müssen, er hatte schon mal einen ähnlichen Versuch unternommen, wenn es damals auch niemand erwartet hatte.

Da der Schlafmangel bei ihr fast Halluzinationen ausgelöst hatte, hatte sie auf Anraten des Arztes dem Kranken die Dosis Melperon erhöht. Wie sich später herausstellte, war die Dosis so groß, dass man ein Nilpferd hätte schlafen legen können. Gegen Mittag rieb sich Hans ungerne den Schlaf aus den Augen und lag stundenlang entspannt im Bett. Sie mussten ihn nur einmal füttern, Frühstück und Abendessen entfielen. Auf die Umwelt reagierte er kaum, er döste auch tagsüber auf dem Sofa im Wohnzimmer vor sich hin, und nach einem Monat solcher Dosierungen war er völlig von Kräften gekommen: Wie ein neugeborenes Kalb konnte er sich nicht mehr auf den Beinen halten, wie viele Male er fiel, zählte sie gar nicht erst. Er aß beinahe nichts und verrichtete seine Notdurft natürlich sofort an Ort und Stelle. Er sah so schlecht aus, dass sie es mit der Panik zu tun bekam und den Arzt zur Blutabnahme rief. Die kleinste Erkältung gibt ihm den Rest, sagte der Arzt, die Leukozyten sind stärker zurückgegangen, als gut für ihn ist. Sie hörte auf, ihm diese Pillen zu geben, wickelte ihn in Schals und warme selbstgestrickte Pullover ein, wie sie das einst mit Svetka nach jeder Angina getan hatte, und empfand mit ihm unwillkürlich Mitleid. Er wurde gefügig und hilflos und betrachtete sie mit seinen trüben Emailleklumpen und flüsterte sein «danke schön». Nach kurzer Zeit erholte er sich wieder ein wenig, war aber noch schwach und stürzte ständig — und es war furchtbar mit anzusehen, wie

er fiel: Einmal krachte er der Länge nach auf seinen Rücken, so dass sie schon glaubte, dies sei das Ende. Es ging aber nochmal gut aus. Angsteinflößend wie ein Gogolscher Toter, mit blauroten und schwarzen Flecken übersät (aufgrund seines schlechten Blutkreislaufes verheilten die Hämatome nicht), flitzte er ständig irgendwohin, fiel abermals und schlug sich irgendeinen Körperteil blutig. Sie mühte sich ab, ihm aufzuhelfen, konnte ihn aber nicht alleine hochheben: Schwer wie ein Mehlsack und ebenso unbeholfen war er ihr keine große Hilfe. Später kam sie dann schon auf die Idee, einen Stuhl unterzuschieben, damit er sich irgendwo festhalten konnte, und währenddessen hob sie ihn langsam an. So bewegten sie sich wie eine einzelne Kreatur mit doppeltem Rükken und einem Stuhl vorne im Haus herum.

Später erholte er sich dann dermaßen, dass er ständig versuchte, auf die Straße herauszuschleichen. Damals trug sich sozusagen die Generalprobe für das heutige Ereignis zu. Er stand mit ihrer Hilfe auf und kroch bis zu seinem Sofa ins Wohnzimmer. Dort ließ sie ihn alleine und war mit Arbeiten im Haushalt zugange, sich dessen sicher, er sei zu schwach, um irgendwohin zu gehen. Aber sie hatte die Rechnung ohne den Wirt gemacht. Sie räumte im ersten Obergeschoss auf. Ralf war in den Wald gegangen, um Holz zu besorgen, und hatte vergessen, die Haustür zu schließen. Es war Frühlingsanfang und begann bereits zu dunkeln. Damals hatte Hans unterwegs einen Schuh verloren und es nur bis zum Ende des Dorfes geschafft, wo er in eine Pfütze am Straßenrand fiel und sich natürlich aus eigenen Kräften nicht mehr aufrichten konnte. Anhand dieses Schuhs, der mitten auf der Straße herumlag,

fand sie ihn dann schließlich, und mit der Unterstützung eines vorbeifahrenden vornehmen Herrn half sie ihm wieder auf die Beine. Es kostete sie außerdem viel Mühe, die Finger an seiner rechten Hand auseinanderzudrücken, mit der er sich an eine Latte festklammerte, die er vermutlich aus einem Garten hatte mitgehen lassen.

Das alles erzählte sie damals der Ärztin in der Klinik, wobei sie nicht verschwieg, dass Gerichtsärzte sowie ein Rechtsanwalt bei ihnen zu Hause gewesen waren, die bestätigt hatten, dass man Hans unter Vormundschaft stellen müsse. Im Ergebnis hatte man Ralf einen Vormundschaftsausweis ausgestellt und ihm einen dicken Leitfaden mit auf den Weg gegeben. Schließlich hatten sie bis zu jenem Zeitpunkt nicht das Recht gehabt, den alten Mann am Verlassen des Hauses zu hindern oder die an ihn adressierte Post zu lesen: Das war ja sein *Menschenrecht*. Allein nach Inkrafttreten der gerichtlichen Verfügung war niemand mehr dazu verpflichtet, auf das sonderbare Verhalten des Kranken Rücksicht zu nehmen. Ob man jetzt auch zu Hause und nicht nur im Krankenhaus Hans mit einem Gürtel an das Bett festbinden dürfe, wollte sie wissen. Ja, antwortete die Ärztin, das darf sie jetzt. Und zögern Sie nicht länger, wenn Sie ihn immer noch in einem Altersheim unterbringen möchten. Es gibt noch freie Plätze dort. Sie können ihn dort zunächst zeitlich befristet unterbringen, wenn auch ein kurzfristiger Aufenthalt teurer ist, fügte die Medizinerin hinzu.

Nach diesen Worten der Ärztin fiel Larysa noch ein «Enkel eines sibirischen Schamanen» ein, ein emigrierter Psychologe, zu deren Vortrag

in einem Frauenhaus sie eingeladen war, und sie war mit großer Neugier hingegangen. Ein älterer Herr mit ausgesprochen europäischem Aussehen, der einen modischen Pullover trug und einen auf jugendlich gemachten grauhaarigen Igelschnitt hatte, lächelte mit allen zweiunddreißig unnatürlich weißen Zähnen und philosophierte darüber, dass der Tod eine komische Angelegenheit sei. Sie verstand zwar nicht, was daran so komisch sei, staunte aber doch über diese alternative Herangehensweise. Wir haben noch keine endgültige Entscheidung getroffen, sagte Ralf. Ich verstehe, erwiderte die Ärztin, dass es nicht einfach ist, aber letzten Endes muss man sich damit abfinden. Es gibt in Deutschland immer mehr Menschen, die an Alzheimer leiden, aber die jungen Leute müssen auch leben und arbeiten.

Jetzt, da sie sich der Gerechtigkeit jener Worte der Ärztin bewusst geworden war, brach sie nervlich angespannt, wie sie war, und weil sie Angst um den jetzt irgendwo sterbenden Hans hatte (was keineswegs komisch war), in Schluchzen aus. Und da ertönte einstimmig das nervtötende Piepsen ihres Handys. Sie hörte eine Frauenstimme, die Deutsch mit einem schlimmen, wahrscheinlich osteuropäischen Akzent sprach: «Ist das nicht Frau Kraus? Ich fahre hier Auto und finde in Dreck liegt alter Mann mit Zettel. Ihre Telefon auf Tasche ...»

Und Larysa schrie auf Russisch: «Ja, das ist meine Nummer, wo sind Sie?! Ich bin schon unterwegs!»

* * *

Komm schon, mein Freund, zieh den Pulli aus, jetzt das Hemd, ja genau so, das machst du ganz toll, Hans, jetzt die Hose und die Socken, gehen wir uns waschen, Hänschen, nun mach schon, was sträubst du dich so, du Schlawiner, bald wirst du gestriegelt und gebügelt sein wie ein Bräutigam, morgen erwarten sie dich an einem ganz wunderbaren Ort, dort findest du ein ganz nettes Großmütterchen mit Maniküre und einer Frisur von einem ganz modischen Friseur, hier spielen sie mit siebzig Jahren alle noch Golf, da ist eine Stufe, Vorsicht, keine Angst, ich halte dich fest, jetzt mit einem Bein in die Wanne, ruhiger, rutsch nicht aus. All das sagt sie dem Alten auf Belarussisch. Sie hatte schon seit langer Zeit die Gewohnheit, sich mit dem Kranken in ihrer Muttersprache zu unterhalten. Sie kann bis heute nicht genau sagen, ob Hans sie versteht. Er äußert weder Erstaunen noch Gereiztheit, sondern setzt sich gehorsam an den Tisch, sie muss nur rufen: «Hans, Mittagessen!» Und er fängt auch selber an sich auszuziehen, sobald sie das Kommando gibt: «Waschen!» Jetzt, Hänschen, mit einem Bein vorsichtig auf den Fußboden, du brauchst dich nicht zu beeilen, mein Freund, du wirst deine Plätzchen noch früh genug verputzen können, und wie sehr kann ein Mensch denn herunterkommen, mein Gott? Schau dich mal an, also wirklich, wenn du wenigstens noch wüsstest, wo du dir dieses schmucke Aussehen geholt hast. Ein gigantischer lilaschwarzer Bluterguss nimmt auf Hans' Schen-

kel als Resultat des einsamen Spazierganges eine immer dunklere Farbe an.

Nachdem sie sofort an die Stelle, wo er auf der Erde lag, geeilt war (nur ein paar Meter hätten bis zu einer tiefen Schlucht gefehlt) — so hatte sie die unerwartete Retterin, die sich als Deutschrussin aus Sibirien herausstellte, gefunden —, wurde ihre Aufmerksamkeit auf einen hölzernen Schuhlöffel gezogen, den Hans mit seiner rechten Hand umklammert hielt. Na erzähl mal, wozu brauchst du diese Stöcke? Wozu hast du die Balken aus dem Bett kaputt gemacht? Wohin treibt es dich, wenn du ausbüchst? Warum fühlst du dich bei uns zu Hause nicht wohl? Warte mal, morgen bringen wir dich dahin, wo du nicht so einfach stiften gehen kannst ... Sie zieht die Windelhosen über seine gelbe, abgewetzte Haut (jetzt passierte es auch schon am Tage: Nach einer Woche im Krankenhaus hatte Hans endgültig vergessen, wo sich im Haus die Toilette befand, und jetzt würde man ihr wegen erhöhter Belastung wahrscheinlich die zweite Pflegegruppe zuteilen, die ihr früher verweigert wurde). Sie zieht dem Alten die Strümpfe, die Unterhose, eine Trainingshose an (auf Cordhosen, die er vor dem Krankenhausaufenthalt getragen hatte und von denen sie für verdammt viel Geld ein paar neue gekauft hatten, hatten sie verzichten müssen: Er hatte längst den Umgang mit Reißverschluss und Knöpfen verlernt, und so kam er aus der Toilette mit offenem Hosenschlitz heraus, dabei hatten sie noch Glück, wenn sein verschrumpeltes Geschlechtsteil nicht heraushing), dann noch Hemd, Pullover — fertig. Ralf rasierte seinen Vater, und ihre Bekannte aus Ebensfeld schnitt ihm die Fingernägel mit einer

speziellen Maschine: Wegen des seit Jahren sprießenden Nagelpilzes konnte man ihnen mit einer Schere nicht mehr beikommen. Sie betrachtete den frischer aussehenden und irgendwie auch jünger gewordenen Hans eine Weile und begann dann mit dem Packen seiner Sachen.

Vor einer Woche waren Ralf und sie zur Entscheidung gekommen, den Kranken in einem Altersheim unterzubringen. Nach den Ereignissen vom neunten Mai war dieser Entschluss unwiderruflich herangereift. Zunächst würden sie ihn für einundzwanzig Tage abliefern, was ihrem gesetzlich festgeschriebenen bezahlten Jahresurlaub entsprach, den der deutsche Staat Personen bewilligt, die einen Schwerkranken pflegen. Und danach, wenn der Urlaub vorbei sein würde, dann würden sie aller Wahrscheinlichkeit nach den Alten ganz in der Einrichtung anmelden.

«Siehst du, wie gut es ist, dass man dir nicht die zweite Pflegegruppe bewilligt hat, denn dann wäre auch die Unterbringung in der Anstalt teurer», sagte Ralf zufrieden, und sie wunderte sich zum wiederholten Male, mit was für einer Leichtigkeit die Menschen hier Anlass zum Glücklichsein finden: Was für ein Segen, dass er einhundert Euro gespart hat! Ralf geriet dermaßen außer Rand und Band, dass er sie ins Café einlud und sogar *Champagner* bestellte — logischerweise das, was ihre Landsleute darunter verstanden, also *Sekt*, denn echter Champagner wird nur in der Champagne hergestellt und ist sündhaft teuer. (Alles andere ist Perlwein, hier nennt man ihn Sekt. Nach einem Besuch bei Deutschen hatte sie mal gesagt, dass man in Belarus an den Feiertagen *Champagner* trinkt, und da gingen ihnen die Augen über vor Verwunde-

rung und vor Entsetzen über die Verschwendungssucht dieser Leute, die keinen Anstoß daran nehmen, Kleidung aus zweiter Hand aufzutragen.) Und als sie ihr Glas *Sekt* geleert hatte, eröffnete ihr Ralf, dass er sich morgen wegen eines dringenden Auftrages auf keinen Fall freinehmen könne und daher sie Hans in das Heim fahren müsse.

Das Pflegeheim ist von einem englischen Rasen mit kegelartig geschnittenen Sträuchern umgeben. Die Hecke ist ebenfalls wie mit dem Lineal gestutzt. Neben der Eingangsveranda sind Blumenbeete angelegt. Die Rosen scheinen an einem solchen Ort künstlich, zu luxuriös und seelenlos. In der Eingangshalle gibt es ebenfalls viele Blumen und eine trostlos in die Ecke abgeschobene dekorative Palme in einem Kübel. Hans und sie werden vom diensthabenden Arzt in Empfang genommen, und es besteht kein Zweifel daran, dass er sich aufrichtig freut, sie zu sehen: Für den kurzfristigen Aufenthalt in dieser Anstalt bezahlt Ralf an die zweitausend Euro (wovon die Hälfte von der Krankenkasse übernommen wird). Während der medizinischen Untersuchung benimmt sich Hans wie ein Musterknabe: Auf die Fragen gibt er vernünftige Antworten, er strahlt wohlwollend und freundlich (genauso wie damals, als der Hausarzt da gewesen war), und sie wundert sich schon wieder über die zwei völlig unterschiedlichen Gesichter des Kranken: das eine am Tag, das andere in der Nacht.

«Was für ein höflicher alter Herr», sagt der Arzt, während er die Papiere ausstellt (*aha, ich bin gespannt, was für ein Liedchen du anstimmen wirst, wenn er um Mitternacht anfängt, Schützengräben*

auszuheben) und teilt ihr feierlich mit, dass Ralf und sie endlich die richtige Entscheidung getroffen hätten: „Sie haben es ohnehin schon lange genug ertragen, die meisten halten es kein Jahr aus: Das ist aber auch eine Frage der Zeit und der Nerven", sagt er. In Begleitung des Arztes geht sie durch die Korridore des Pflegeheimes. In der Halle gibt es wie in einem richtigen Bestattungsunternehmen eine große Menge Zierpflanzen. Zwischen den Gewächsen sitzen und promenieren die Bewohner des Hauses, einige von ihnen in Rollstühlen. Sie ähneln selber den immergrünen Pflanzen in den Töpfen. Hier leben gewöhnliche einsame Menschen, erläutert der Arzt, jede Dame (jeder Herr) hat ein separates Zimmer, man kann seine eigenen Möbel mitbringen, man kann auch das Staatseigentum in Anspruch nehmen. Wer möchte, kann seine Mahlzeiten selber in der Gemeinschaftsküche zubereiten, die meisten jedoch bevorzugen die bereits zubereiteten Speisen oder bestellen sie anhand der Speisekarte im Restaurant. Mein Gott, im Restaurant bestellen! Unserem Opa muss das Glas an den Mund geführt und mit Gewalt die Flüssigkeit eingegossen werden, oder es ist wenigstens darauf zu achten, dass er austrinkt: Menschen wie Hans leiden sehr schnell an Dehydrierung. (Hat sie jetzt etwa «*unserem* Opa» gesagt?) Hier kommen auf eine Krankenschwester zehn Patienten, sagt der Arzt schulterzuckend, pro Person eine Viertel Stunde Zeit für das Mittagessen, wenn es der Kranke nicht schafft, organisieren wir künstliche Ernährung. Heißt das, man hat vor, Hans intravenös mit irgendwelchen Flüssigkeiten zu füttern? Und wird jemand nachts an seinem Bett Wa-

che halten? Die Sache ist die, Herr Doktor: Er hat Angst vor der Dunkelheit, wenn er alleine ist. Dann glaubt er, dass immer noch Krieg ist. Verstehen Sie? Man hatte ihn siebzehnjährig in okkupiertes Gebiet geschickt ... (Sagt sie das?). Was soll's, dann erhöhen wir die Dose Melperon, sagt der Arzt freundlich und gleichgültig. Er nimmt aber auch so drei Tabletten am Tag, mehr hält seine Leber nicht aus! Der Arzt betrachtet sie verwundert. Früher oder später passiert es so oder so, Frau Kraus.

Und wirklich, was hatte sie mit diesem alten, ehemaligen deutschen Krieger zu tun? Hatte nicht sie noch vor kurzer Zeit ihren Ehemann verlassen wollen, um nie mehr wieder Hans durch das Haus in einer Militäruniform herumlaufen zu sehen, nicht sein «Auf Wiedersehen ... Auf Wiedersehen» hören zu müssen? Sie träumte doch davon, ihn in ein Pflegeheim zu bringen! Hatte sie diesem ehemaligen deutschen Besatzer etwa vergeben? Ein gebrechlicher alter Mann dreht mit seinen Händen die Räder des Rollstuhls ihr entgegen. Man sieht, dass die Bewegungen ihn viel Mühe kosten: Die runzelige Haut auf seinem Hals hängt wie leere Eingeweide schlaff herunter, die Sehnen auf seinen Armen sind angeschwollen, über sein Kinn trieft Speichel... Vielleicht hatten Ralf und sie überstürzt gehandelt? Sie hätten zunächst versuchen sollen, in der Nacht Hans mit einem Gürtel im Bett festzubinden. Sie hatten schließlich extra einen Gürtel dafür gekauft. Er kann sich von einer Seite auf die andere drehen, sich sogar aufsetzen, wenn er sich große Mühe gibt, aber aufstehen auf keinen Fall, hatte der Verkäufer gesagt. Man könne es außerdem auch so einrich-

ten, dass der Kranke liegt, ohne sich bewegen zu können, der Gürtel sieht auch eine solche Möglichkeit vor. Der Gürtel hindert ihn natürlich nicht am Schreien, aber für diesen Fall haben wir herrliche Ohrstöpsel — natürlich nicht für ihn, sondern für Sie, möchten Sie mal schauen? Nein, nicht nötig, hatte sie daraufhin gesagt, aber in ihrer Phantasie (ihrer krankhaften Empfindsamkeit) war sofort ein Bild dieses Gürtels als Erzeugnis der Perfektionierung traditioneller Folterinstrumente aufgetaucht. Die Alzheimer-Krankheit ist in Deutschland momentan sehr, sehr verbreitet, seufzte der Verkäufer, meine Eltern beide, und die Mutter meiner Frau ... Es versteht sich von selbst, dass sie alle in Altersheimen untergebracht sind, dort wird ihnen eine gute Betreuung zuteil.

Als ihr dieses Gespräch wieder in Erinnerung kam (die Deutschen geben also Leute, die ihnen nahestehen, weg, welchen Platz aber nimmt er in deinem Leben ein?), beruhigte sie sich ein wenig und betrat selbstbewusst den kleinen Raum mit einem Holzbett und bunten Vorhängen an den Fenstern. Dies würde nun Hans' Zimmer werden. Möglicherweise das letzte in seinem Leben. Ein anderes würde er nicht mehr sehen. Sie nahm den Alten bei der Hand, führte ihn, und er schlurfte in seinen Hausschuhen gehorsam hinterher. Vor der Tür blieb er stehen und betrachtete sie fragend. Sie verbarg ihre Beklommenheit und lächelte ihm ermutigend zu. Wozu den Kranken erschrecken? Also, Hänschen. Mache es dir hier bequem, fühle dich wie zu Hause. Hier wirst du von nun an wohnen. Hier ist es schön. Man wird sich hier um dich kümmern. Siehst du die herrliche Landschaft da

draußen? Du kannst die Blumen genießen, aber du darfst nur bis zur Hecke gehen. Keine weiten Spaziergänge! Ralf und ich werden dich oft besuchen. Sei nicht traurig! Und sie umarmte und küsste den alten Mann auf die schlaffe, kühle Wange — zum ersten Male seit ihrem Zusammenleben unter einem Dach. Und sie spürte auf ihren Lippen eine feuchte Spur. Komisch: Hans' Träne war nicht salzig. Ihr haftete überhaupt kein Geschmack an. Wie destilliertes Wasser. Nachdem sie den Kranken unter der Obhut der Krankenschwester gelassen hatte, die auf den neuen Heimbewohner bereits wie auf ein Kleinkind einredete, trat sie aus dem Zimmer, wobei sie feststellte, dass es dort keinen Spiegel gab, so dass sich Ralf mit niemandem unterhalten konnte. In der Tür blickte sie sich um, um ihm noch einmal zuzulächeln und zuzuwinken.

«Lass mich hier nicht allein», sagte Hans auf einmal und sah sie dabei mit ganz klarem Verstand an. Bei seinem Anblick verspürte sie einen Kloß im Hals (*also du bist echt 'ne Marke*! Wen bemitleidest du?). Sie lief die Treppen hinunter, setzte sich ins Auto und startete den Motor, um sich aufzuwärmen. Und da begriff sie, dass sie nicht vor der Kälte fröstelte, sondern es ihr von Schuldgefühlen kalt den Rücken herunterlief, die natürlich ganz unangebracht waren.

Im Haus herrscht eine ganz ungewöhnliche Stille. Eine Stille wie Watte, die ihre Gedanken umhüllt, als ob ihr Gehirn eine zerbrechliche, bis zum nächsten Weihnachtsfest gut verpackte Tannenbaumkugel sei. In ihre Schädeldecke hatte man weiche Watte gestopft, die sie der Luft zum Atmen beraubte. Hans' Tablette Melperon, die sie vor einer

Stunde genommen hatte, um einschlafen zu können, machte die Watte zu einer schweren, gequollenen Flüssigkeit und erst ... Wie geht es ihm? Gestern hatte er sich über Kopfschmerzen beklagt. Haben sie ihn gefüttert oder intravenös eine Flüssigkeit eingeführt? Wahrscheinlich liegt er jetzt in einer Lache, mit einem Gürtel an sein Bett geschnallt, und ruft nach ihr, er versteht doch nicht, wo er sich befindet ... oder begreift er es doch? Ist ihm ein Licht aufgegangen und hat er gemerkt, dass sie ihn dort zum Sterben abgeliefert haben? Warum hat er geweint? Es scheint, sie hat zu diesem dahinsiechenden alten, ihr völlig fremden Menschen Zuneigung gefasst. Und plötzlich lässt sie ein Gedanke sich auf ihrem Bett aufrichten: Vielleicht hat er schon das Personal überlistet und ist abgehauen?

Das Licht einer elektronischen Anzeige verriet ihr die Uhrzeit. Es war Viertel nach zwei. Sie fand die Pantoffeln auch ohne das Licht einzuschalten, warf sich in Jeans und in Pullover und ging, ohne selber zu wissen wozu, nach unten in das Zimmer des Kranken. Wahrscheinlich wollte sie dort nichts weiter als etwas aufräumen. Aber es gab eigentlich gar nichts zum Aufräumen: Der Spiegel stand an seinem Platz, das Bett hatte sie selber erst gestern sorgfältig bezogen. Und sie begann damit, vom Kopfkissen den Kissenbezug sowie das Bettlaken abzuziehen, um heute alles zu waschen, verrückte mit einer hastigen Bewegung die Matratze ... Eine Kladde mit einem ledernen Einband fiel zu Boden. Sie öffnete den Umschlag mit goldenen gotischen Lettern und begann, nur mit Mühe die Handschrift entziffernd, zu lesen.

«12. Dezember 2003.

Heute konnte ich mich nicht mehr daran erinnern, wie die Verkäuferin in der Fleischerei heißt, obwohl ich hier schon seit vielen Jahren Stammkunde bin. Dafür erscheint mir das einst in jenem Lande zwischen Polen und Russland Erlebte immer öfter in den Träumen, und ich sehe es so klar und deutlich, als ob es gestern passiert wäre. Deshalb will ich alles aufschreiben, ehe mich mein Gedächtnis endgültig im Stich gelassen hat.

Ich war 17 Jahre alt, als ich den Einberufungsbefehl erhielt. Ich sollte in der Militärkommandantur mit allen Unterlagen erscheinen, um meiner Dienstpflicht nachzukommen und das Reich vor den Feinden zu verteidigen. Ja, 1944 hatte man schon damit begonnen, die Siebzehnjährigen einzuziehen. Mein Klassenkamerad Erhard hatte den gleichen Befehl zwei Monate früher erhalten. Er ging nicht in die Kommandantur und wurde von Mitarbeitern des Reichssicherheitshauptamtes in Haft genommen. Man beschuldigte ihn des Verrates am Vaterlande. Danach hat Erhard keiner mehr gesehen. Auch seine Eltern verschwanden. Ich liebte meine Mutter sehr, deshalb ging ich in die Kommandantur.

Die Frontvorbereitungen dauerten nicht lange. Ich schämte mich, dass ich nicht einmal schießen konnte, wie es sich gehörte: Sie gaben kaum Gewehrpatronen aus. Dafür konnte ich ausgezeichnet marschieren. Der Feldwebel, der mir die Uniform aushändigte, seufzte: «Es ist eine Zeit angebrochen, in der man auch solche Taugenichtse wie dich in die Armee lässt.»

Am 12. Mai 1944 traf ich in der Division der motorisierten Infanterie ein, die im Reichskommissariat Ostland stationiert war. Ich war dorthin in einem nur mit Kerzen beleuchteten Waggon gefahren, Elektrizität gab

es nicht. Meine neuen Freunde spielten gut Mundharmonika. Ich lernte das Lied ‚Die Wacht am Rhein'...»

Sie setzte sich auf Hans' Bett, denn nicht nur ihr Gehirn, sondern auch ihre Beine wurden mit einem Mal zu Watte. Sie las weiter.

«***5. März 2004***.

Mein Sohn Ralf hat endlich geheiratet. Er hat eine Frau aus jenem Land mitgebracht. Als ich sie sah, war ich sprachlos: Sie sieht Zosja einfach unwahrscheinlich ähnlich! Jetzt suchen mich die Erinnerungen fast jede Nacht heim. Krämpfe schnüren mir den Hals zu, machen mir das Atmen zur Qual. Zosja, meine erste und einzige Liebe.

... Was für ein schrecklicher Wald hier! Schwarz, düster. Man erzählte mir: Im Herbst 1941 sind an dieser Stelle, zwei Kilometer von der nächsten Stadt entfernt, hinter dem Militärflugplatz Juden erschossen worden. Das hatte mir der Soldat Fischer, der schon lange am Vernichtungskrieg teilnahm, gesagt. Wie ging es vor sich? Die Juden waren in Autos und zu Fuß aus dem Ghetto geholt worden. Am Rande der Grube mussten sie sich entkleiden. Insgesamt lagen hier einige tausend «unwerte Leben». Vor einem halben Jahr wurde die Grube ausgehoben, die Leichen verbrannt. Fischer ist der Meinung, dass der Führer eine nicht nachzuvollziehende Schwäche an den Tag gelegt hat, als er sie dazu gezwungen hatte, ‚in dieser stinkenden Scheiße' herumzuwühlen, wie er sich ausdrückte: Es hing ein fürchterlicher Gestank über der ausgehobenen Totengrube. Die Leichen wurden nachts auf riesigen Haufen verbrannt. Wenn die Juden auf Befehl des Führers vernichtet wurden, fragte ich mich selber, warum erfolgt dann die Liquidierung des Massengrabes mitten in der

Nacht? Bedeutet das, wir sind Verbrecher? Aber solche Fragen laut zu stellen, ist nicht gestattet ...»

Sie öffnete das Fenster, denn auf einmal hatte sie keine Luft zum Atmen mehr. Der nächste Eintrag war mit einer anderen Tinte gemacht worden, die Handschrift noch weniger leserlich.

*«**19. September 2004**.*

Ich kehre also in meine Garnison zurück, die in einem Dorf ungefähr zwanzig Kilometer von der Stadt entfernt einquartiert ist. Ich kehre zu Zosja zurück. ‚Ich liebe dich', sagte ich zu ihr. Ich hatte diesen Satz in ihrer Muttersprache, einer sehr schönen Sprache, auswendig gelernt. Sie erwiderte nichts. Sie hat lange Wimpern und graue Augen. Lange helle Haare. Sie errötet schnell. Ihre Füße sind zerkratzt, denn sie läuft meistens barfuß. Auf dem rechten Unterschenkel ist ein großes Muttermal. All das rührt mich zu Tränen. ‚Ich will dich heiraten.' Sie schüttelte den Kopf und wandte sich ab. ‚Warum nicht? Der Krieg endet bald. Das Reich wird auch hierhin kommen.' Ihre Mutter kam mit Zosjas kleinem Bruder auf den Armen herein, und ich schwieg.»

Viele der aufgezeichneten Sätze waren durchgestrichen, und daher konnte sie auf der nächsten Seite den Text nur teilweise entziffern:

«... im Wald zeigte man mir die Spuren eines Partisanenlagers: eine Brandstätte, eine Festung aus Baumstämmen. Am Morgen sah ich im Dorf einen erhängten Partisanen. Auf seiner Brust die Aufschrift: ‚Ich habe deutsche Soldaten getötet'. Wozu sind wir in dieses Land gekommen? Um zu töten und getötet zu werden?

Im Wald fanden wir die Leiche des Soldaten Fischer. Neben ihm ein Stück Papier, auf dem mit seiner

Hand geschriebene Worte standen: ‚Im Namen des Vaters, des Sohnes und des Heiligen Geistes ... Amen ... Auf Wiedersehen ... Auf Wiedersehen ... Morgen um 9 Uhr gehen wir nach Hause, nach Hause, zu meiner Mutter ...' ‚Sie wollen morgen um neun? Wunderbar! Morgen kommt das Polizeibataillon hierhin, um sie genau nach Plan über den Jordan zu schicken!' hörte ich durch das offene Fenster der Kommandantur. Morgen um neun Uhr sollte das Dorf liquidiert werden. Mit allen Einwohnern.

Ich fand nicht sofort die nötigen Worte. ‚Morgen sind alle ... kaputt. Die Einsatzgruppe kommt.' Zosja verstand. Sie wurde bleich im Gesicht. ‚Lass uns fliehen ... zusammen ... dorthin, wo es keinen Krieg gibt... es gibt noch solche Länder ...' — Sie schüttelte den Kopf. — ‚Warum?' — ‚Sie töten dich.' An diese Worte klammerte ich mich: ‚Du sorgst dich um mein Leben. Das heißt, du liebst mich dennoch?' Wieder Schweigen als Antwort. Da fand ich in der Tasche ein Streichholz, führte das Flammenzünglein an meine linke Schulter. Zosja schrie auf: ‚Ich li-i-iebe dich', wiederholte ich, abermals in ihrer Sprache, hielt nicht inne und stöhnte auf vor Schmerzen. ‚Und du?' Ich nahm das Feuer nicht fort, bis sie endlich mit dem Kopf nickte, die ganze Zeit schweigend, mit gesenktem Blick.

Früh am Morgen. Im Dorf keine Menschenseele. In der Nacht sind alle auf und davon. In den Wald. Auch Zosja ist mit ihnen gegangen. Der Kommandant der Einsatzgruppe raufte sich wütend die Haare. Wenn er gewusst hätte, dass ich sie gewarnt hatte, hätte ich mich auf ein Kriegstribunal gefasst machen müssen.»

Jetzt hatte sie wirklich starke Kopfschmerzen, die wahrscheinlich vom Beruhigungsmittel und von der Anstrengung herrührten, eine unbekannte Handschrift in einer fremden Sprache entziffern zu müssen. Im Tagebuch war jetzt eine Seite herausgerissen, und auf der darauffolgenden kamen kurze abgehackte, in ungleichmäßigen Buchstaben geschriebene Sätze:

«... die Leichen lagen neben einer Scheune mit sperrangelweit geöffnetem Tor ... dort, wo sie erschossen worden waren ... so sah ich Zosja zum letzten Mal... und ihre Mutter und den kleinen Bruder ... Zosjas Augen waren weit aufgerissen ... und völlig leer ... wie der Himmel, der sich darin spiegelt ... schwarz vom Rauch ... wahrscheinlich hatte sie nicht einmal Zeit, um sich zu erschrecken ... oder sich an etwas zu erinnern ... man sagte mir, dies sei das Verdienst eines Hilfspolizisten aus der Gegend, denn er wusste, wie man auf die Insel im Sumpf vordringt, wo sich die Dorfbewohner gewöhnlich versteckt hielten ... danach sah ich ihn ... flink, mit gestriegelten Haaren und einem kleinen Oberlippenbart und herausquellenden, kaffeefarbenen Augen ... er goss Benzin über die Scheunenmauern ... ich sehe ihn auch heute noch vor meinen Augen ... ich habe mir geschworen, dass ich ihn finde ... ich hätte nicht alle, die eigenen Leute und die der Gegenseite, bestrafen können ... aber einen hätte ich töten können ... wenn der Rückzug nicht begonnen hätte ...»

Sie lief zu Ralf in das Schlafzimmer zurück und rüttelte ihn wach: «Hör mal, jetzt weiß ich, warum Hans ständig aus dem Haus geflüchtet ist! Dein Va-

ter... los, holen wir ihn von dort weg! Jetzt sofort! Ich werde mich selber um ihn kümmern!»

Ralf, der im schlaftrunkenen Zustand seinem Vater stark ähnelte, ebenso zerzaust und mit müdem Gesicht, bekam kaum die Augenlider auseinander.

«Wozu die Eile? Wir besuchen ihn heute Abend, okay?» Und er fiel in seinen Schlaf zurück. Nachdem sie eine Weile am Bett gestanden hatte, stürzte sie sich in die Garage. Hans' alter VW sprang sofort an. Sie fuhr durch einen aschfarbenen Nebel, dem Regen entgegen, und da fiel ihr ein, dass sie vergessen hatte, ihre Kontaktlinsen einzusetzen. Das war ärgerlich, wenn man bedachte, dass sie gerade einmal zwei Jahre lang den Führerschein hatte und noch wenig Fahrpraxis, aber was soll's, es wird schon klappen ... Der Regen prasselte immer stärker nieder, die Scheibenwischer kamen nicht nach ... eine Kurve, wieder eine Kurve, und jetzt eine Steigung ... vorsichtig, keine Eile ... und da spürte sie plötzlich, wie das Hinterrad zur Seite rutschte, das Fahrzeug brach rechts aus, bis zu einem steilen Abhang. Langsam, ganz langsam, Zentimeter um Zentimeter das Lenkrad drehend, bog sie auf die Chaussee ab, wartete kurz, feuchtete ihre ausgetrockneten Lippen an und fuhr wieder los.

Eine sommersprossige, dunkeläugige Krankenschwester, die wie Weihnachtsgebäck mit Rosinen und Zimt aussah, rollte ihr entgegen.

«Ich will zu Hans Kraus.»

«Jetzt ist keine Besuchszeit, Frau Kraus! Sie können den Herrn am Tag sehen, und der Arzt muss ...»

«Ich muss mich vergewissern, dass mit ihm alles in Ordnung ist! Lassen Sie mich durch!»

«Russische Emotionalität ...»

«Ich komme aus Belarus, aus *Weißrussland*! Das ist nicht das gleiche!»

«'Tschuldigung...»

Im Krankenhausflur lief ihr der diensthabende Arzt mit einer Maske höflichen Erstaunens entgegen. Jetzt würde er ihr zuhören und nicht mehr widersprechen. Zu zweit würden sie zum alten Mann hochgehen — zu dieser Zeit schläft er normalerweise nicht.

«Fahren wir nach Hause», würde sie Hans sagen, in ihrer Muttersprache würde sie es ihm sagen.

Aus dem Belarussischen übersetzt von André Böhm

Пераклад з беларускай Андрэ Бёма

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ: ИНТЕРВЬЮ-ПОСЛЕСЛОВИЕ

Повесть Алены Браво «Прощение» — еще одно свидетельство того, что настоящий писатель видит жизнь во всех ее проявлениях, не выделяя времена и социальные катаклизмы как нечто частное, разделенное между собой границами. У писателя есть одна обязанность — рассказать о том, что он как человек, наделенный талантом особого зрения, рассмотрел вокруг себя. И совсем не важно, является ли художник слова привязанным к одной теме, пишет о давно ушедших событиях или создает фантастическую картину завтра. Главное — правда и разговор о ней со своим современником. А мы попробуем поговорить с самим автором «Прощения»…

— Алена, проза — тяжелое мужское занятие, а ведь ты пишешь и стихи... Даже не вопрос хочу задать, а просто рассуждаю: тяжело ведь, наверное, по-настоящему переживать то, что выписываешь, фиксируешь словом, вытаскиваешь из жизни...

Все твои произведения — это пережитое или художественный вымысел?

— Отталкиваюсь от реальных событий, будь то факты моей собственной биографии или выуженные из жизни других. Потом, в процессе работы, нанизываю на этот стержень вымышленные детали. Часто «дарю» героиням ту или иную подробность

своей биографии. Наиболее близкий к нон-фикшн текст — это «Комендантский час для ласточек». Он ведь писался на основе дневников, которые я вела на Кубе, куда уехала в 1989 году вместе с мужем и дочерью. У нас как раз шла перестройка, власти СССР отказались материально поддерживать Кубу, Фидель Кастро в ответ объявил в стране «особый период»: жесткая карточная система плюс идеологическое противостояние новым веяниям из Москвы. Вот на такую Кубу я попала в качестве «совкубинки» — советской жены кубинца. Можно сейчас поехать в Сантьяго-де-Куба и пройти с книгой по городу, сверяя названия улиц, магазинов, кафетериев и музеев, постоять в очередях за нормированными продуктами и услышать те фразы, которые произносят кубинцы в повести, увидеть лозунги на фасадах зданий. Все демонстрации и государственные праздники, учения на американской военной базе в Гуантанамо датированы точно. Документируя все это, я меньше всего намеревалась когда-либо сделать из этого «литературу». Когда повесть была опубликована, читатели испытали шок, настолько мое описание этой страны отличалось от Кубы «глазами туриста». Еще бы, я ведь видела все изнутри, стояла в очередях за нормированными продуктами, водила дочку в местную поликлинику, дружила с такими же, как я, «совкубинками»… Открывая для себя чужой мир, я осознавала ценность собственного — своей души и того, что именуется культурным пространством. Тогда, в начале девяностых, мы свое дружно ругали, высмеивали, презирали. Выплеснули вместе с водой и ребенка: патриотизм, гордость лучшими страницами нашей истории. И нужно было оказаться в бананово-сахарном «раю», чтобы испытать такое «старомодное» чувство, как любовь к Родине.

— Не кажется ли тебе, что настоящий художник оказывается заложником, вынужденным по-

стоянно выбирать: стоит ли рассказывать правду или все-таки надо показывать героев достойными людьми?

— Я считаю своим долгом рассказывать именно правду, хотя при этом мне часто приходится разбивать типичные иллюзии. Когда вышел роман «Менада и ее сатиры», я получила много откликов. Необычная ситуация для белорусского текста, правда? Тем не менее, это было так. Роман оказался зеркалом. Высказывания варьировали от благодарности и наивно-искреннего: «Это ведь обо мне, откуда вы узнали?!» до оскорблений. Одна пенсионерка-учительница заявила мне по телефону: «Мне не нужна ваша «тьма низких истин», оставьте мне мои иллюзии, мой «возвышающий обман!» Самообман красив, но он неизбежно заканчивается. Жизнь разбивает фантазии, а заодно и ваше сердце. Расставаться с иллюзиями надо своевременно, это единственный путь к взрослению и общества, и человека.

— Мораль часто расходится с прагматическими действиями человека. Ты исследуешь мораль или ты просто пишешь о том, что встретила в жизни?

— Разумеется, я не сверяю свои тексты ни с десятью заповедями, ни с моральным кодексом строителя коммунизма. Я прожила на свете достаточно долго и прочитала достаточно много замечательных книг, чтобы иметь основание полагать, что во мне сформировано внутреннее зрение, позволяющее отличить плохое от хорошего и разглядеть зло в самом распространенном его варианте — зло обыкновенное, житейское, бытовое. Как и героиня повести «Рай давно перенаселен», я так и не приобрела спасительного «замыливания глаз» (безусловно, удлиняющего жизнь). Многие мои тексты исследуют взаимоотношения внутри семьи: мать и дочь, бабушка и внучка. Так, героиня «Рая…» занимается подробной реконструкцией собственного детства, мир которого был расколот, на его «темной» стороне осталась любимая

бабушка, чью душу не смогли высушить ни война, ни смерть близких, ни клеймо дочери врага народа. Все нити рассказа тянутся к образу бабушки, она олицетворяет собой духовность и мораль, в отличие от матери рассказчицы, которая родилась «под холодными солнцами мнимых величин» и сделала доминантой своего существования самообман (в тексте — «закон Стеклянного Яйца»). Мораль не исследуется отвлеченно, ее носителем выступает тот или иной человек.

— А вообще, что, по-твоему, есть правда в литературе, насколько она отличается от правды в жизни?

— Жизнь полна шелухи, второстепенного и несущественного, бытового сора, за которым теряются черты типического. Не копировать реальность слепо, а отбросить «мелких правд пустую прю», вылущить из оболочек ядрышко истины и есть дело литературы. Только тогда она сможет поражать, пробуждать, открывать глаза, заставлять читателя воскликнуть: «Ну и ну, я столько лет варился в этом котле и, оказывается, ни черта не понимал!»

— Немного о форме... Считаешь ли ты, что в искусстве, литературе одинаково важно, ЧТО сказать и КАК сказать?

— Разумеется, содержание и форма одинаково важны. И есть еще нечто, рождающееся из сплава того и другого, что я назвала бы энергетикой автора. Именно это «нечто» заставляет, при теперешнем количестве изданного, дочитать текст до конца. Многие формально совершенные тексты лишены энергетики. Но читателя никогда не «заякорит» безразличное сердце автора. Теперь ведь даже о страшном пытаются писать красиво, «гламурно» — недавно читала такой ажурный текст в духе нового барокко, и описывались в нем ужасы войны. Что-то вроде пыточных инструментов, плавающих в сахарном сиропе. Автор демонстрирует мастерство изысканного стилиста и

эмоциональную холодность лагерного медика. Не хочу сказать, что писать нужно исключительно кровью, но вместе с живой авторской эмоцией текст теряет возможность отклика. Усложняется хитрая система тропов-подпорок — для того, чтобы спрятать внутреннюю пустоту. Понятно, что автор — тоже человек, и ему не хочется все время «кровью чувств ласкать чужие души». Но дело в том, что писатель не может позволить себе быть равнодушным человеком.

— И все-таки о повести «Прощение». Почему тема войны волнует и тебя? Неужели все в мире согласно Каменскому: «Нельзя положить конец войнам, продолжая вести их, распрям, разжигая их, преследованиям, преследуя людей. Для этого надо предпринять полное изменение всех этих дел»... Литература может «предпринять полное изменение всех этих дел»?

— Во время моей жизни на Кубе я впервые столкнулась с тем, что сейчас определяю как катастрофическую для человечества в целом черту: отсутствие исторической памяти. Меня потрясло, как целый народ повторяет в точности те же ошибки, которые уже были сделаны другими. Я всячески старалась «открыть глаза» своим друзьям-кубинцам, но тут обнаружился еще один феномен: люди в буквальном смысле слова закрывали руками уши, они не хотели слышать. Кстати, теперь многие из моих оппонентов стали эмигрантами, и они мне говорят: «Ты была права!» Да, но почему я видела это *тогда,* а они — только теперь?!

Нечто подобное, как мне кажется, происходит и в отношении минувшей войны. После такой страшной мясорубки человечество просто обязано отказаться от войн как способа решения проблем. Однако войны происходят. Почему? Древнегреческое слово «алетейя» («истина») означает «отсутствие забвения». Утратив историческую память, неизбежно потеряешь истину. Героиня «Прощения» Лариса, приехавшая в Гер-

манию из Беларуси, не верит своим глазам: в журнале, который выпускают бывшие автохтоны СССР, в рубрике «9 мая в мировой истории» отсутствует даже упоминание о мае 45-го! В итоге бывший солдат Вермахта Ганс, потерявший разум в результате болезни Альцгеймера, парадоксальным образом оказывается единственным, кроме Ларисы, носителем исторической памяти.

Кстати, Ларисе я «подарила» один эпизод из собственной биографии: деревня, где жила моя бабушка, была сожжена во время оккупации, и метрики моего отца сгорели. Он прожил жизнь по документам своего младшего брата, который задохнулся, когда бабушка, прячась с детьми в лесу во время облавы, пыталась дать младенцу грудь, чтобы он плачем не выдал всех. В моем отчестве заключено имя того умершего крохи.

Неслучайным является и тот факт, что тираж настоящей книги составляет 1418 экземпляров: именно столько дней и ночей длилась Великая Отечественная война.

А еще мною, как писателем, двигала тоска по положительному герою. В сегодняшней жизни я таковых не вижу. Чувство, вспыхнувшее между юным солдатом Вермахта Гансом и белорусской девушкой Зосей в двух шагах от смерти, настолько светлое и чистое, насколько же и обреченное. Трудно не плакать над судьбой Зоси, не сопереживать Гансу, когда он, будучи уже тяжело больным стариком, ищет убийцу любимой.

Может показаться, что литература бессильна сделать что-либо для «изменения всех этих дел». В 1983 году была написана «Кассандра» Кристы Вольф — потрясающая книга, вскрывающая сам механизм зарождения войны. Написаны десятки талантливых книг, и что же? А то, что пока пишутся такие книги, энтропия не станет тотальной. Люди вынуждены будут помнить, знать, сопереживать.

— Часто ли ты как писатель задумываешься над тем, что завтрашний день очень тревожный, что мир вот-вот может взорвать какая-то «психологическая взрывчатка»?

— Сколько себя помню, тревога была моим внутренним фоном. Как-то прочла у Алена Роб-Грийе об «исходной недовоплощенности» человека, о «ядре небытия» внутри него, которое будто бы и порождает тревогу. Роб-Грийе считал, что для писателя спасение от «исконной, фундаментальной тревоги» — в творчестве, создании текстов. А Мишель Уэльбек сказал: писательство — лишь «временное спасение». Я нахожу вокруг себя и в себе такую массу поводов для тревоги, что даже малая их часть, осуществившись, способна взорвать мир.

— Когда-то в Минске проходила конференция по проблемам «военной» литературы. Литературоведы из академии наук раздали ее участникам анкету, где был и такой вопрос: что каждый из нас подумал бы, сказал бы, сделал, если бы узнал точно, что вот-вот начинается ракетно-ядерная война? Что подумала и сделала бы ты?

— Честно говоря, мне удивительно, что она до сих пор не началась. У меня нет иллюзий относительно человеческой природы. Теперь уже и у нас, в бывшем СССР, а не только на «гнилом Западе», выросло поколение людей, готовых за деньги на любую подлость. Эти «новые» сформировались в девяностые, и такие понятия, как Родина, совесть, судьба человечества для них вообще пустой звук или нечто из области «стеба». Сюжет романа, в котором какой-нибудь деятель продает очередному психопату с мессианским комплексом возможность доступа к ядерной кнопке, сегодня не кажется таким уж абсурдным. Как и то, что возможность завладеть богатством способна начисто вышибить из головы безумца мысль о том, что деньги ему уже не понадобятся.

Что тут можно сделать? Как ни странно, я верю, что у человечества в целом есть Некто вроде ангела-хранителя. Иначе мы с нашей безответственностью давно взорвали бы мир.

— Не страшно ли начинать новое произведение, когда вспоминаешь о том, какие уже были предшественники... И даже не в XX веке, а в веке XIX — Толстой, Достоевский, о которых один западный исследователь сказал: у их ног по-детски играет вся мировая литература...

— Не думаю, что такие противопоставления имеют смысл. Каждое поколение приходит в мир для того, чтобы выразить себя. Дело писателя — попасть в «десятку» надежд и тревог своего поколения, максимально точно выразить дух времени. У каждой эпохи свой собственный код. Его и нужно стараться почувствовать и выразить.

Алесь Карлюкевич

ЗМЕСТ

Літаратурна-мастацкае выданне

БРАВА Алена Валер’еўна

ДАРАВАННЕ
ПРОЩЕНИЕ
VERGEBUNG

Аповесць

Рэдактар *А. Г. Шклярэўская*
Рэдактар і стыльрэдактар нямецкага тэксту *Г. А. Скакун*
Дызайн і мастацкае афармленне *Р. М. Найдзен*
Камп’ютарная вёрстка *Л. В. Міхеева*
Стыльрэдактар *В. А. Аляксеева*

Падпісана ў друк 18.06.2013. Фармат 84×108 1/32.
Папера афсетная. Ганітура Myriad Pro. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 10,92. Ул.-выд. арк. 7,71. Тыраж 1418 экз. Заказ .

Рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова
«Выдавецкі дом «Звязда».
ЛВ 02330/936 ад 11.10.2010.
Вул. Б. Хмяльніцкага, 10а, 220013, г. Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецтва «Беларускі Дом друку».
ЛП 02330/0494179 ад 03.04.2009.
Пр. Незалежнасці, 79, 220013, г. Мінск.